

история/география/этнография

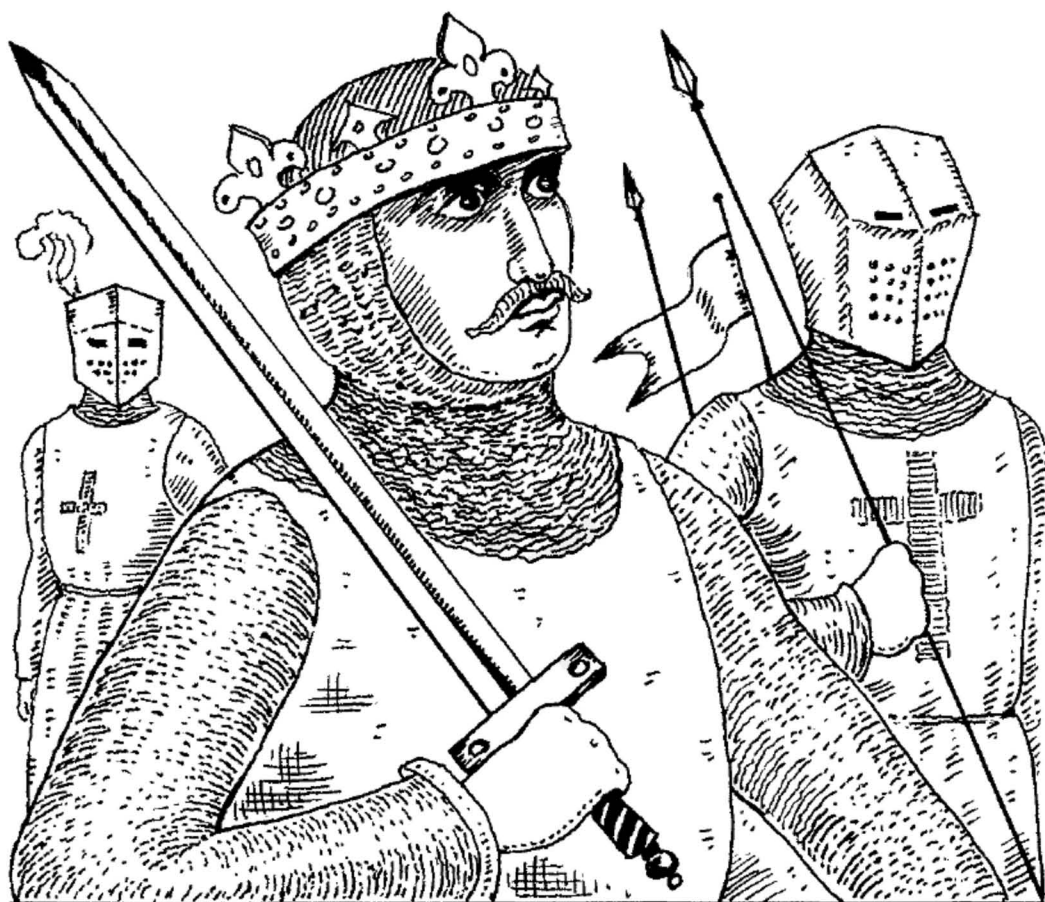

Ольга Добиаш-
Рождественская

Эпоха крестовых походов и ее герои

Ломоносовъ
издательство

Ольга Добиаш-
Рождественская

Э

поха крестовых
походов и ее герои

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2017

УДК 94(569.4)034
ББК 63.3(0)4
Д55

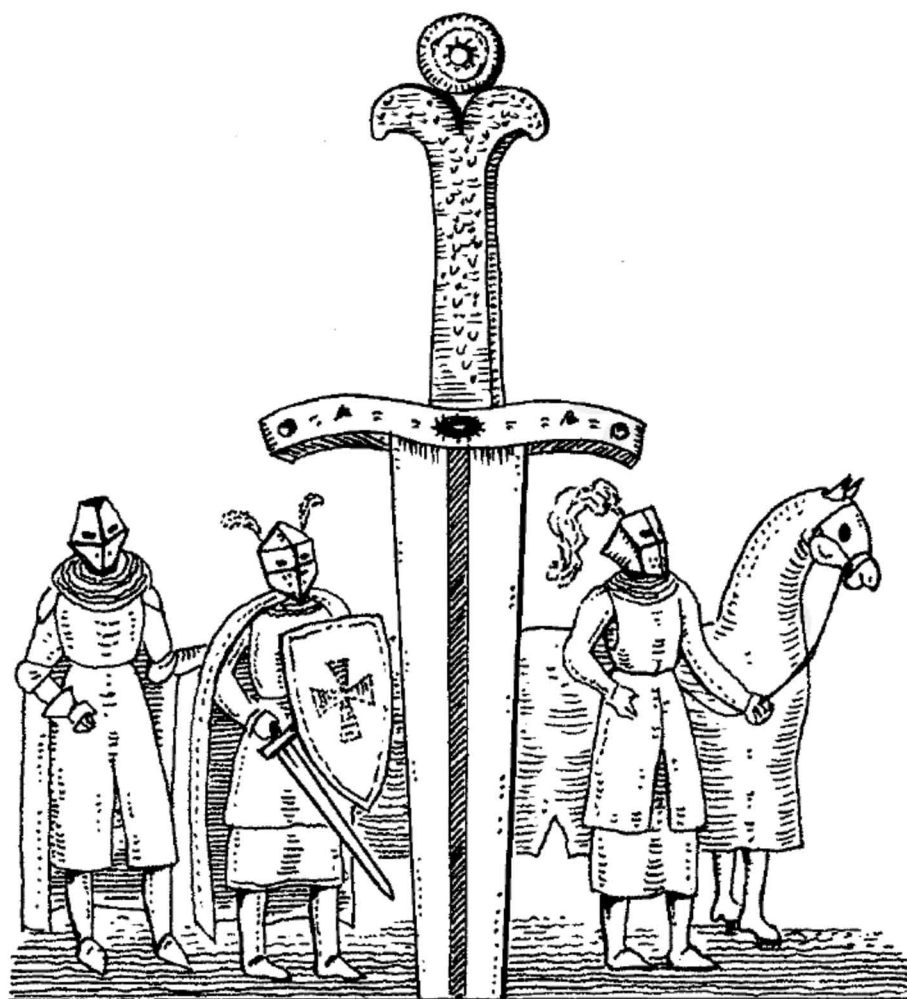
Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Крестом и мечом

Приключения
Ричарда I Львиное Сердце

Предисловие

*Посвящаю
дорогому моему учителю
Ивану Михайловичу Гревсу*

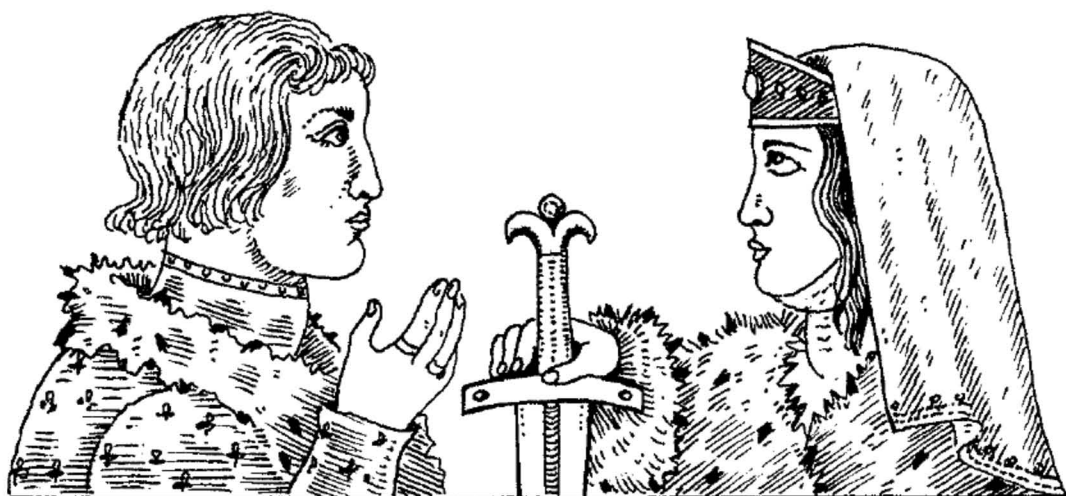
Приключения Ричарда Львиное Сердце должны возбудить в современном читателе интерес, быть может, еще более живой, чем тот, какой к ним притягивал людей его поколения. Драматическая фигура блестящего авантюриста и бесстрашного скитальца по суше и морям, жизнь, полная головокружительных успехов и роковых неудач, волновавшая воображения Востока и Запада, для нас — вне своих живописных эффектов — имеет более сложный смысл. Он определяется как раз тем, что смущало его современников, было им особенно непонятно и сказалось лишь в их случайно оброненных фразах и недомолвках. Выросший органически из своей среды, необычайно ярко ее отразивший, Ричард вместе с тем почти свободен от власти традиции. В его системе как правителя, в его тактике как стратега, в его методах как моряка, в его мирозерцании как крестоносца было очень мало такого, что, не искажаясь, вменялось в стереотипные формулы его эпохи.

В частности, очень трудно установить, был ли сколько-нибудь «церковно настроенным» человеком этот насмешливый король, чьи мефистофельские шутки подчас веселили, а чаще пугали его анналистов и поэтов. Вся его эпопея имеет, несомненно, какой-то иной, бóльший, смысл, чем утоление тоски по Иерусалиму, хотя в современном ему изображении она отчасти отлилась в эти краски.

Мало кто, как неугомонный король Ричард, с такой силой эмоции пробивал пути, ведущие в новый мир, но, с другой стороны, он даже для своего времени был «человеком прошлого». Такой человек не может остаться безразличным для истории, по которой он прошел как сила одновременно разрушительная и движущая.

Глава I

Викинг во французской культуре

«За полгода до гибели Генриха (Анри¹) II, в пятницу перед Рождеством; в час ночного безмолвия, приблизительно около времени первого сна, возшла в Англии комета, обычно предвещающая смерть или рождение государей. Она восходила ниже не только звезд, но и планет и в этом туманном воздухе мнилась чем-то вроде огненного шара. Она неслась через небеса со странным шумом, как бы длительным громом, оставляя за собою непрерывной полосой тянущееся сияние».

Читая эти строки из трактата Геральда Камбрезийского² «О воспитании государя», трудно отделаться от мысли, что образ кометы, оставившей зловеще яркий след в туманном небе средневековой Англии, прямо и непосредственно относится к Ричарду, третьему сыну Генриха II Плантагенета. Эта удивительная комета явилась знамением смерти старого короля. Она же возвестила вступление на престол старшего из оставшихся в живых его сыновей — герцога Анжуйского Ричарда, заслужившего позже имя Львиное Сердце. Многократно преданный отцом и сам предавший его, «принц

с львиным сердцем» должен был в 1189 году продолжить на английском королевском и ряде французских герцогских и графских престолов ту злополучную династию, с которой упорно связывали пророчество, приписываемое древнему предсказателю Мерлину: «В ней брат будет предавать брата, а сын — отца».

Этому королю было суждено стать героем всех впечатлительных воображений Европы и Передней Азии. Его суда пенили волны Атлантического океана и Средиземного моря, в самой несходной обстановке и в самых различных климатах и местах моря и суши он воевал, грабил, кощунствовал, ругался (его ругательствам Геральд посвящает целый параграф, с неодобрением сравнивая его манеру с исполненным благочестия и приличия поведением французских принцев), молился, пировал и пел — и эта пестрая правда жизни Ричарда нашла отражение в разнообразной поэзии его времени. Его воспели и труверы Северной Франции, и трубадуры Франции Южной. Вокруг его страшной фигуры слагались арабские сказки и пророчества итальянских визионеров. Греческие, латинские и армянские хронисты запечатлели на разных языках ужас перед его яростной энергией, его демонической силой, восхищение его великодушными подвигами, жалость к его трагической судьбе. «Умер король Ричард, — написал в 1199 году один из первых трубадуров Госельм Феди. — Тысяча лет прошла без того, чтобы умирал человек, чья утрата была бы такой безмерной. Не было мужа столь прямого, доблестного, великодушного. Сказать правду, во всем мире одни его боялись, другие любили».

Современные ему биографы живописали Ричарда упрощенно-ярко. В этих изображениях удивляет не только большая разница оценок, но и их прямая полярность. Одни представляли его здоровым, другие — больным; одни — красавцем, другие — бледным дегенератом; одни — жадным, другие — великодушным и щедрым; одни — коварным предателем, другие — верным и прямодушным; одни — Божьим паладином, другие — исчадием дьявола. Мнения историков о Ричарде также неоднозначны. Так что же это за фигура? Какова роль представляемой ею стихии в реке времен? Строил ли он будущее или метался враждебным вихрем на его

пути? Закон рождения сделал его «королем», официальным вождем сильных и деятельных групп по обе стороны Ла-Манша. Играл ли он приметную роль в их организации или разложении, в социальных исканиях и утратах — и какую именно?

Если свести к краткому и резкому выражению смысл большинства оценок Ричарда, то получится, что даже для своего нетребовательного времени он был никуда не годным государем. Он никогда не сидел дома, но вечно носился по суше и морям, он ограбил Лондон, разорил Англию ради своих крестоносных предприятий, запутал управление, растратил попусту невероятное количество денег и человеческих сил, угробил множество жизней. При нем расцвели всевозможные авантюристы, получавшие в собственность земли и замки, а потом мучившие попавшее под их власть население. Он был правитель жестокий и суровый, за малейшую провинность готовый топить и вешать своих матросов и солдат. Он ничего не понял в социальных изменениях, которые совершались в деревнях и городах его страны, не уразумев даже того, что поняли и — в интересах монархии — поддержали его отец, Генрих Плантагенет, и его современник, Филипп II Август, король французский. Он был бретер, задира, честолюбец. Даже в крестоносном деле он видел скорее авантюру, которая может дать богатство, в лучшем случае — славу; он руководствовался желанием приложить свою воинственную энергию в гораздо большей мере, нежели стремлением совершить «подвиг Божий» и вступить на «путь покаяния».

За Ричардом никто не отрицает таланта, своеобразного, преимущественно язвительного, остроумия, личной энергии и мужества, организаторских способностей. Но полное непонимание глубоких основ всех тех исторических движений, около которых он стоял, в Европе, но и в Азии, крайне узкое и чисто личное отношение к событиям и людям, импульсивность характера, легкомысленное отношение к подлинной трагедии Святой земли и роли в ней латинского рыцарства сделали его, может быть, самым вредным человеком в Третьем крестовом походе. Он разрушал левой рукой то, что строил правой, и, не мирясь ни с чьей инициативой рядом со

своей собственной, подрывал возможность всякого сотрудничества и в конце концов разогнал союзников и скомпрометировал дело Святой земли. Несмотря на ряд совершенных им подвигов, прежде всего его собственная плохая политика виновата в окончательной утрате Иерусалима, завоеванного с таким трудом его предшественниками.

На общем фоне XII века, полного новых социальных и духовных возможностей, Ричард рисуется воплощением всего, что должно было пойти на слом. Среди современных ему государей, таких, как французский король Филипп II, германские императоры Фридрих I и Генрих VI, и прежде всего рядом со своим отцом, который был чутким и трезвым политиком, этот коронованный трубадур и бродяга представляется явлением запоздавшим, искусственно задержавшимся в новом мире. Для мира, идущего вперед, отделаться от такого причудливого и беспокойного государя чем раньше, тем лучше; следовательно, Ричард мог бы нас интересовать только как любопытный пережиток. Но за этим суровым приговором остается, однако, вопрос:

Зачем крутится вихрь в овраге,
Колеблет прах и пыль несет,
Когда корабль в бездонной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, угрюм и страшен,
На пень гнилой? Спроси его...

Все же образ Ричарда — это яркое воплощение романтизма, безграничной личной свободы, вызывающей желание внимательнее всмотреться в того, кого «во всем мире одни боялись, другие любили». Быть может беспристрастнее и шире оценив те ферменты брожения, которыми он возмутил окружающую его стихию, мы придем к несколько менее суровому выводу о его месте и значении в истории.

Среди расходящихся в самых неожиданных направлениях изображений личности и судьбы Ричарда одно из самых характерных принадлежит Геральду Камбрезийскому. Хроникер подчеркивает в короле-авантюристе какую-то обреченность. Подобно своим коллегам-современникам,

он охотно сравнивает Ричарда с Александром и Ахиллом — на том основании, что ему, как и им, суждена была ранняя слава и ранняя смерть. Но обреченность Ричарда для Геральда глубже этого совпадения. Она кроется во «вдвойне проклятой крови, от которой он принял свой корень». В трактате «О воспитании государя» мрачная семья Плантагенетов служит темным фоном для светлой династии Капетингов.

Все предсказания, видения, голоса, которые Геральд собирает и высыпает перед читателем, должны произвести одно — определенное — впечатление. И для усиления этого впечатления Геральд не жалеет красок. От Мерлина до Бернарда Клервоского³, от «знатного мужа» до «некоей доброй женщины» самые разнообразные персонажи появляются в его трактате, чтобы предсказать судьбу коварного старого короля и его преступных, несчастных сыновей. «От дьявола вышли и к дьяволу придут», — предрекает будто бы при дворе Людовика VII святой Бернард. «Происходят от дьявола и к нему отыдут», — повторяет Фома Кентерберийский⁴ в видении, где он был запрошен о судьбе семьи Генриха II. Угроза, понятная в устах архиепископа, который по одному намеку короля был убит «между церковью и алтарем». «Некий монах», размышлявший о будущем Плантагенетов, увидел одного старого и четырех молодых селезней, погружившихся в воду и в ней утонувших перед налетевшим соколом. «Сокол — король Франции».

Сам Генрих II в предчувствии грядущего велел будто бы изобразить на пустом месте стены Винчестерского дворца орла и четырех орлят, из которых два быют отца крыльями, третий — когтями и клювом, а четвертый, повиснув на его шее, пытается выклевать ему глаза. «Четыре орленка — четыре моих сына⁵. Они до смерти не перестанут преследовать меня. Младший, кого я больше всего любил, горше всего меня оскорбит».

Ричард неоднократно рассказывал историю о своей отдаленной бабке — ее применяли и к матери его Алиеноре Аквитанской, графине Анжуйской, «удивительной красоты, но неведомой (очевидно, демонской) породы». Эта дама вызывала подозрения близких тем, что во время мессы ни-

когда не оставалась на момент освящения даров, но уходила тотчас после Евангелия. Однажды, когда по повелению короля четыре рыцаря хотели ее удержать, она, покинув двух своих сыновей, которых держала под плащом справа, улетела в окно с двумя другими, которых держала слева, и больше не возвращалась... «Неудивительно, — замечал рассказывавший это Ричард, — что в такой семье отцы и дети, а также братья не перестают преследовать друг друга, потому что мы все идем от дьявола к дьяволу». «Разве ты не знаешь, — спрашивал будто бы у того же Геральда принц Жоффруа, — что взаимная ненависть как бы врождена нам? В нашей семье никто не любит другого».

Большинство видений и предчувствий в хронике Геральда относится к королю Генриху и лишь косвенно затрагивает его сыновей. Вся энергия гнева и сарказма этих эпизодов относится к автору кларендонских постановлений⁶ и убийце Фомы Кентерберийского. «Но какова может быть судьба сыновей такого отца?» — вопрошает Геральд.

Лично к Ричарду отношение Геральда исполнено осторожности и даже пиетета. Ни при каких обстоятельствах не забывает он, как в 1187 году «ради отмщения Христовой обиды король принял знак креста, подав тем всем заальпийским народам пример великодушной смелости». Портрет Ричарда, который он чертит в момент его смерти, сделан скорее сочувственной рукой. Но ни личные качества, ни блестящие подвиги героя не отклоняют грозных путей семейного рока. «Как со стороны отца, так и со стороны матери, королевы Алиеноры, порочен корень их сыновей, и потому, зная их происхождение, да не удивится читатель их злополучному концу», — пишет Геральд.

Закон наследственности, который получил зловещую форму в вещаниях святых Бернарда и Фомы, мог бы, однако, если отталкиваться от вещей более трезвых, нежели умозаключения привидений, обусловить весьма благоприятные предсказания в отношении семьи Плантагенетов.

Эта семья, смешавшая в себе много сильных и разнообразных кровей германского севера и романского юга, соединившая суровую душу скандинавских скал, сложную жизнь пиренейско-атлантической страны и веселье лазурных

берегов Прованса, бывшая наследницей разных культурных традиций, была исключительно энергична и талантлива. Все известные нам предки короля Ричарда — были личностями яркими; при этом они все были хорошо развиты физически. Впрочем, они не дали ни одного образа высшей человеческой красоты, какие, например, знала хотя бы в Людовике IX Святом семья Капетингов.

Кровь норманнских пиратов, на многие десятилетия «впитавших воздух моря и страсть к безбрежным странствиям», за два века мало изменилась и победила все примеси на северофранцузском берегу⁷. Это демонстрировали Гильом, завоеватель Англии, его сыновья Гильом Рыжий и Генрих I⁸ и, наконец, его правнучка Матильда, которую называли «императрица Матильда» из-за обширности владений, куда к завершению ее правления, помимо Англии, входила чуть ли не половина территории современной Франции — Нормандия, Бретань, Анжу, Пуатье и множество мелких владений. Когда Матильда, единственная прямая наследница нормандской династии в Англии, бывшая первым браком замужем за германским императором Генрихом V, затем отдала свою руку вместе с правами на английский и норманнский престолы анжуйскому графу Жоффруа Плантагенету, кровь эта влилась в жилы графов Анжу, одной из самых крупных сеньорий французского запада.

Сын Матильды — Генрих II, которого хроники именовали «сыном императрицы», принял от нее три короны — королевскую английскую, анжуйскую и нормандскую. Среди своей норманнской родни этот король был человеком на девять десятых французской крови. Дело в том, что огромные, многодетные семьи норманнских баронов, из которых не была исключением герцогская семья, плодились и множились не только за счет законных жен, но и наложниц — очевидно, в огромном большинстве женщин французского, местного происхождения.

Побочные дети, «бастарды», — таким был и Гильом, завоеватель Англии, — не бывали обездолены в отцовском наследстве. Норманнский обычай признавал полное их равенство с законными детьми, и только их многочисленность вынуждала большинство младших, не вмещавшихся в родо-

вой удел, искать счастья за морями. Так искал его в Англии Гильом, в Испании — Роджер, в Италии и Византии — Гвискар, в Сирии — Боэмунд и Танкред, предводители Первого крестового похода.

Помимо норманнов по материнской линии, отец Ричарда — Генрих II имел и чисто французскую, анжуйскую родню. Это была старая семья каролингских графов, давно осевших в светлом и мягком крае, на широкой долине, которую пробила, катясь к морю, Луара, окруженная здесь рощами дубов и полная весною аромата шиповника. Генрих II был глубоким патриотом родных своих городов — Тура и особенно Ле-Мана, «где была его колыбель, где была могила его отца». Об этом он вспоминал впоследствии, во время трагических событий, заставивших его, точно травленного волка, бежать по своей стране из города в город от преследовавшего его сына Ричарда.

Хотя сам Генрих, повторяем, был человеком преобладающе французской крови, в фигуре Ричарда Львиное Сердце, в его могучем, статном теле и золотисто-рыжих волосах⁹ можно было узнать потомка викингов, как век назад узнавали викинга в норманнском князе Южной Италии Боэмунде Тарентском — во время Первого крестового похода он появился в Византии и поразил воображение местной принцессы¹⁰ своими изменчивыми, цвета моря глазами. Поэтому понятно (хотя это, разумеется, большая натяжка), когда один из историков Ричарда — Александр Картельери¹¹ — упорно называет его «норманном».

Самоутверждение могучей северной расы в случае Ричарда тем более удивительно, что она перебила не только унаследованное от отца, но и полученное от матери. Ею была Алиенора Аквитанская, которая до 1152 года блистала в качестве супруги Людовика VII Капетинга, народив ему много дочерей¹² и на шумев своими романтическими приключениями. Вообще в Париже у нее была очень плохая репутация, ходили слухи о ее романах на Востоке, куда она отправилась с мужем в крестовый поход. Там Алиенора организовала свой собственный крестоносный отряд из придворных дам, и, по легенде, которую она распространяла сама, этот отряд однажды выступил в виде амазонок, то есть обнажив грудь.

После многочисленных подозрений и обвинений она была разведена с первым мужем (официальной причиной объявили близкое родство) и вышла замуж за его анжуйско-нормандского формального вассала, а фактически соперника Генриха, которому вместе с женой достались права на весь французский юго-запад.

Так дополнялась вокруг слабой державы парижского короля Людовика VII дуга «вассальных владений» того, кто, уже будучи графом Нормандским, Бретонским и Анжуйским, а также английским королем, стал еще герцогом Аквитанским. Отныне в его руках было все атлантическое побережье.

Новая страна, попавшая во владения Плантагенетов и привязавшая к ним Лангедок, всегда занимала своеобразное место в судьбах Франции. Та часть Аквитании, куда океан вступает глубокими заливами и которая сама склоняется к океану, связывая Луару с Гаронной, была искони большой дорогой для миграций самых разнообразных народов, с одной стороны, двигавшихся с северо-востока в Испанию, с другой — искавших из Гenuэзского залива кратчайший путь к «Острову океана», то есть к Британии. В течение долгих столетий здесь смешивались народы севера и юга, и о великих гаванях западного берега рано узнали на средиземном приморье, на Роне и Рейне. Римские инженеры связали эту страну с Италией, и с первым дыханием весны в оживавшем Средневековье их дороги начинают топтать не только воины, но и торговцы и пилигримы. Одной из этих дорог в конце IV века направлялся в Палестину оставшийся неизвестным путник — так называемый «мэр Бордо». Другая была с X века обычным путем странствий к Сантьяго-де-Компостела¹³. До самой глубины Пиренеев она овеяна воспоминаниями о Карле Великом и его двенадцати паладинах¹⁴. Античная культура, продвигавшаяся сюда удобным и естественным путем, зачастую оставила здесь больше следов, чем в местах более близких к ее источнику.

О ранней зрелости Аквитании еще в XII веке говорил внешний вид ее городов: в храмовых постройках Пуатье, Ангулема и Периге чувствуется византийское влияние; прославившая лиможские мастерские великолепная эмалевая

промышленность являет такое техническое совершенство, такое чувство краски, которые сами по себе красноречиво говорят о культурных связях и возможностях, заложенных в стране. Через море, Альпы и Прованс сюда передавались отдаленные отсветы культуры Византии, которая сияла полным блеском, когда на севере Франции только еще начинали загораться новые центры. Она будет клониться к упадку, когда эти центры начнут расцветать. Другим условием интенсивной и разнообразной жизни в стране были старые ее связи с «Островом океана». Указанный мореходами путь в Британию стал одним из самых живых в средневековой торговле. В сношениях с Британией, впоследствии Англией, лежит один из элементов процветания Бордо — он открывается на первых страницах его истории, проходя затем все Средневековье. Понятно, что и этот город, и весь край были «яблоком раздора между скрещивающимися здесь народами. За них спорили воины Цезаря с гелльветами, вестготы с франками, солдаты Карла Мартелла¹⁵ с берберскими бандами юга» (Поль Видаль де ла Блаш¹⁶). В интересующий нас период здесь начинают чередоваться и бороться французская и английская власть; впрочем, последняя в нашем случае представлена французским принцем, сыном Алиеноры.

Если в богатой натуре Ричарда рядом с его норманнской энергией и в некоторых случаях с анжуйской нежностью мы можем почувствовать его аквитанскую сложность, то, присматриваясь ближе к его материнской семье, мы могли бы с известной вероятностью угадать, что именно внесла в семью Плантагенетов изменчивая принцесса, дочь страны басков, готов и латинян, внучка династии трубадуров, целого гнезда певчих соловьев солнечного края. Прадед Ричарда по матери, Гильом IX Аквитанский, получивший прозвище Трубадур, своими песнями открыл век миннезанга. Как некогда «мэр Бордо», как впоследствии правнук Ричард, он побывал в Иерусалиме. Там он «претерпел бедствия плена». Но, «человек веселый и остроумный», он «пел о них забавно в присутствии королей и баронов, сопровождая пение приятными модуляциями». Достойный образец прославленному своей чувственностью правнуку, Гильом IX был великим

сердцеедом и поклонником женской красоты. Прославив ее в песнях, он собирался основать около Ниора «женский монастырь», где сестрам вменялся бы в послушание устав сердечных радостей. Его внучка, прекрасная Алиенора, могла бы быть подходящей настоятельницей подобной обители. Если на юге она окружена была певцами, то и впоследствии на нормандский север, в Руан, она перевезла за собою по крайней мере одного — Бернарда де Вантадура¹⁷, достойно здесь воспевшего ее красоту.

На берегах Гаронны в пору молодости Ричарда прошла коротким, но душистым цветением поэтическая жизнь Жоффри Рюделя, певца «далекой графини» Триполи¹⁸. Ричард, хотя родился в 1157 году в Оксфорде, вырос и воспитывался в Аквитании. Едва получив возможность создать собственный двор, он населил его трубадурами. «Он привлекал их отовсюду, — с неодобрением замечает хронист конца XII века Роджер Ховденский, — певцов и жонглеров; выпрашивал и покупал лстивые их песни ради славы своего имени. Пели они о нем на улицах и площадях, и говорилось везде, что нет больше такого принца на свете». Подобно прадеду своему, Ричард сам охотно упражнялся в славном искусстве песни. К сожалению, ничего не сохранилось из его творчества, кроме двух поздних элегий: из них одна дошла на французском, другая на провансальском языке. Тот и другой были для него родными.

С 1169 года он считался «графом Пиктавии», то есть аквитанским герцогом, а в 1173 году, когда Генриху II удалось привести Лангедок в зависимость от Аквитании, Ричарду как своему сюзерену принес присягу граф Раймунд Тулузский.

На французском юге прошла большая часть жизни Ричарда. Хотя, конечно, были и поход на Восток, и несколько месяцев войны с отцом около Тура и Ле-Мана, и война в Нормандии и Оверни с королем Филиппом II Августом в 1194–1199 годах, и недолгие пребывания в Париже и Руане. Но в Англии, в Лондоне, Ричарда почти не видели, кроме нескольких недель 1189 года, когда он там короновался и после венчания шумно пировал, и потом — нескольких недель 1194 года, когда он направлялся из Германии, из имперского

плена, во Францию, для борьбы с Филиппом. С историей Англии, таким образом, меньше всего приходится связывать личность Ричарда. И в той мере, в какой связь эта была, она носила характер преимущественно отрицательный: происходящее демонстрировало стране обременительность искусственного союза с материковым государством, интересам которого ее так часто приносили в жертву. События научили Англию обходиться без короля, которого она видела так мало и так редко.

Жизнь Ричарда развернулась во Франции, достигла величайшего напряжения на Востоке и завершилась во Франции.

Глава II

Борьба за владения во Франции

Ричард был любимцем матери, и, так как эта мать вечно враждовала с отцом, сын стал предметом отцовской антипатии. Сыновья Генриха и Алиеноры — Генрих Младший, Ричард и Жоффруа — рано стали поверенными матери, которая посвящала их в супружеские измены и любовные похождения Генриха II. Вместе с ними она страдала от тирании короля, деспота как в семье, так и в отношении подданных. Раздел, который в 1169 году Генрих произвел между сыновьями, был фиктивным: Генрих Младший правил номинально в Анжу и Нормандии, Жоффруа — в Бретани, Ричард — в Аквитании и Лангедоке. На деле принцы были только куклами, которых не пускали в их «государства» без строгого явного надзора и тайного соглядатайства. В 1173 году уже женатый и даже коронованный английской короной Генрих Младший и шестнадцатилетний Ричард все еще были только слугами отца в своих «государствах». Побуждаемые матерью и своими вассалами, они в этом году восстали против Генриха II, вызвав бурю по всей огромной французской территории Плантагенетов. За принцев подняли оружие бретанцы и нор-

мандцы севера, анжуйцы и пуатевинцы у океана, баски пиренейских склонов. Волнение докатилось до «Острова океана», и король далекой Шотландии поддержал восставших. Те два года, пока шла война, постоянной опорой принцев, моральной и военной, был Людовик VII, сталкивавшийся в этом деле со своей бывшей супругой.

Генрих Младший после некоторых неудач капитулировал первый и попросил отца о перемирии. Ричард пытался еще некоторое время держаться, но и он, в свою очередь, должен был покориться. Алиенора в самом начале войны была схвачена и увезена в заточение. Расправа Генриха II с сыновьями была относительно милостивой — да и можно ли это назвать расправой? Им были оставлены титулы. Кроме того, они получили по два замка и право на часть доходов своих «государств». Наилучше, однако, наделен был младший из братьев — шестилетний Иоанн, который в силу возраста, разумеется, не был замешан в возмущении против отца.

С годами власть Ричарда в Аквитании стала более реальной. Получая указания от отца, он тем не менее сам деятельно в ней распоряжается. Эта вечно откалывавшаяся и вечно бурлившая страна, в смутных и неорганизованных мятежах которой еще с каролингской эпохи хотели видеть проявление «аквитанского патриотизма», была ареной постоянных бессознательных смут, не связанных общей мыслью и общим планом, но имевших, конечно, какие-то постоянные причины. Так что Ричарду раз за разом приходилось подавлять бунты, направленные равным образом против отца и сына. После восстания принцев, усмирённого в 1174 году, в Аквитании осталось немало беспокойных опасных людей, всегда готовых поддержать всякое воинственное предприятие, участвуя в котором можно было бы хорошо пожить. Кроме того, любые восстания получали здесь поддержку горных баскских племен — «стражей Пиренеев». Иногда и суровое правление Ричарда вызывало острое раздражение местного населения. Как писал Геральд Камбрезийский, «он похищал жен и дочерей свободных людей (несвободные, очевидно, в счет не шли. — *О.Д.*), делал из них наложниц». Правда, трудно думать, чтобы это было главной причиной, по которой от Лиможа до Дакса и Бигорра весь вассальный

мир Пуату и Гаскони непрерывно волновался. Как бы то ни было, девятнадцатилетний принц Ричард в 1176–1178 годах развил энергичную усмирительную деятельность, о которой Геральд высказывается с восхищением: «Откинув — по мудрому отеческому распоряжению — имя отцовского рода, он принял честь и власть рода материнского. В нежном возрасте он до того не укрощенную землю обуздал и усмирил столь доблестно, что не только умиротворил потрясенное в ней, но собрал и восстановил рассеянное и разбитое. *In formam informia redigens, in normam enormia**, он упорядочил старинные границы и права Аквитании».

Геральд здесь пользуется случаем, чтобы высказаться о Ричарде вообще. Ричард, по его словам, это принц, который «гнетет судьбу и пробивает властно пути в грядущее. Он вырывает у обстоятельств успех, он второй Цезарь, ибо, подобно первому, верит не в совершенное, а в то, что предстоит совершить. Яростный в брани, он вступает только на пути, политые кровью. Ни крутые склоны гор, ни непобедимые башни не служат помехой внезапным порывам его бурного духа». Среди непрерывных восстаний «благородный граф Пиктавии изучил искусство войны».

«Искусством войны», надо признать, страна славилась искони. Славился им и один из ярчайших поэтов времени Ричарда, его враг, превратившийся затем в поклонника. Это был рыцарь Бертран де Борн. Его жизнь и произведения следует изучить хотя бы для того, чтобы понять, до каких пределов могла дойти любовь к войне и кровавой ее резне, до какой степени грабежи, пожары и избиения могли стать для баронов той эпохи утехой и потребностью. На трезвый и мирный ум этот поэт произвел бы впечатление сумасшедшего, глядя на которого решительно не понимаешь, чего он, собственно, хочет. Из него хотели сделать барда борьбы за аквитанскую независимость в период восстаний против Генриха II и Ричарда. Тем более что Бертран был не только поэтическим вдохновителем войны. В базилике Святого Мартина Лиможского он сам на Евангелии принимал клятвы заговорщиков и был как бы хранителем их повстанческой присяги.

* Приводя в форму бесформенное, в норму ненормальное (лат.)

Однако видеть в нем носителя национальной или политической идеи могли только те, кто вовсе не читал его стихов. «Идея» его была до крайности элементарна. Он хотел, в сущности, одного — чтобы вокруг него не прекращалось взаимное избиение; он уважал только тех, кто дрался, и презирал тех, кто этого не делал. Бертран долго бунтовал против Ричарда, который в одной из местных войн отнял у него замок. Когда же Ричард в порыве великодушия или расчета замок вернул, Бертран начал его воспевать. Он дал Ричарду прозвище «Мой Да и Нет».

Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинским гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним,
И радуясь душою,
Смотрю, как замок осажден,
Как приступом берется он,
Иль вижу над рекою
Ряды построенных полков,
Укрытые за тын и ров.
И также люб тот рыцарь мне,
Что, первым ринувшись вперед,
Бесстрашно мчится на коне
И войску бодрость придает
Отвагой удалою.
Лишь только битва закипит,
Пусть каждый вслед за ним спешит,
Рискуя головою:
Достоин тот похвальных слов,
Кто и разить, и пасть готов!
Дробятся шлемы и щиты
Ударом палиц и мечей.
Редеют воинов ряды,
И много мечется коней,
Не сдержанных уздою.
Кто соблюдает честь свою,
Быть должен одержим в бою
Заботою одною —
Побольше размозжить голов.
А страха нет для храбрецов!
Жизнь в мире мне не дорога:
Не любо есть мне, пить и спать.

Люблю я крикам «На врага!»
И ржанию коней внимать
Пред схваткой боевой;
Мне любы крики «Помоги!»,
Когда сшибаются враги
И бьются меж собою,
И средь поломанных древков
Мне любо видеть мертвецов¹⁹.

Только тех баронов, которые имели отвагу доставлять ему это возвышенное удовольствие, любил и ценил Бертран. В борьбе Ричарда с Филиппом он проявляется только как кровожадный гурман деталей бойни, не влагающий никакого смысла в ее содержание. Ему нравится тот, кто лихо атакует, и противен тот, кто ищет пути к миру.

В галерею юношеских впечатлений Ричарда к образу Бертрана, поэта войны, можно добавить еще один образ. Некий отважный рыцарь²⁰ в пылу рыцарского турнира выбежал из рядов сражающихся, потому что ударом меча ему сплющило шлем (вместе с головой, как мы можем предположить), домчался до кузницы и положил голову на наковальню, чтобы кузнец ударом молота распрямил шлем, после чего вновь поспешил в бой. Эта история прекрасно характеризует условия и людей, среди которых «благородный граф Пиктавии» постигал военную науку.

Ричард, несомненно, и сложнее и тоньше Бертрана. Но и он — плоть от плоти этой жестокой, воинственной породы. Столь осторожный в своих выражениях, когда дело касается принцев, Геральд замечает, что «зло всегда близко добру». Уже в то время противники приклеили к имени Ричарда прозвище Жестокий. И возможно, именно тогда вошло в обиход сравнение его со львом. Хотя следует отметить, что, если обстоятельства и настроение позволяли, он умел быть кротким и милосердным. Таким будет он являться своим друзьям и близким соратникам. Таким будет знать его и опишет вернейший из них — поэт и хронист Третьего крестового похода Амбруаз.

Но Геральд знал о Ричарде достаточно, чтобы не чувствовать, что даже в минуты кротости в нем «непрерывно» дрожит уязвленное львиное сердце: «Кто усвоил известную природу,

тот усвоил и ее страсти. Подавляя яростные движения духа, наш лев — и больше, чем лев, — уязвлен жалом лихорадки, от которой и ныне непрерывно дрожит и трепещет, наполняя трепетом и ужасом весь мир...» Это жало, нужно думать, Геральд склонен искать в дьявольском родстве Ричарда.

Нам же следует вспомнить, что на протяжении всей своей жизни «с самой нежной юности» Ричард уязвлен бывал неоднократно. Цинизм отца, во всем доходивший до крайности, долгое заточение матери, неизменные соглядатаи вокруг, постоянное ощущение несправедливости, когда интересы его и других старших братьев приносились в жертву интересам младшего, отцовского любимца и впоследствии беззастенчивого предателя Иоанна, — все оставляло следы в его раздражительной натуре.

Особенно глубокую рану ему должно было нанести поведение Генриха II, когда дело дошло до предполагаемого брака Ричарда с дочерью Людовика Аделаидой. Этот брачный союз был частью условий мирного договора, который был в 1174 году заключен между Генрихом и Людовиком VII. Сразу после его подписания Генрих увез Аделаиду к своему двору, дабы будущая невестка привыкла к Англии. Но через некоторое время во Францию стали проникать слухи о том, что после смерти своей наложницы Розамунды король с Аделаидой, еще почти девочкой, «поступил нечестно». До Ричарда они, вероятно, дошли с опозданием. Во всяком случае, когда французский король (с 1187 года им был уже Филипп II Август) заявлял, что пора осуществить брак, он сначала с ним соглашался и настаивал перед отцом, который под разными предлогами затягивал решение вопроса, на своем праве жениться на Аделаиде, а затем, когда, надо думать, узнал о настоящем положении дел, столь же упорно начал от этого отказываться.

Между тем вопрос о женитьбе принца приобрел очень серьезное значение. В 1183 году один его брат — Генрих III, а затем, в 1186 году, другой — Жоффруа Бретонский, были унесены злокачественной лихорадкой, и Ричард сделался естественным наследником Нормандии, а в дальнейшем — Анжу и Англии. После этого ревнивый старый король, прежде интриговавший всячески против двух старших сыновей,

сосредоточил враждебное внимание на новом наследнике. В конце 1187 года, когда при внезапном вторжении Филиппа II Августа в Иссуден Ричард и Иоанн поспешили на помощь отцу, Генрих отказался от их содействия и заключил тайное соглашение с Филиппом. Как обнаружилось впоследствии, суть этого соглашения была в том, чтобы обвенчать Аделаиду не с Ричардом, а с Иоанном и сделать супругов наследниками Аквитании, Нормандии, Анжу и Англии.

Филипп, однако, поспешил показать тайный текст Ричарду. Это был момент, когда молодой интриган на престоле Капетингов начал спутывать карты опытного заговорщика — старого Плантагенета. Несмотря на свои юные годы (ему было в то время всего двадцать), Филипп сумел нащупать больное место этой семьи и искусно его растревлял. Если в 1186 году он вел приторную дружбу с Жоффруа (кажется, не без иронии описывает хроникер, как при погребении Жоффруа Филипп кинулся к могиле, требуя, чтобы его похоронили вместе с другом), то после его кончины какие-то нити протягиваются между ним и Ричардом. Ричард оказывается его гостем в Париже («Они ели за одним столом и спали на одной постели»), а к отцу, встревоженному такой дружбой, отправляется лишь после многократных настояний. Назревала развязка — с одной стороны, в отношениях Генриха с сыном, с другой — в его отношениях с Филиппом. Но тут в дело неожиданно вмешались посторонние обстоятельства. Пришли вести из Палестины, которые вынудили всех действующих лиц хотя бы на время забыть о своих распрах.

Не слишком часто и не всегда с исчерпывающей ясностью доходили в Европу слухи о ситуации на Востоке. В течение последней трети XII века Сирия была ареной династических интриг и авантур баронов, колебавших ее единство перед лицом нового врага, который исподволь собирал силы в Египте и с 1174 года окружил латинскую державу плотным кольцом своих владений. Этим врагом был молодой султан Египта Салах ад-Дин (Саладин), религиозному и военному гению которого удалось вдохнуть новую молодость в дряхлевший ислам.

Возможно, что Саладин, которому предстояла нелегкая задача объединения и подчинения различных племен, не

скоро добрался бы до латинских сеньорий, но их главы сами навлекли на себя беду вызывающим поведением. Подвиги князя Антиохии Рено Шатильонского, прославившегося жестокостью по отношению к мусульманам в Заиорданской земле, нападение на мирный караван Саладина и захват его сестры вызвали полководца сарацин к агрессивным действиям. При этом крестоносные бароны Сирии вовсе не были готовы к серьезной войне. В Иерусалимском королевстве никак не могли упорядочить династический вопрос, крайне осложненный правами больного (прокаженный Балдуин IV), малолетнего (тринадцатилетний Балдуин V) и женских (принцессы Сибилла и Изабелла) претендентов. Только в 1186 году брак Сибиллы с Ги Лузиньянским, родственником Плантагенетов, укрепил за ними иерусалимский престол. Но уже через год в битве при Хаттине собравшиеся наконец вместе силы христианской Сирии не выдержали натиска Саладина, и Иерусалим был взят мусульманами. В конце этого же года, когда английский и французский короли с упоением плели свои интриги, из Святой земли появились первые беглецы с вестями о событиях, отдавших Иерусалим и большинство городов Палестины в руки нового героя ислама.

В начале 1188 года Филипп собирался напасть на Нормандию, чтобы выбить засевшего там Генриха. Однако охватившее Европу волнение нельзя было игнорировать, и ему пришлось изменить свои планы. 21 января, побуждаемые легатами папы, английский и французский короли съехались у дуба подле Жизора, обменялись поцелуем мира и завели речь о походе. Что же до Ричарда то он принял крест, не дожидаясь этой встречи.

И в эту минуту, когда Запад как бы притих в напряжении, вдруг пришло известие о восстании при поддержке Раймунда Тулузского аквитанских вассалов Ричарда. Хроникеры не сомневаются, что за всем этим стоял Генрих II, заранее завидовавший славе, которой сын мог покрыть себя на Востоке. Ричарду пришлось на время отложить исполнение крестоносного обета — он все бросил и поспешил в Аквитанию.

Во второй аквитанской войне Ричард продемонстрировал, что теперь он абсолютно самостоятелен, — во всяком случае,

он не был склонен считаться ни с отцом, ни с другом Филиппом. От Тельебура, где, окружив главарей восстания, он принудил их принять крест («он не хотел иного искупления их вины»), до Тулузы, в которой он осадил Раймунда, Ричард прошел с победами весь юго-запад, «неколеблющийся и могучий», не вникая протестам Филиппа и предложениям «арбитража». А в то время как «лев» носился таким образом вдоль океана, две испытанные «лисицы» приносили на него друг другу жалобы: Филипп апеллировал против его действий к Генриху как к отцу; Генрих — к Филиппу как к сюзерену.

Надо признать, действия Ричарда достаточно развязали руки Филиппу, чтобы тот «в праведном гневе», в свою очередь, двинул войско на окраины французской державы Плантагенетов, в направлении Нормандии, Турени и Берри. Ричард же, справившись с Аквитанией, ударил по Иль-де-Франсу — в самое сердце домена Капетингов. Осенью 1188 года вся французская территория оказалась ареной боевых действий.

Война была остановлена давлением того, что в то время можно было бы назвать общественным мнением. Его руководителем и выразителем стал папа — общее раздражение против королей, тративших силы в междоусобной войне, когда Палестина ждала их помощи, образумило расходившихся забияк. 18 ноября в Бонмулене три государя съехались для заключения мира. Очевидцев поразило то, что Ричард прибыл вместе с Филиппом и держался подле него. Торжественный тон, в каком рассказывает о происходящем «История Уильяма Маршала», не затушевывает какого-то мрачного комизма. Беседа происходит между отцом и сыном, но читатель понимает, чья рука смогла обуздать и привести сюда разъяренного Ричарда. Филипп, несомненно, испытывал удовольствие от впечатления, произведенного их дружным прибытием на старого короля. «Ричард, — спрашивает Генрих, — откуда вы?» — «Случай, — отвечает Ричард, — свел меня с Филиппом. Я не хотел избегать его и проводил до места свидания». — «Хорошо, Ричард, если так. Берегитесь, нет ли тут предательства!»

Вслед за этим Филипп отводит Генриха в сторону, чтобы дать «добрый совет». К этому «совету» он будет возвращаться все три дня, которые продлится совещание, и каждый раз

встретит отказ короля. «Сын ваш — доблестный муж, но у него мало земли. Дайте ему вместе с Пуату Турень, Мэн и Анжу, и они будут в хороших руках». В последний раз настаивает Филипп на так долго откладываемом браке, в последний раз требует для Ричарда гарантий его наследственных прав на Англию и Нормандию. Генрих отказывает: «Если здравый смысл меня не покинул, не сегодня он получит этот дар».

«Хорошо! — в конце концов восклицает Ричард. — Я вижу ту правду, которой верить не смел». И, отвернувшись от отца и сложив руки, он склоняет колено перед Филиппом и объявляет себя его вассалом «за Нормандию, Пуату, Анжу, Мэн, Берри и Тулузу». Он просит его помощи в защите своих прав. «Генрих, — заканчивается прозаическое изложение той же сцены у Гервазия Кентерберийского²¹, — отступил на несколько шагов, спрашивая себя: что значит этот внезапный оборот дела? Он вспомнил о том, что произошло некогда, в те времена, как сын его Генрих Младший соединился против него с Людовиком VII. И думалось ему, что теперь он стоит перед более грозной опасностью, ибо Филипп не такой человек, каким был Людовик». Генрих ушел один. Ричард удалился вместе с Филиппом.

Если целью Филиппа было расширить трещину между отцом и сыном и оттянуть крестовый поход, в который его так же мало влекло, как и Генриха, то он достиг своей цели. Ричард отодвинул в сторону свои крестоносные планы. Убеждения папского посла не привели ни к чему. Филипп даже под угрозой анафемы прямо сказал легату, что за его горячностью стоят деньги английского короля. Война перекинулась на следующий, 1189 год. До Пасхи длилось перемирие, но в июне Филипп и Ричард принялись гоняться за Генрихом по городам и замкам Анжу.

Судьба, вероятно, хотела, чтобы Генрих провел последние недели жизни в домене своего отца Жоффруа Плантагенета. Вопреки советам друзей поскорее укрыться в Нормандии он почти до самого конца находился Ле-Мане, где родился и где была могила Жоффруа. 12 июня Филипп и Ричард появились у стен города. Генрих попытался их отбросить, устроив пожар в пригороде, но пламя перекинулось за городские стены, и это вынудило Генриха пуститься в бегство. А Ричард

и Филипп, в тот же день войдя в город, «съели обед старого короля» и продолжили его преследование.

В стычке, происшедшей недалеко от Ле-Мана, под Ричардом был убит конь, и это приостановило погоню, дав возможность Генриху опередить их на двадцать миль. Почти без отдыха, полубольной, домчался он до замка Френе, где переночевал и, сменив коня, двинулся на Анжер и Шинон. Вскоре, однако, Генрих понял, что ему нечем защищаться. Он попытался вступить со своими преследователями в переговоры, обещая им всевозможные уступки при условии неприкосновенности его «жизни, чести и короны». Но от него потребовали, чтобы он сдался на милость победителей. Поразмыслив некоторое время, король принял предложенное ему свидание.

Но в назначенный день Генрих почувствовал приступы болезни и не смог явиться в условленное место. «Ричард не жалел его, не верил ему, говорил, что болезнь его притворная». Когда же 4 июля свидание наконец состоялось и Генрих прибыл, страдающий и больной, он был так подавлен и слаб, что принял все продиктованные ему условия, среди которых были признание Ричарда наследником в Англии, Нормандии и Анжу и возвращение ему невесты. Договаривающиеся поклялись не мстить тем из своих вассалов, «которые изменили и поддержали противника», — условие, связывавшее, собственно, только Генриха. Когда старый король присягнул его исполнить и потребовал список изменников, на первом в нем месте он нашел своего любимца — принца Иоанна.

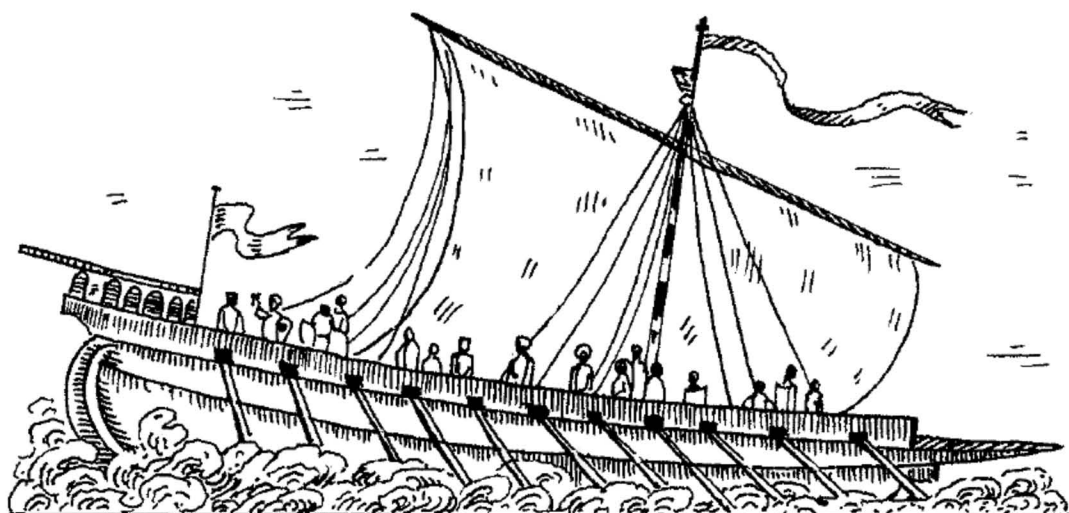
В этот момент с Генрихом II Плантагенетом было покончено. Силы совсем оставили его. Он попросил, чтобы его перевезли в Шинон, и здесь 6 июля умер, покинутый всеми, кроме двух-трех друзей. Они не смогли оградить его смертную комнату от разграбления слугами, так что король «остался почти голым — в штанах и одной рубахе». К вечеру, как сообщает «История Уильяма Маршала», «короля положили в гроб и перенесли в женскую обитель в Фонтевро, мимо огромной толпы нищих, в четыре тысячи человек, которые, стоя все время в конце моста на Луаре, ждали щедрой милостыни, но не получили ничего, ибо казна была пуста».

О чувствах, с какими пережил эти события Ричард, «История Уильяма Маршала» не говорит ничего. Ему дали знать о смерти отца, и он явился присутствовать при погребении. «В его повадке не было признаков ни скорби, ни веселья. Никто не мог бы сказать, радость была в нем или печаль, смущение или гнев. Он постоял, не шевелясь, потом придвинулся к голове и стоял задумчивый, ничего не говоря...» Затем сказал: «Я вернусь завтра утром. Король, мой отец, будет погребен богато и с честью, как приличествует лицу столь высокого положения». «Красив он был своею суровою твердостью», — говорит о нем по другому поводу Геральд Камбрезийский; возможно, эти слова характеризуют Ричарда и в момент похорон отца. Много позже, в час собственной смерти, он вспомнил о могиле отца в Фонтевро и велел похоронить себя у его ног. Здесь же, рядом с Генрихом, положена была в 1204 году Алиенора Аквитанская.

3 сентября Ричард короновался в Лондоне, где надолго оставил память о шумных пирах и милостях, какими осыпал «верных», но более всего — старых слуг отца. «Юного брата» своего Иоанна он с безмерной щедростью и опасной доверчивостью одарил деньгами, землями и правами, почти превращавшими его в вице-короля Англии на время отсутствия Ричарда.

Можно считать несомненным, что на Ричарда не падает ответственность за страшные еврейские погромы, разразившиеся в городах Англии в связи с коронацией и сборами в крестовый поход. Эта ставшая обычной реакция масс на крестоносный призыв встретила в нем, как обычно встречала со стороны высших властей в Средние века, твердый отпор.

Глава III Через Средиземное море

Европа конца 1189 года под разливом третьей крестоносной волны была полна возбуждения и тревоги. Ни второй, ни впоследствии четвертый походы не заставили вспомнить то, что пережито было в первом. Но третий был окружен той же торжественной всенародностью. Как сто лет назад, в феодальных замках, на погостах деревенских церквей и на городских площадях не говорили ни о чем, кроме вестей, приходивших из Палестины.

Множество знатных и незнатных воинов давно уже находились на пути туда или высадились на палестинских берегах, пополнив ряды огромной армии, собравшейся у Акры и начавшей ее осаду. Более полусотни кораблей с севера, несущих ополчения норвежцев, датчан, шведов и фризлов, обогнули берега Испании. Фридрих Барбаросса со своей немецкой армией пробивал себе путь через горы и равнины Малой Азии. Все ожидания были теперь обращены на запаздывавших королей Англии и Франции, которые уже приняли крест и дважды — в декабре 1189 и январе 1190 годов — повторили обет. В их приготовлениях сказалось все их несход-

ство. Филипп думал не столько о походе, сколько о том, что наступит на другой день после него. Судьба его королевства, казны и архива, только что начинавшего расцветать Парижа заботила его гораздо больше, нежели судьба далекого предприятия, в которое он ввязывался почти против собственной воли, подталкиваемый настроением окружающих. Уходя, он все готовил для возвращения и, принимая обязательства, думал, как бы свести их на нет. Этот холодный и трезвый государь знал, что настоящее дело ждет его в начинающем крепнуть его домене — в Париже. Не желая и опасаясь нажимать на плательщика своей страны, он, хотя и издал вместе с Ричардом постановление о всеобщем сборе в интересах похода так называемой «саладиновой десятины», охотно покрывал всех уклоняющихся от нее и то, что удалось собрать, намеревался использовать не на Иордане, а на Сене.

Ричард же все напряжение мысли сосредоточил на крестовом походе. Сам себе военный и морской министр, интендант и министр финансов, он показал себя в этих сборах первоклассным организатором. Правда, при этом цели были принесены в жертву две цветущие страны — Англия и анжуйская, то есть Западная, Франция. Облеченный всеми полномочиями, кардинал Иоанн выкачивал «саладинову десятину» из Лиможской и Пуатевинской епархий. Другие агенты Ричарда делали то же в Англии. Учтя и реализовав сокровища своего отца, Ричард целиком направил их на организацию похода. Затем началась торговля всем, что только можно было продать, в особенности в Англии — потому ли, что здесь руки его были свободнее, чем в сеньориях, где он чувствовал себя вассальным государем, или потому, что он был равнодушен к судьбам своих островных владений и глух к идущим оттуда голосам. Города, замки и различные феодальные права, сюзеренитет над Шотландией, укрепленный усилиями его отца, графство Норгемптонское, проданное им за хорошую цену дурхемскому епископу («из старого епископа я сделал молодого графа»), — все брошено было на благо крестового похода.

При этом Ричард широко использовал буллу папы Климента III, который потребовал от тех, кто не участвует лично в походе, оказывать королю материальную помощь. Самых

богатых своих прелатов и даже отчасти баронов Ричард часто вопреки их желанию отказывался взять в поход, но обложил поборами в десятки тысяч фунтов.

Даже ко многому привычных современников Ричарда поражала устроенная им «бесстыдная спекуляция». Например, он объявил недействительными все грамоты, прежде утвержденные государственной печатью, и потребовал для признания их законности приложения новой специально заказанной печати, взимая при этом случае соответствующую пошлину. Его известную шутку, что он «готов продать сам Лондон, если бы нашелся покупатель», люди знающие не могли не сравнивать с тем бережным вниманием, с каким Филипп II Август перед своим отбытием в поход отнесся к нуждам Парижа.

Свидетели безудержной распродажи Англии, даже при сочувствии целям похода, полагали, что она выходит за пределы здравого смысла, и искали для нее различных объяснений. Эти объяснения часто сводились к тому, что король видел в походе последнее свое предприятие — то ли потому, что он в порыве энтузиазма мечтал отдать крестоносному делу собственную жизнь, то ли потому, что он уже сознавал роковую надорванность своих сил, нажитую в скитаниях и распутстве. «Он желчно-бледен. Он страдает лихорадкой, и на его теле более ста прыщей... Через них выходит худая кровь», — такие слухи распускались о короле. Одновременно, впрочем, слагались песни и ходили легенды о его красоте и телесной мощи, и, кажется, эти легенды заслуживают больше доверия. Во всяком случае, хроники о недугах Ричарда заговорили только после многих недель осады Акры, когда половина войска (Филипп II Август не явился исключением) переболела различными болезнями. Желчная бледность и худая кровь слишком хорошо укладывались в общую картину для тех, кто хотел подчеркнуть в Ричарде дьявольскую природу.

Неизвестен точный численный и национальный состав армии Ричарда. Скорее всего, не правы историки, и, в частности, Картельери, когда именуют людей этой армии англичанами. Англия предоставила участникам похода в большом числе суда и коней, но что касается солдат, то вряд ли англи-

чане играли особенно заметную роль. Среди вождей похода имена графа Лестера и епископов Кентербери и Солсбери теряются среди имен французских прелатов; рядовые же воины в знаменитой хронике похода — «Истории священной войны» Амбруаза — выступают однообразно под именами «анжуйцев, пуатевинцев, бретонцев и людей Ле-Мана», но только не англичан. И если автор «Истории» — сам французский трувер — называет в отличие от армии Ричарда армию Филиппа-Августа «французской», то нас это не должно вводить в заблуждение. По происхождению, языку, культуре армия Ричарда в преобладающей массе была такой же французской, как и армия Филиппа. Только экипажи кораблей, нужно думать, включали наряду с бретонскими и нормандскими также и английских моряков.

Ричард обдуманно снабдил свой флот всем необходимым: «золотом и серебром, утварью и оружием, одеждой и тканями, мукой, зерном и сухарями, вином, медом, сиропом, копченым мясом (и, вероятно, столь любимым северными моряками многолетним, прогорклым маслом. — *О.Д.*), перцем, тмином, пряностями и воском». Эти запасы впоследствии были пополнены в Сицилии и на Кипре и позже, когда наступило время лишений, превратились в самые настоящие богатства, которые позволили английскому королю выдерживать случайности длительных осад и перекупать тех, кто прибыл в Палестину с Филиппом II Августом — от простых воинов до родственников французского короля. Собственно, еще во Франции многие бароны, соблазненные золотом Ричарда, стали предлагать ему свою службу. «Я не курица, которая высидивает утят, — говорил он по этому поводу в своей образно-саркастической манере. — В конце концов кого тянет в воду, пусть идет».

В этом явно крылись семена будущих раздоров. Но в июньские дни 1190 года, «когда роза разливает свое сладостное благоухание, ибо пришел уже Иванов день — срок, в какой Господь хотел, чтобы паломники двинулись в путь» (Амбруаз), о грядущих дрязгах мало кто думал. В ясное солнечное утро, соединившись в Везле, «с крестом впереди, с тысячами вооруженных людей, выступили светлейший король Англии и французский король. Двигутся они на Восток и ведут за

собою весь Запад. Различное по языку, обычаю, культу, войско полно пламенной ревности. О, если бы ему суждено было вернуться с победой!..»

В движении вдоль Роны, проходившем как сплошное торжество среди встреч и прощаний, число паломников возросло до ста тысяч. Поэтому короли приняли решение разделить, чтобы осуществить посадку крестоносцев в разных гаванях. Филипп направился через Альпы в Геную, а Ричард — в Марсель, где его ждало серьезное разочарование. Флота, огибавшего Испанию, он не дождался; прошел даже слух о его гибели. В конце концов ему пришлось купить целую флотилию новых судов, на которые и погрузилось его воинство. С изрядным опозданием Ричард ступил на корабль, чтобы в возрасте тридцати двух лет впервые отправиться по Средиземному морю.

Это событие было по-своему отмечено оставшимся неизвестным нам спутником Ричарда, который от этого момента и до самой Мессины вел точный дневник его морского путешествия. Может быть, этим спутником был сам Фиц-Нил²², в чьей хронике (дошедшей до нас под ошибочно приставленным к ней именем Бенедикта из Петерборо) вкратце воспроизведен этот журнал. Несмотря на лапидарность, этот дневник весьма содержателен.

Мы не можем ожидать от хроникера XII века живописного изображения царства синей влаги и белых грез — городов, жемчужинами раскинувшихся по зеленому побережью. «Веселье Возрождения» не дрожит еще в сердцах суровых крестоносцев. Зато перу нашего автора не откажешь в точности. Более двадцати пяти гаваней итальянского западного берега и до десятка островов, разбросанных вдоль него, мимо которых прошли корабли английского короля, отмечены как этапы пути. И если автор в половине случаев не дает ничего, кроме имен, тем выразительнее отдельные, оброненные им характеристики. Среди прибрежных высот, которые глядятся в волны лазурного моря, отражая в нем свои тогда еще не снятые с вершин, как ныне, зеленые кроны лесов, автор знает и называет места, где таятся свившие здесь гнезда с III века разбойничьи шайки: «Есть на вершине утеса мыса Серсель замок, где скрываются разбойники и пираты».

Можно думать, что на этом пути Ричард, как и его секретарь, не остался вполне равнодушен к глубоким впечатлениям Италии, когда «вступил в Тибр, в устье которого стоит прекрасная одинокая башня и виднеются развалины древних стен», когда пробрался через дубраву по мощеной мраморной дороге, устланной наподобие мозаичного пола», когда останавливался в гавани «ввиду входа в древнюю крипту». Безнадёжно спутаны в слове крестоносца XII века славные итальянские меморабилии. Чудеса природы, памятники античного искусства, прошлое христианских святынь будят лишь смутное отражение в его темном мозгу. Лишенные перспективы, эти отражения располагаются в одной плоскости. «Король миновал остров, который называется Изола Майор. Он вечно дымится. Говорят, остров этот загорелся от другого, имя которого Булкан. Он зажжен огнем, летевшим, как гласит молва, от этого последнего и спалившим море и множество рыб... А потом проехал король мимо острова Батерун и гавани Байи, где имеются Вергилиевы бани... Подле города и замка есть малый остров, где, как говорят, была школа Лукана²³. И доныне под землей сохранилась прекрасная комната, где Лукан обычно занимался науками...» Переночевав в одном из приоратов Монте-Кассинской обители, Ричард был с почётом принят и угощаем в обители Троицы. «Здесь есть деревянная башня, которую осаждал и которой овладел некогда Робер Гвискар...»

На 28-й день плавания Ричард достиг Неаполя и «отправился в обитель Януария, любопытствуя посмотреть на сыновей Неймунда, которые стоят в пещере в костях и шкурах». Бесполезно заниматься догадками, в какой системе могли располагаться в голове ученого секретаря Ричарда и его собственной эти разнообразные исторические воспоминания и с какой стороны могли интересовать их бани Вергилия, «остров Булкан», подземный кабинет, где имел обыкновение заниматься науками Лукан, а также «сыновья Неймунда в костях и шкурах». Но трудно усомниться, что великая Монте-Кассинская обитель, опора норманнской власти и латинского культа в Южной Италии, и еще больше башня, разбитая век назад норманнским его родичем,

должны были затронуть воображение короля, хотя бы как достойный подражания пример...

В Южной Италии, в Сицилии, куда направлялся Ричард, все дышало еще воспоминаниями норманнского завоевания, тревожных событий борьбы, неуспокоенной вражды рас и культур. Более века владычества норманнской династии не до конца примирило с нею латинские, лангобардские и уж тем более греческие и сарацинские элементы, которые преобладали как в городах, так и на сельских территориях юга. Сознавали ли воинственные моряки Ричарда, его «бретонцы, пуатевинцы и анжуйцы», в какую сложную среду вступали они со своими очень простыми крестоносными девизами и воинственными аппетитами? Как бы то ни было, эта сложность вскрылась на первом же важном этапе их пути — Мессине, и к ней, как впоследствии на Кипре и в Акре, они применили характерные для них простые решения.

Салерно был для Ричарда предпоследним этапом перед Мессиной, где уже ждал его Филипп II Август и куда несколько ранее пришел, бросив якорь в отдалении от гавани, его флот, много претерпевший у испанских берегов, но в целом почти не поврежденный. 23 сентября все эти корабли вошли в порт Мессины.

Хронист Ричард Девизский, один из самых точных биографов короля Ричарда, видел в Мессине эту огромную — по тогдашним временам — флотилию. Он насчитывает в ней 100 грузовых судов и 14 легких кораблей, хорошо построенных и хорошо оборудованных, хорошо управляемых, с отлично подготовленными капитанами и матросами. Каждый корабль вмещал сорок боевых коней, столько же рыцарей, множество простых пехотинцев и провиант для людей и коней. Построенные в различных доках Англии, Нормандии и Пуату, эти суда, ходившие и на веслах, и под парусами, отмеченные каждое своим именем (хроникер всякий раз называет название корабля, отличившегося в битве или везшего короля), были лучшими из тех, что способны были создать кораблестроители того времени. Ничего подобного не было в распоряжении Филиппа II Августа. На коротком свидании, которое имели короли в Генуе, он попросил у Ричарда пять

галер. Ричард предложил ему три... Филипп отказался от этой подачи и начал переговоры о судах с генуэзцами, заставив не первую уже обиду на своего вассала.

В Мессине его ждали новые уколы. Войдя в гавань со своей свитой на одном корабле (об остальных говорилось, что они «прибудут»), он вызвал всеобщее разочарование населения, высыпавшего навстречу... А когда неделю спустя, 23 сентября, в гавань Мессины вступил флот Ричарда, море зазвучало музыкой военных труб. Сбежавшиеся мессинцы любовались эффектной картиной пестро раскрашенных судов с крыльями драконов по бокам, фантастическими зверями на носу, многоцветными знаменами. «А когда Ричард сел на скакуна и поехал по улицам, видевшие этот кортеж говорили, что это вправду вступление короля, созданного, чтобы править великой землей. Но греки сердились, и лангобарды роптали на того, кто вступал в город с такой помпой...» Обиталище Ричарду было отведено за стенами Мессины, на холме, поросшем виноградом. Едва прибыв на место, он немедленно стал строить настоящий военный лагерь, вокруг которого как символ сурового правосудия расставил виселицы для предполагаемых воров и разбойников. Назначенные им трибуналы с первых же дней открыли свою деятельность, в круг которой попали не только подданные Ричарда, но и беспокоившие их местные жители — прежде всего греки, которых крестоносцы презрительно называли «грифонами».

В Сицилии, где армии предполагали переждать период осенних бурь, обстоятельства не благоприятствовали крестоносцам. В ноябре 1189 года умер последний прямой потомок норманнской династии Гвильельмо Добрый, друг всех крестоносцев, «защитник и покровитель заморских христиан». Претендент на корону, муж его тетки Констанции, император Генрих VI, был далеко. Пользуясь этим, в Сицилии захватил власть представитель боковой норманнской ветви Танкред Лечче. С ним и пришлось сговариваться крестоносцам. Эти переговоры осложнились намерением Ричарда добиться передачи ему того, что он считал вдовой частью жены покойного Гвильельмо, королевы Иоанны, которая была его сестрой по матери. Настойчивость Ричарда вызывала у Танкреда (сыграла роль и традиционная дружба норманнских

князей с французскими королями) потребность опереться на Филиппа и принять участие в той глухой интриге, сетью которой французский король понемногу опутывал Ричарда. Впрочем, выступать против Ричарда в открытом союзе не было в интересах и не входило в намерения ни Филиппа, ни Танкреда.

В утомительной мессинской эпопее Филипп неоднократно брал на себя — и даже, пожалуй, искренно — роль посредника в тяжбе Ричарда и Танкреда (правда, Амбруаз считает, что его посредничество не было «ни красивым, ни честным»). «Французский король — агнец, английский — лев», — говорили мессинцы еще до того, как им пришлось испытать всю тяжесть «львиных» свойств Плантагенета. Англо-норманнско-анжуйско-аквитанское население лагеря короля Ричарда вело себя вызывающе, под стать своему королю. Обитатели как сельской территории, среди которой расположился этот лагерь, так и самой Мессины, мирно жившие с французами Филиппа, которых было немного и которые вели себя осторожно, подражая своему королю, с глубоким отвращением относились к забиякам армии Ричарда. Множество мелких недоразумений, столкновений, злых выходок, а то и преступлений лукавых «грифонов» («они, чтобы нас обидеть, закрывали пальцами глаза, они называли нас смердящими псами, а также обезьяньими хвостами, каждый день чинили пакости, убивали наших паломников и кидали их тела в отхожие места»), встречные грубости и насилие со стороны непрощенных гостей — все это непрерывно питало взаимное раздражение.

Ричард захватил на побережье греческий монастырь и, изгнав оттуда монахов, превратил его в свой штаб; сюда привез он наконец отпущенную Танкредом королеву Иоанну, здесь начал сосредоточивать провиант и оружие, доставляемые из Англии, закупаемые и, вероятно, захватываемые на месте. «Англичане» постепенно становились господами острова. Мессинцы же стали поговаривать о том, что в городе необходимо объявить осадное положение...

В такой ситуации для вооруженного конфликта достаточно искры, и она, разумеется, случилась. Поводом послужили две случайные стычки. Горожане заперли ворота и распо-

ложились в полном вооружении на стенах, демонстрируя готовность отразить нападение. Воины Ричарда немедленно начали штурмовать город. Английский король сначала сделал все, чтобы унять их: «вскочив на самого быстрого скакуна, он помчался к месту схватки и палкой начал разгонять своих». Затем было созвано совещание, в котором участвовали Филипп, прелаты и бароны соединенной армии, а также нотабли города. Но пока совещающиеся решали, как погасить страсти, стали приходить вести, что мессинцы убивают воинов Ричарда в городе и в их собственном лагере. После этого Филипп в качестве сюзерена санкционировал выступление Ричарда против «проклятых грифонов», а сам, устранившись от какого бы то ни было участия в происходящем (мессинцы гарантировали ему и его людям неприкосновенность), остался пассивным наблюдателем.

Зато для энергии Ричарда разворачивалось широкое поле. Впоследствии некоторые хроникеры, как и певцы, прославили его поведение в Мессине чуть ли не наравне с подвигами на Востоке. Личное мужество и презрение к опасности никогда не покидали Ричарда. С ничтожным отрядом он разогнал толпу мессинцев, дразнивших его и осыпавших крестоносцев стрелами в их собственном лагере, но, по существу, «трусливых и малодушных». Он придвинул ближе к городу свои галеры и, собрав армию, начал штурмовать стены. Их взятие было делом нескольких часов — ворвавшись в город, победители «наполнили его смертью и пожаром». Впрочем, главное, чем занялись воины Ричарда, как и он сам, был систематический грабеж богатого города.

Ни одна из хроник, в том числе враждебные Ричарду, не высказывает подозрения, что «сицилийская вечерня» могла быть спровоцирована, дабы лучше снабдить крестоносную армию всем необходимым. Но несомненно, происшедшее было в этом смысле как нельзя более на руку предприятию короля Ричарда. Англия, Аквитания, Анжу и Нормандия сделали свой взнос, теперь наступила очередь Италии. Ричард расположился полным хозяином на завоеванной территории. Все укрепления заняты были его людьми, и на башнях водрузили его знамена. Все, что было в городе ценного, перешло во владение армии английского короля.

При этом Ричард проявил полное пренебрежение к своему сюзерену, французскому королю (оправдание этому он видел в подозрительном бездействии Филиппа и его попустительстве в отношении мессинцев), тем самым нарушив договор, по которому любая добыча должна была делиться пополам. Это вызвало протест со стороны Филиппа, на который, впрочем, Ричард дал резкий ответ. Затем, однако, Филиппу все-таки удалось добиться того, чтобы до прибытия Танкреда город считался под охраной обоих государей и французские знамена были водружены рядом с английскими. Мир, торжественно заключенный королями, был подтвержден присягой в присутствии их вассалов, которые закрепили его своей клятвой. Он — в очередной раз — устанавливал «дружбы», взаимную поддержку и обязательство равного дележа в будущем всех трофеев.

От Танкреда вопреки посредничеству Филиппа Ричарду не удалось добиться осуществления всех своих притязаний. Он вынужден был удовлетвориться освобождением сестры и выплатой 40 тысяч унций²⁴ золота, из которых впоследствии по праву «дележа добычи» Филипп-Август выжал четвертую часть. Во всяком случае, из мессинского предприятия Ричард выходил с богатой казной.

Здесь же получили наконец свое разрешение так долго тревожившие придворную Европу галантные похождения Плантагенетов. Намереваясь навсегда покончить со своими обязательствами в отношении Аделаиды, тем более что у него уже несколько времени тянулся новый, сильно увлекавший его роман с наваррской принцессой Беранжерой («это была благонравная девица, милая женщина, честная и красивая, без лукавства и коварства... Король Ричард очень любил ее; с того времени, как был графом Пуатье, он томился по ней сильным желанием»), Ричард предложил формальное расследование вопроса о девственности Аделаиды, грозя представить свидетелей ее связи с Генрихом II. Вероятно, угроза представлялась обоснованной, поскольку Филипп проглотил это унижение и, получив в качестве отступного золото и отказ Ричарда от приданого уже бывшей невесты, признал себя удовлетворенным.

Ничто не мешало более дальнейшему движению «божьих воинов»; к тому же, надо признать, рядовым крестоносцам свары королей уже достаточно надоели и в их рядах начало проявляться некоторое недовольство. Дружественный Ричарду Амбруаз сообщает, будто Ричард «не устаивал входить в долгие пререкания с другим королем» в тех случаях, «когда тот поднимал такой шум». Но он признает, что «много было тут сказано глупых и оскорбительных слов». «Все эти глупости не станем заносить в наше писание...» — добавляет он. Март был на исходе. На море дул благоприятный ветер Филипп, прихватив золото, полученное за позор сестры, отправился первым на небольшой, закупленной в Генуе флотилии. Две недели спустя после него двинулся на восток и Ричард. Амбруаз сообщает:

«Король больше не хотел терять времени. Он побудил войти в море своих баронов, свою милую и с нею свою сестру, чтобы они взаимно поддерживали друг друга, посадив с ними на большой “дромон” — грузовое судно — множество рыцарей. Этот корабль он пустил вперед, указав ему грести на восток. Но быстрые и подвижные “энеки” выехали только после того, как король пообедал. Тогда-то в порядке отчалил чудесный флот. Была среда Страстной недели, когда он покинул Мессину, отправляясь на службу Богу и во славу Ему. В эту неделю, когда Христос так много выстрадал ради нас, нам также пришлось перенести немало опасностей и бессонных ночей. Но Мессина, где теснилось столько кораблей, воистину может гордиться: ни в один из дней, сотворенных Богом, такой богатый флот не покидал ее гавани...

В порядке двинулась эскадра к земле Господней, несчастной земле. Она прошла Фару и вышла в открытое море на путь к Акре. Скоро мы нагнали наши дромоны, но ветер внезапно упал, так что король думал было вернуться. Волей-неволей пришлось нам провести ночь между Калабрией и Монжибелем. В Страстной четверг Тот, Кто отнял ветер, Кто может все дать и все взять, вернул его нам на весь следующий день. Он был, однако, слишком слаб, и флот вынужден был остановиться. В день поклонения кресту противный ветер бросил нас к Виарии. Море взволновалось до дна; ветер покрывал его огромными, крутыми валами, и мы все время

сбивались с пути. Мы были полны страха и болезненных ощущений в голове, в сердце и во рту. Но все это мы переносили охотно, ради того, Кто в этот самый день удостоил принять страсть для нашего искупления. Буря была сильна и метала нас, пока не спустилась ночь. Тогда повеял ветер мирный, ласковый и попутный...

Король Ричард, чье сердце всегда открыто к доброму, установил такой знак. Он указал, чтобы на его судне по ночам зажигали в фонаре большую свечу, которая бросала бы очень яркий свет на море. Он горел всю ночь, освещая путь другим. И так как с королем были искусные моряки, хорошо знающие свое ремесло, то все суда держались по светочу короля и не теряли друг друга из виду. Если же флот отставал, он великодушно поджидал его. И вел он эту гордую эскадру, как наседка ведет своих цыплят. Так проявлялись его доблесть и его великодушная природа. И всю ночь без печали и без забот плыли мы вперед».

В течение трех дней флот шел на всех парусах с королевским судном во главе.

«В среду же мы увидим Крит. Попутный ветер дул с силой, и, точно ласточка, летело судно, мачты которого гнулись... Видно, Бог сам испытывал удовольствие от предприятия Своих слуг. Быстро шли мы до темной ночи, чтобы утром войти в бухту, где спустили паруса и отдыхали до воскресенья».

К утру флот достиг Родоса. Только три дня пути отделяли его от Кипра, откуда в полтора-два дня можно было добраться до Акры, где уже с 20 апреля действовал Филипп, строя боевые машины.

Он естественно занял положение главы латинской армии с момента, когда пришла весть о гибели Фридриха Барбароссы в Малой Азии и рассеянии значительной части немецкой армии. Здесь, в лагере Акры, с его согласия принято было решение отстранить от иерусалимского престола короля Ги, который «сам его утратил» в проигранной битве при Хаттине и который уже во время осады Акры потерял жену Сибиллу и тем самым близкую связь со старой иерусалимской династией. Совет баронов отдал право на этот престол Конраду Монферратскому, сумевшему после Хаттина нанести поражение Саладину и своей энергией и ловкостью заполу-

чить доверие защитников Палестины. Ту физическую связь с династией, которой ему не хватало, он с большой быстротой наладил, разведя младшую иерусалимскую принцессу Изабеллу с ее нелюбимым мужем Онфруа Торонским и обвенчавшись с нею «с благословения епископа Бове, хотя он имел уже трех жен: одну — в своей земле, другую — с собою и третью — в запасе». Обосновавшись в Тире и поставив от себя в зависимость снабжение крестоносной армии, Конрад очень искусно подготавливал свое воцарение. Заранее, однако, можно было предвидеть, что эта комбинация, устранявшая от престола Ги Лузиньянского, который вдобавок был родственником Ричарда, не получит одобрения английского короля.

Штурм города решено было не начинать до прибытия Ричарда, которого с нетерпением ждали осаждавшие, но которое замедлилось еще на месяц. Этот месяц — с 5 мая до 5 июня 1191 года — Ричард провел на Кипре, поставив целью подчинить остров латинской власти.

Кипрский эпизод — гордость всех, кто разделил с Ричардом здешние подвиги, — стал как раз поводом для очень серьезных обвинений в его адрес в пренебрежении крестоносным делом ради личных целей. Это обвинение — постоянно повторяющийся пункт в большинстве сочинений новой историографии, как в свое время и у капетингских хроникеров. Та резкая речь, с которой в самое горячее время завоевания Кипра обратились к Ричарду посланцы Филиппа и в ответ на которую рассерженный король «поднял вверх брови», дала тон большинству этих суждений: вместо того чтобы спешить на помощь борцам за Акру и Иерусалим, «он тешится бесполезной военной игрой, бесплодно мучит невинных христиан (то есть греков), в то время как предстояло одолеть тысячи врагов Христовых. Значит ли это, что перед более трудной задачей отступает его прославленное мужество?»

В то же время даже недоброжелатели Ричарда признают, что завоевание Кипра дало крестоносцам базу снабжения, которая значительно облегчила ведение войны. Мало того, не справившись с Кипром — таково убеждение Амбруаза и, по-видимому, Ричарда (мы имеем основание думать, что

первоначально так же думал и Филипп), — оставляя остров у себя в тылу с его враждебным крестоносцам правителем императором Исааком Комнином, который в качестве официального союзника Саладина задерживал как живую силу латинского Запада, так и военные запасы, шедшие оттуда крестоносцам в Сирию, перехватывал людей, продавал их в рабство, трудно было иметь свободные руки под Акрой.

«Мало что принесло Сирии столько зла, как этот соседний остров, хотя когда-то он был ее поддержкой», — пишет Амбруаз. И в самом деле, цветущий богатый Кипр один мог прокормить значительную территорию Сирии. Но теперь от него ничего нельзя было ждать. «Там царствовал тиран, настроенный к злу, изменник и предатель, хуже Иуды и Ганелона²⁵. Он отступился от Христа, был другом Саладина. Говорят даже, они пили кровь друг друга» (в знак братства). Ричарду пришлось ближе познакомиться с коварством Комнина, когда не только притеснению и ограблению подверглись пилигримы с кораблей английского флота, разбившихся у берегов Кипра, но также был захвачен в почетный плен шедший одним из первых корабль с его невестой и сестрой. Прибыв на Кипр, Ричард начал с переговоров, требуя, чтобы пилигримам были возвращены имущество и свобода, на что получил насмешливую реплику: «Еще чего захотели, сир!» При чем, несмотря на все уговоры, император «не хотел дать более приличного ответа...» «Услышав это поносное слово, Ричард сказал своим воинам: “Вооружайтесь”».

Поведение Исаака Комнина было довольно опрометчивым. «Греки были у себя дома, но мы лучше владели искусством войны», — замечает Амбруаз. С этого момента Ричард не мог не увлечься борьбою самою по себе. Мирная и изнеженная старая раса мало что могла противопоставить железному воинству севера. Хотя вообще-то Комнин мог быть и осторожнее, помня, какому разгрому подвергся Кипр совсем недавно во время набега латинского князя Антиохии Рено Шатильонского. Впрочем, деятельность здесь нового латинского воителя обещала быть менее опустошительной. Она получила даже в некоторых отношениях вид восстановления попранных прав местного населения, которое ненавидело в Исааке придиричливого вымогателя и сурового пра-

вителя. При первых успехах Ричарда начались добровольные переходы целых отрядов «под защиту английского короля» и торжественные изъявления дружбы от местной знати.

С первых дней появления Ричарда на Кипре вокруг него собрался целый цветник «бывших людей», изгнанных из Палестины: «иерусалимский король» Ги Лузиньянский, выпущенный Саладином с очевидною целью создать разделение в среде христиан, после того как значительная часть осаждавших признала претендентом энергичного и ловкого Конрада Монферратского; брат Ги — Годфруа; Онфруа, «владыка могучий Торона», брошенный женой; Боэмунд III, князь Антиохийский с сыном; Лев, князь Армении. Все они, с «великой честью» принятые «верным, великодушным» Ричардом и богато снабженные деньгами и утварью (преобладающую роль в этих дарах играли «кубки»), приняли деятельное участие в погоне по острову за убежавшим императором.

Несколько раз хроникер описывает добычу, взятую на Кипре, которая почти целиком была отправлена обнищавшему и голодающему лагерю под Акрой. «Они взяли прекрасную посуду, золотую и серебряную, которую император оставил в своей палатке, его панцирь и кровать, пурпуровые и шелковые ткани, коней и мулов, нагруженных, точно на рынок, шлемы, панцири, мечи, брошенные греками, быков, коров, свиней, коз, овец и баранов, ягнят, кобылиц и славных жеребят, петухов и кур, каплунов, ослов, нагруженных изящно вышитыми подушками, скакунов, которые были лучше наших усталых коней». В замках, отбитых у греков, Ричард «нашел башни полными сокровищ и запасов: горшков, котлов, серебряных мисок, золотых чаш и блюд, застежек, седел, драгоценных камней, полезных, на случай болезни, алых шелковых тканей... Все это завоевал английский король, чтобы употребить на службу Богу и на освобождение Его земли». Оставив на Кипре людей, «которые понимали военное дело, Ричард устроил так, чтобы они посылали крестоносному войску продукты: жито, пшеницу, баранов, быков. На пути к Акре эта добыча пополнилась трофеями с огромного корабля Саладина. Амбруаз утверждает, что, «если бы вошел этот корабль в гавань Акры, никогда бы не была бы она взята, так много оружия вез он с собою». После горячего боя корабль

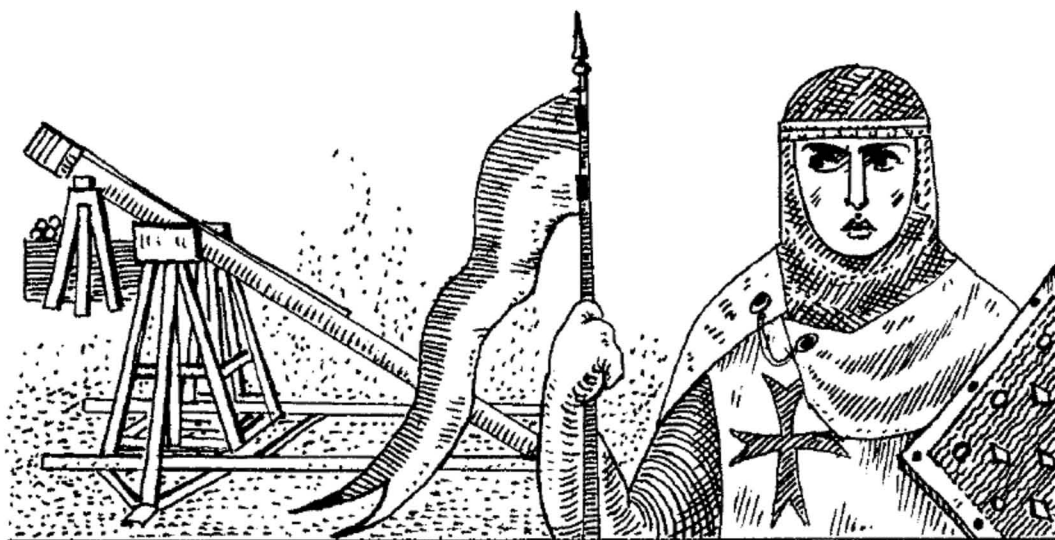
пущен был ко дну со всем своим экипажем, из которого Ричард взял заложниками только 35 «лучших» людей. «Когда услышал о том Саладин, он трижды дернул свою бороду и воскликнул, точно лишившийся рассудка человек: “Боже мой! Я потерял Акру”». В таком виде, во всяком случае, дошел до Амбруаза слух о реакции султана на это событие.

Господство на Кипре людей Ричарда было безусловным. Оно начинало новую страницу истории острова, богатую сменами разных культур. Когда пали одно за другим укрепления греков и дочь кипрского императора попала в руки Ричарда, Комнин, «покинутый всеми своими людьми», явился к королю, сдавшись на его милость и прося лишь об одном: чтобы его не заключали в железные цепи. Ричард такое обещание дал и заключил его в... серебряные оковы.

С этого момента власть над островом была обеспечена латинскому миру на четыре века. После короткого господства здесь тамплиеров, которые, откупив остров, не смогли здесь удержаться, он был за несколько большую цену передан Ги Лузиньянскому. И если потомки последнего иерусалимского короля больше никогда не вернулись в Палестину, то на Кипре династия Ги процарствовала почти триста лет, уступив его затем еще на один век венецианцам, после чего на нем до новых времен утвердились турки. Таким образом, Кипр долго еще — после того, как утрачены были Иерусалим, Антиохия и Триполи, а Константинополь сделался турецкой столицей, — оставался единственным оплотом европейской культуры на Востоке.

Глава IV

Победы и поражения в Палестине

Незадолго до отплытия крестоносцев с Кипра прошел слух, что французский король собирается штурмовать Акру, не дожидаясь Ричарда. На это, по словам Амбруаза, Ричард сказал: «Да не будет того, чтобы ее взяли без меня!..» В гавани Фамагусты он оснастил и вывел в море свои корабли.

«Вот галеры в пути, и король, по обычаю своему, впереди, сильный и легкий, будто перо на полете. Подобно быстро бегущему оленю, пересекает он море...» — полный в предчувствии великих битв поэтического восторга записывает Амбруаз. Скоро перед Ричардом выросла, возникнув из синего тумана, мечта крестоносца — сияющая цепь Ливанских гор. Как в быстром сне, стали проходить великие византийские и латинские замки на высотах и цветущие города побережья. «Увидел он Маргат на склонах, обрамляющих землю Господню, Тортозу, ставшую над волнующимся морем. Быстро миновал он Трип, Инфре и Ботрон, увидел Жибле с его башней, которая царит над укреплением». Столкновение с сарацинским судном задержало Ричарда у Сагунты, «но потом сердце его стремилось только к Акре».

Последнюю ночь он провел под Тиром (Конрад Монферратский не пустил его внутрь города), а утром, миновав Кандолин, был у Казал-Эмбера, ближайшей Акре стоянки. Отсюда город открывался перед ним как на ладони, а у его стен — «цвет людей всего мира, стоявших лагерем вокруг». Лагерь сам вырос в настоящий город за два года борьбы за Акру.

«Горы и холмы, склоны и долины покрыты были палатками христиан... Далее виднелись шатры Саладина и его брата и весь лагерь язычников. Все увидел, все заметил король... Когда же близился он к берегу, можно было разглядеть французского короля с его баронами и бесчисленное множество людей, сошедшихся на встречу. Он спустился с корабля. Услышали бы вы тут, как звучали трубы в честь Ричарда, несравненного, как радовался народ его прибытию...

Кто смог бы рассказать ту радость, какую проявляли по поводу его приезда? Звенели кимвалы, звучали флейты, рожки... Пелись песни. Всякий веселился по-своему. Кравчие разносили в чашах вино. Особенно радовалось войско тому, что король взял Кипр и привез столько припасов... Дело было вечером, в субботу... Сколько тут зажжено было свечей и факелов. Они были так ярки, что долина казалась охваченной пламенем».

В этом пламени восходило для осаждающих новое солнце, перед чьим светом, «точно месяц», уходил в темноту французский король. Так живописно изображает соотношение влияния крестоносных вождей Ричард Девизский. И более или менее ясно, что поведение нового солнца должно было воскресить старые обиды в сердце его отошедшего в тень сюзерена. Причиной того, что «все тянулось к Ричарду», были не только его мужество и слава. Исходящие от него золотые лучи были вполне материальны — Ричард немедленно начал раздавать кипрское золото и перекупать сердца крестоносцев. Если Филипп платил своим воинам по три бизанта, то Ричард «велел возвестить по войску, что всякий воин, из какой бы он ни был земли, получит от него, если захочет к нему наняться, четыре золотых бизанта».

Не только множество рядовых людей — среди них оказались все те, кто обслуживал осадные машины Филиппа II Августа, — но и некоторые известные воины переходили на

службу к английскому королю. Колебались даже ближайшие вассалы Филиппа, а один из них — Анри, граф Шампанский (племянник как Филиппа, так и Ричарда) — не устоял и явился к Ричарду, бросив своего сюзерена. Ричард же, не теряя времени, раскинул свои шатры на высотах Казал-Эмбера и стал возводить башню, привезенную в Палестину в собранном виде на судах. Как только башня была построена, воины английского короля принялись осыпать с нее стрелами лагерь мусульман, которых уже само появлением Ричарда повергло в панику; после этого они совсем пали духом и стали подумывать о сдаче. Когда же крестоносцы закончили засыпку рвов и придвинули лестницы к стенам Акры, ее гарнизон изъявил готовность сдаться со всем оружием и запасами. Осажденные просили только сохранить им жизнь и свободу.

Таким образом, нескольких дней после прибытия Ричарда оказалось достаточно, чтобы обнаружился решительный успех крестоносцев. Предложенные гарнизоном Акры условия, однако, были отклонены — ему предложили безоговорочную капитуляцию.

В этом, как и во всех непримиримых решениях, имевших целью довести врага до отчаяния — в надежде на более решительный, более блестящий успех, а также на месть до конца, мы чувствуем преобладающее влияние Ричарда, который безгранично верил в свои силы. Он хотел, чтобы город сдался на полную милость победителя. Как некогда в войне с отцом, так и ныне Ричард не хотел быть связанным никакими условиями. Впрочем, в этот очень счастливый, очень благоприятный для крестоносцев период войны в Сирии ультимативная позиция была, по-видимому, установлена с общего сочувствия.

Акра сама по себе была не так уж и важна для крестоносцев: она была только ключом к королевству, к Иерусалиму и к возвращению Креста Христова, находившегося в плену у Саладина. В гарнизоне Акры находился цвет мусульманского войска: множество эмиров, знаменитых воинов и знатных горожан, родственники которых были разбросаны по Сирии и Месопотамии, до самого Вавилона. В данном случае Ричард знал, что делал: завладев всеми этими людьми, он

мог потребовать (и потребовал, когда получил такую возможность, на самом деле) ни больше ни меньше, как все то, путь к чему открывала Акра, — возврата Иерусалимского королевства, освобождения всех христианских пленных и всех святынь Иерусалима. Однако сдаваться на милость Ричарда гарнизон не хотел. Когда английский король отверг их предложение, защитники Акры совершили отчаянную вылазку и смогли частично разрушить башню на Казал-Эмбере. Это стало полной неожиданностью для крестоносцев, мысленно уже деливших добычу, которую надеялись захватить в городе.

А затем осада была омрачена проявлением двух недугов, из которых один был преходящим, а другой — неизлечимым. Первым была вспыхнувшая в лагере эпидемия, от которой пострадали многие воины и которая настигла обоих королей. Записанная в хрониках под именем «арнолидии» или «леонардии», эта болезнь более всего напоминает цингу. Больных жестоко лихорадило, «у них были в дурном состоянии губы и рот», выпадали ногти и волосы и шелушилась кожа. Немало крестоносцев погибло от этого недуга, и между прочими мужественный граф Фландрский Филипп — к огорчению войска и к удовольствию Филиппа II Августа, немедленно наложившего руку на его наследство. Ричард переносил болезнь тяжело, и первый — не принеший крестоносцам успеха — штурм стен, несмотря на его протесты, произошел без него. Вслед за этим в лагере крестоносцев наступил период подавленности и бездействия, который позволил мусульманам собраться с силами. Готовясь к решительной схватке, они починили поврежденные стены и даже осмеливались совершать вылазки из города, убивая и захватывая в плен крестоносцев, беспечно полагавших себя в безопасности.

Другой болезнью лагеря, абсолютно безнадежной, была вражда в нем «французской» и «английской» его половин. «Во всех тех начинаниях, в каких участвовали короли и их люди, они вместе делали меньше, чем каждый поодиночке. Французский король и его люди презирали английского короля и его вассалов, и наоборот, — пишет Роджер Ховденский. — Короли, как и их войско, раскололись надвое. Когда французский король задумывал нападение на город, это не нравилось английскому королю, а что угодно было

последнему, неугодно первому. Раскол был так велик, что почти доходил до открытых схваток».

Признав безысходность положения, короли избрали коллегия третейских судей, по три с каждой стороны, обязуясь подчиняться ее распоряжениям. Но и она не добилась согласного действия. Максимум согласия выразился в договоренности, что, если «один пойдет на штурм, другой должен защищать лагерь». Дошло до того, что Ричард после первого малоудачного штурма самостоятельно вступил в переговоры с Саладином и обменялся с ним подарками. Посредником в этих переговорах выступал брат Саладина — Малик аль-Адиль (Сафадин), который вскоре сделался поклонником английского короля.

Филипп II Август также имел сношения с Саладином (пораженным тем же недугом, что и латинские короли), посылал ему в дар драгоценные камни и принимал от него фрукты, но он считал себя вправе — в качестве высшего главы крестоносного воинства — делать подобные шаги. В аналогичных же действиях своего вассала он усматривал предательство, тем более что Ричард предпринимал их втайне от него. Как бы то ни было, недоверие «французов» к Ричарду возрастало. И когда заболел и Филипп, почва для злой сплетни, будто он хворает, «отравленный врагами», была уже в значительной мере подготовлена. Правда, пока короли официально оставались союзниками, она звучала очень глухо и почти не произносилась вслух.

Тем временем вокруг города смыкался возводимый крестоносцами вал, на котором устанавливались страшные метательные машины, непрерывно воздвигаемые на средства королей, баронов, орденов. Одна сооружена за счет рядовых крестоносцев, призванных к тому проповедью их духовных вождей. Она «получила имя Божьей пращи», тогда как машина французского короля называлась «злой соседкой». «И машина бургундского герцога делала свое дело, и машины тамплиеров сшибли голову не одному мусульманину, как и башня госпитальеров, которая раздавала хорошие щелчки, очень нравившиеся всем». Ричард заочно принял участие в этой осадной войне, выдвинув на вал четыре машины и соорудив огромную каланчу, покрытую кожей, неуязвимую, как говорили, для стрел мусульман и даже для «греческого огня».

Все эти устройства день и ночь метали дождь стрел и швыряли громадные камни. «Один из таких камней показали Саладину. То были могучие морские валуны. Их привез из Мессины английский король, чтобы убивать сарацин. Но сам он все еще был в постели, больной и невеселый». Ричард велел приносить себя к рвам, чтобы следить за битвой, «но печаль, что он не может в ней участвовать, была тяжелее, чем недуг, который сотрясал его тело».

3 июля осажденные отправили гонцов к Саладину, извещая его, что держатся из последних сил. Саладин сделал отчаянную попытку отвлечь осаждавших вылазкой, но атака была отражена воинами Ричарда. После этого «французы», не беспокоясь за тылы, пошли на решающий штурм, и, казалось, им сопутствовал успех: маршалу Обри Клеману даже удалось водрузить знамя на гребне стены. Но лестница, по которой он взбирался, не выдержала тяжести напивавших сзади, сломалась — и они посыпались вниз. Клемана же мусульмане зацепили железным крюком и утащили на свою сторону. Это внесло замешательство в ряды крестоносцев, и они отступили. Впрочем, они прочно укрепились в окопах, полностью прервав сообщение города с внешним миром, и после некоторых размышлений комендант Акры Маштуб сам отправился к Филиппу предлагать капитуляцию на прежних условиях. Французский король ответил ему отказом, и все ждали, что по завершении трехдневного траура по Обри Клеману штурм возобновится.

Между тем Ричард, как мы уже сказали, вел переговоры с Саладином — как представляется, имея только одну цель: оттянуть развязку до своего выздоровления. О содержании этих переговоров нам ничего не известно, но очевидно, что они ни к чему не привели. 6 июля Ричард, наконец почувствовавший себя лучше, готовился лично повести рыцарей на Акру. Однако именно в этот день Саладин предложил Филиппу новые условия сдачи города, весьма благоприятные для крестоносцев. Что заставило его пойти на это, трудно сказать. Возможно, положение Акры и в самом деле было очень плохим, а может быть, на Саладина повлияли какие-то известия из его владений, которые побудили отдать многое, чтобы не потерять все.

Согласно этим условиям, Иерусалим, как и все земли, завоеванные в течение пяти лет до дня пленения иерусалимского короля, отходили к христианам. Крестоносцы, в свою очередь, должны были заключить с Саладином двухлетний союз и выступить против его врагов за Евфратом.

Впрочем, эти предложения были отвергнуты обоими королями — Ричард был настроен весьма воинственно, а Филипп в такой ситуации не считал возможным говорить о мире — и 7 июля крестоносцы пошли на штурм. Ричард участвовал в нем, лежа на носилках, с которых и посылал стрелы в неприятеля. Он был уверен, что безоговорочная победа — дело нескольких дней. Ему и в голову не приходило, что в это время за его спиной переговоры об условиях сдачи города продолжаются. Пока он мечтал о том, как его воины ворвутся в Акру, Конрад Монферратский в ночь на 11 июля с полного одобрения Филиппа заключил с эмирами перемирие и, в сущности, столковался с ними об условиях капитуляции. Узнав об этом, Ричард был вне себя от ярости и не прекратил атаковать город, будто перемирие его не касалось. Филипп, в свою очередь, когда стало ясно, что английский король не слушает его приказаний, едва не отдал приказ усмирить Ричарда силой. Все могло закончиться страшным кровопролитием, но в дело вступили другие вожди крестоносцев и с немалым трудом добились видимости согласия между королями.

Тут же, однако, начались раздоры по поводу условий капитуляции. Конрад и Филипп готовы были дать местному населению не только свободу, но и право уйти со всем имуществом. Ричард же, как говорят его недоброжелатели, был не согласен вступать «в пустой город», так как Мессина и Кипр приучили его к богатой добыче. Но положение было таково, что вожди крестоносного движения не могли не прийти к компромиссу. Сошлись на том, что Акра передавалась крестоносцам со всем находящимся там золотом, серебром, оружием, судами, запасами и христианскими пленниками. Эмиры обязались выдать Крест Христов, освободить еще 1500 пленных христиан и заплатить 200 тысяч бизантов контрибуции. Гарнизон Акры должен был получить свободу и уйти со своим имуществом не сразу, а лишь при условии выполнения Саладином в определенный срок этих обяза-

тельств (хотя, заметим, Саладин в переговорах не участвовал и, следовательно, от обязательств был свободен). Иначе защитники города оставались на милость победителей и становились их пленниками. Иерусалим текстом соглашения был обойден молчанием, что вообще-то вызывает вопросы.

Вступление в Акру совершилось с подобающим торжеством. На башнях ее взвились латинские знамена. Церкви, обращенные мусульманами в мечети, вновь были освящены. Но с первых минут торжества среди разноплеменных крестоносцев появилось много недовольных. Дело было в том, что два короля разделили город и добычу между собой и впускали в него только своих воинов, полностью отрезав от добычи тех, кто прежде их приезда долгие месяцы бился под Акрой. Особенно много упреков пришлось на долю Ричарда. У всех на устах было его столкновение с Леопольдом V, герцогом Австрийским, который пользовался особым его расположением как сторонник Конрада и Филиппа и родственник низложенного кипрского императора. Леопольд одним из первых взобрался на стены Акры и водрузил свое знамя. Ричарда это вывело из себя: под смех окружающих знамя Леопольда было сброшено наземь, а сам он изгнан из квартала, где хотел расположиться.

Несомненно, что это нанесло серьезный урон единству крестоносного дела. Еще хуже, однако, было то, что не прошло и двух недель после вступления в Акру, как французский король собрался домой под предлогом нездоровья; объяснению этому никто не верил. За Филиппом стали готовиться к отбытию его бароны.

Ричарду, «который оставался в Сирии на службе Богу», ничего более не оставалось, как потребовать у французского короля клятвенного, на мощах, обещания, что он не нападет на его землю и не причинит ему вреда, пока он находится в походе. А когда Ричард вернется из похода, не начнет против него войны, не предупредив его за сорок дней. И Филипп дал такую клятву; поручителем при этом выступил герцог Бургундский.

«Французский король собрался в путь, — продолжает рассказ Амбруаз, — и я могу сказать, что при отъезде он получил больше проклятий, чем благословений... А Ричард, который

не забывал Бога, собрал войско... нагрузил метательные снаряды, готовясь в поход. Лето кончалось. Он велел исправить стены Акры и сам следил за работой. Он хотел вернуть Господне наследие и вернул бы, не будь козней его завистников».

После отплытия Филиппа II Августа из Сирии (3 августа 1191 года) до момента, когда, осознав всю бесплодность дальнейшей борьбы и опасности, какими грозило его власти в Англии дальнейшее отсутствие, Ричард тоже решился покинуть Палестину, прошло чуть более года. Каждый день этого года отмечен в дневниках людей, вовлеченных в борьбу, драматическими эпизодами; события неслись с головокружительной быстротой, не подвигая Ричарда к заветной цели, а, наоборот, непрерывно его от нее удаляя.

При всех колоссальных усилиях и готовности к самопожертвованию Ричарду Плантагенету не дано было остановить колесо истории. Впрочем, многие историки, примыкая к суждениям современников Ричарда из числа его недоброжелателей, ответственность за неудачу, постигшую крестоносцев в Сирии, возлагают всецело на него самого. Вот как складывались в этом памятном году события, на которые получил как будто исключительное влияние Ричард, если мы их представим, сжимая изложение хроникеров и новых историков.

Саладин «не смог» (так выражается, например, Куглер²⁶, повторяя выражение арабских историков) выполнить в указанный срок условия договора: он не уплатил ничего из 200 тысяч бизантов, не отдал Креста Христова и не отпустил никого из христианских пленников. Тогда (по выражению того же историка) произошла отвратительная сцена. Ричард впал в безмерный гнев и, вытребовав пленников Акры, велел немедленно отрубить им головы под городскими стенами. Это была его «первая ошибка»: после этого Саладин имел основание не исполнять ни одного из условий договора и в дальнейших столкновениях не давать никакой пощады христианам. Другой недостаток Ричарда заключался в том, что при всей своей личной храбрости он оказался не способен составить «разумный план кампании» и провести его без отклонений. «Перед ним стояла ясная задача — разрушить военную силу Саладина и завоевать Иерусалим». Отклоняясь от нее, Ричард «совершает новый промах», аналогичный тому, кото-

рый заставил латинское войско завязнуть под Акрой: вместо того чтобы двигаться к Иерусалиму, английский король решил завоевать прибрежный город Аскалон. Этому историки вслед за хроникерами находят, впрочем, объяснение. Заняться Аскалоном Ричарда могло побудить влияние Лузиньянов, у которых были виды на Яффу, или тех рыцарей, у которых были владения в прибрежной полосе, или итальянских купцов, у которых были интересы в приморских городах.

Путь к Аскалону, трудный сам по себе, отягчался тем, что по велению Саладина на всем его протяжении были разрушены селения, которые могли стать опорными пунктами для воинов Ричарда, и на каждом шагу грозили стычки с сарацинами. Около Арсуфа 7 сентября крестоносцев встретила 50-тысячная армия Саладина. Анонимный автор хроники «Путешествия короля Ричарда» пишет: «Богомерзкие турки напали на нашу армию со всех сторон, с направления моря и земли. На две мили вокруг не было места, даже пяди земли, которое бы не было покрыто враждебной расой турок». Натиск воинов Саладина был чрезвычайно силен, но крестоносцы устояли, несколько раз контратаковали и обратили врага в бегство.

Куглер считает, что Ричард, «увлеченный личными подвигами», обусловившими победу, «забыл свой долг полководца» и поэтому не преследовал сарацин. Достигнув Яффы, частично разрушенной, но где все-таки имелись условия для отдыха, войско остановилось, «вместо того чтобы немедленно идти на Аскалон». Этим воспользовался Саладин, который решил — с крайне тяжелым чувством — предать Аскалон разрушению. Задержка в Яффе стала, таким образом, «новым промахом» Ричарда.

Услышав о начавшемся 16 сентября разрушении Аскалона, Ричард хотел было поспешить туда, но опять пошел на поводу у советчиков, которые теперь считали, что лучше всего будет забыть про Аскалон, а Яффу превратить в опорный пункт, для чего отремонтировать здесь все поврежденные укрепления, а затем быстрым маршем идти на Иерусалим. Ричард принял этот план. Однако восстановление Яффы и нескольких разрушенных замков в округе шло очень медленно, а Ричард, словно забыв о конечной цели, «тратил

время в частных стычках, в аванпостной войне, где искал самых изысканных опасностей». Его безумная отвага неизменно производила впечатление на сарацин, слава впереди него, но во всех этих подвигах король терял драгоценное время. Кроме того, затянувшаяся остановка в Яффе привела к разложению дисциплины; крестоносцы все меньше думали об освобождении Гроба Господня и все больше о развлечениях: целыми отрядами они уходили в Акру, чтобы вести там веселую жизнь.

И уж точно не был озабочен победой крестоносного дела Конрад Монферратский. Заинтересованный в сохранении за собой сеньорий, назначенных ему договором под Акрой, он совершил очередное предательство, тайно обратившись к Саладину с просьбой санкционировать передачу ему этих владений; за это Конрад обещал вождю сарацин помощь против своих единоверцев.

И в это же время Ричарду был нанесен еще один удар — издалека. Пришла весть, что Филипп II Август вторгся в его французские владения и что поддерживаемый Филиппом Иоанн Безземельный в самой Англии готовит ниспровержение власти Ричарда.

Таким образом, ситуация едва ли не разом перевернулась. Ричард, считавший, что окончательная победа — это лишь вопрос времени, вынужден был задуматься о прекращении своей экспедиции. Теперь его задача состояла в том, чтобы оставить за собой хотя бы то, что удалось завоевать. Ради этого он начал с Саладином переговоры о мире, которые, однако, оказались бесплодны. Арабские хроникеры утверждают, что вина за это целиком лежит на английском короле: «Едва лишь намечалось некоторое соглашение, он внезапно от него отказывался. Едва его предложения бывали приняты, он возбуждал новые осложнения». Правда, мы не можем фактами ни подтвердить, ни опровергнуть эти слова.

Ясно, однако, что Ричард понемногу терял равновесие и начинал действовать нелогично. В начале 1192 года, в холодные и ненастные зимние месяцы, после бессмысленного промедления, он внезапно объявил поход на Иерусалим. План принят был крестоносцами с энтузиазмом. Но когда войско оказалось на расстоянии дня пути от Иерусалима,

у его руководителей возникли сомнения в достижимости поставленной цели. Военный совет, где главную роль играли вожди рыцарских орденов, вдруг вспомнил о недавно возведенных Саладином могучих стенах Иерусалима и решил, что город вряд ли удастся взять, а значит, надо возвращаться к побережью. Ричард согласился с орденскими руководителями и повернул на Аскалон. По словам Амбруаза, лишь впоследствии крестоносцы узнали, что именно в тот момент Иерусалим был плохо защищен.

Ярко рисуют хроникеры горе-пилигримов, идущих к разрушенному Аскалону и оставлявших Иерусалим позади. А Ричард нашел себе новое дело: он проявил огромную энергию в восстановлении Аскалона, словно хотел компенсировать этим метания последних месяцев. Он сам присутствовал при строительных работах, вникал в тонкости устройства укреплений, ободрял каменщиков. Вскоре из руин поднялись валы, крепостные стены и отдельные дома.

Однако и это дело не довелось завершить Ричарду. Вдруг пришли известия из Акры о том, что пизанцы, друзья Ричарда и Ги, вступили в нешуточный бой с генуэзцами, друзьями Конрада, и что Конрад со своими людьми уже спешит к Акре, дабы утвердиться в ней. Ричард бросился к Акре и остановил осуществление этих планов. Но положение продолжало оставаться напряженным, а Ричард уже не чувствовал в себе той энергии, которая позволяла ему прежде преодолевать любые препятствия. Говоря попросту, он устал. К тому же вести об интригах Филиппа и Иоанна принимали все более тревожный характер, и король не мог не думать о возможной потере трона. На военном совете он заговорил о своем возвращении домой, но совет поставил предварительным условием для этого окончательное разрешение спора об иерусалимской короне. Ричард предложил совету самому решить этот вопрос, и тот почти единогласно сошелся на Конраде Монферратском — «единственном, кто мужеством, мудростью и политическим искусством» удовлетворял трудным условиям момента.

Ричард был поражен этим до глубины души, но нашел все-таки в себе силы не возражать против этого решения и сам послал известить Конрада о воле совета. Очень скоро

ему пришлось признать, что совет поступил правильно, — во всяком случае, на это указывала уступчивость Саладина, которую тот не замедлил проявить. Вождь сарацин был готов сделать уступки в Иерусалиме и на побережье, оговаривая здесь для себя только Аскалон. В Палестине как будто намечалась ситуация, когда все стороны будут удовлетворены достигнутыми договоренностями. Но 28 апреля Конрад пал в Тире от руки двух убийц из секты ассасинов²⁷. Враждебная Ричарду молва обвинила его в этом убийстве.

После этого Ричард определенно потерял самообладание. У него еще хватило хладнокровия не настаивать на признании на иерусалимский трон прав Ги Лузиньянского и принять как приятное для себя избрание иерусалимским королем его племянника Анри (Генриха) Шампанского. Но затем стремления и желания Ричарда раздваиваются между судьбой собственного престола и Иерусалимом. Он отваживается на новые подвиги, отвоевывает для иерусалимского королевства замок Дарум, но в то время готовится уезжать, поскольку все более грозный характер принимают вести из Англии. Уже почти все готово к отъезду, но тут вдруг некие видения заставляют его остаться. Он решается вести войско к Иерусалиму, пользуясь благоприятным временем года и слухами о поколебавшейся силе армии Саладина. Но в том же месте, от которого повернул обратно прошлый раз, он останавливается на несколько недель, ожидая подкреплений из Акры, а затем приказывает войску возвращаться обратно на побережье, отказываясь от Иерусалима все по той же причине — говоря, что город слишком хорошо укреплен и у них не хватит сил его взять...

Понятно, что при таких обстоятельствах мир, о котором он вновь заговорил с Саладином, не мог быть заключен на условиях, о которых шла речь прежде. Саладин на этот раз не спешил договариваться. Стянув вновь свое войско, он перешел в наступление, двинулся к Яффе и овладел бы ею — кроме цитадели, она уже была в его руках, — если бы не Ричард. Чего-чего, а мужества своего английский король не утратил. Узнав о нападении на Яффу, Ричард поплыл к ней на помощь — рассказывают: он так спешил вступить в бой, что спрыгнул в воду, не добравшись до берега. Саладин не

ожидал удара от, казалось бы, деморализованного короля и отступил. Вернув Яффу, Ричард предложил возобновить переговоры о мире.

Но в этих переговорах Ричард совсем не тот, каким был под Акрой и в боях на улицах Яффы. Он был вял и уступчив. Результат переговоров был таким, что крестоносцы и христиане Палестины испытали, узнав о них, «глубокое горе и стыд». Только полоса между Тиром и Яффой оставалась за новым иерусалимским королем. Иерусалим, Святой Крест, пленники, находившиеся в руках Саладина, вообще не были помянуты. Пилигримам без оружия разрешалось входить в Иерусалим для поклонения святыням, но это право предоставлялось всего на три года. О дальнейшем (это опять-таки ставилось в укор английскому королю) договор не говорил ничего.

Ричард еще находился в Палестине, когда по одному из условий договора крестоносцами было осуществлено паломничество ко Гробу Господню.

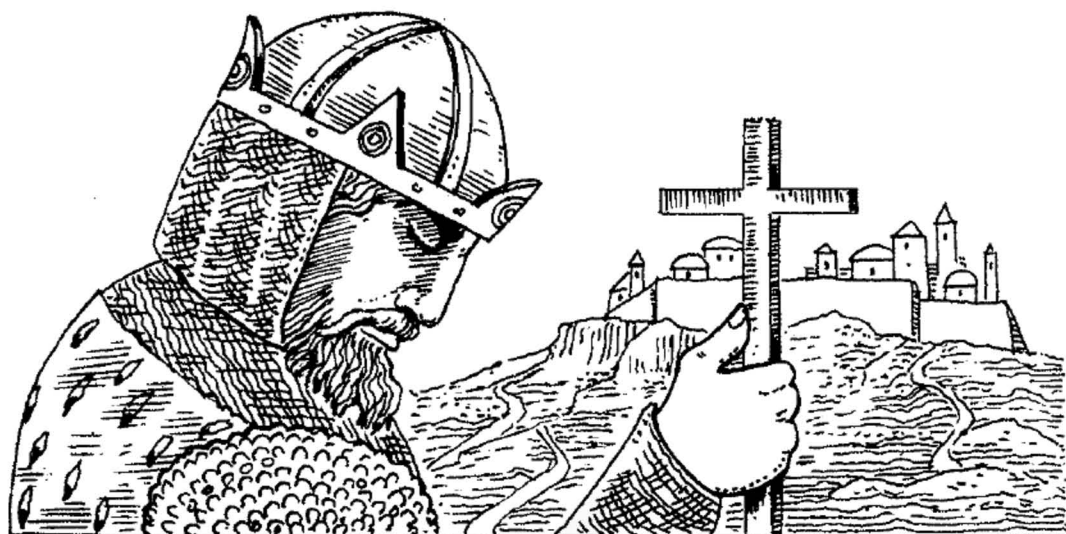
«Без оружия», как то было оговорено, вступили они в Иерусалим, где процессией обошли святыни, «полные жалости и желания», и где видели христианских пленников, «скованных и в рабстве». «Мы целовали пещеру, где взят был воинами Христос, и плакали мы горькими слезами, потому что там расположились стойла и кони слуг дьявольских, которые оскверняли святые места и грозили паломникам. И ушли мы из Иерусалима и вернулись в Акру...»

Ричард выждал возвращения третьей группы паломников и посадки их на суда, а затем стал сам собираться в путь. Он отплыл из Яффы 9 октября.

Через два с половиной месяца, за четыре дня до рождественских праздников, после бури, разбившей корабль, когда переодетым он пробирался через владения австрийского герцога, его схватили и заточили в замке Кюнрингербург близ города Дюрнштайна на Дунае.

Глава V

Дело латинских завоевателей на Востоке

В этом очерке событий, который слагается как более или менее объективная сводка различных показаний, есть что-то вызывающее ряд недоумений. К сожалению, многих из них не рассеивают писатели, дружественные Ричарду. Ни Амбруаз, ни Ричард Девизский не упоминают о недоразумениях, в последнюю минуту еще раз разделивших Ричарда и Филиппа. Между тем в изображении менее благоприятно настроенных хроникеров поведение Ричарда рисуется в такой же мере мальчишески-задорным, бесцельно-жестоким и вредным, в какой представляются целесообразными, гуманными и трезвыми действия Филиппа и Конрада. Ричард явно затягивал штурм города, не хотел соглашаться на приемлемые для гарнизона условия. Из-за него чуть было не расстроилось соглашение, и благодаря ему было, очевидно, введено то суровое условие, в силу которого пленники Акры остались в руках победителя, что впоследствии дало возможность по невыполнению договора Саладином обезглавить две тысячи человек.

Однако чем внимательнее вглядываешься в эти события, тем более странным представляется многое в таких оценках.

Да, Ричард затягивал штурм Акры, да, он обнаружил полное отсутствие гуманности к пленникам Акры. Но можно ли думать, что именно гуманность заставляла Филиппа спешить с принятием капитуляции и идти на не самые выгодные условия? Нам хорошо известна проявившаяся с ранней юности холодная жестокость Филиппа. Во имя чего могли бы мы предположить в нем, с циническим коварством стравившем в свое время детей и братьев в семье Плантагенетов, задушившем (вероятно) Артура Бретонского²⁸, особую жалость к тем, кого он, так же как и Ричард, считал «врагами Христа»?

Разница между ним и Ричардом заключалась в том, что Филипп, собственно, не ставил себе никаких целей на Востоке и выполнял долг приличия, проведя три неприятных месяца под Акрой. Для Ричарда же самое важное дело его жизни складывалось на Востоке; не важно, кем был — «Божьим паладином» или только славолубивым завоевателем, но ясно, что Иерусалим был главной целью его жизни.

Понятно, что Филипп, уже строивший планы дальнейших интриг в Европе, торопился поставить точку на эпизоде Акры. Для Ричарда же этот эпизод был только началом действий в Палестине. Его настроению, в отличие от действий, нельзя отказать в последовательности; да, он был жесток, но жестокость была характерна не только для его натуры — век, в котором жил Ричард, был беспощаден.

Казнь под Акрой изображают обычно как акт чисто импульсивный, не вызванный прямо действиями Саладина, который «не смог» выполнить в срок условий договора. Но зададимся вопросом: почему в промежуток от 12 июля до 20 августа Саладин не мог выполнить ни одного условия? Допустим, ему трудно было быстро собрать 200 тысяч византийцев, но для того, чтобы отпустить христианских пленников и выдать Святой Крест, больших усилий не требовалось. При самой низкой оценке благоразумия и самообладания Ричарда трудно поверить, чтобы он разыграл под Акрой «отвратительную сцену» (так ее именуют многие историки Нового времени), если бы Саладин продемонстрировал желание выполнить условий договора. Вернее всего, он, по выражению хроникера, «только водил Ричарда за нос», дабы выиграть время. О негуманности и жестокости поступка Ричарда, конечно, не

может быть двух мнений для мирных людей и мирных ученых. Для воинствующих деятелей жестоких веков (как и для воинствующих ученых тех же эпох) категория гуманности большей частью оказывается плохо приложимой к войне.

Иное дело — вопрос о целесообразности. Историки говорят, что «поступок Ричарда освободил Саладина от всяких обязательств». Но по-видимому, Саладин и без того считал себя от них свободным. Часто не учитывается довольно важный в этом смысле факт, о котором сообщает Амбруаз, что решение о массовой казни было принято после совета с окружавшими Ричарда другими вождями крестоносцев и что согласно этому решению предложено было покончить с большей частью рядовых сарацин, но «сохранить всех людей высокого звания, чтобы выкупить наших пленников». Следовательно, Ричард и его совет действовали не совсем без расчета.

Конечно, казнь вызвала великое озлобление и жажду мести. Но она не могла внушить убеждения, что Ричарда надо принимать всерьез и нельзя обманывать безнаказанно. При известных обстоятельствах эта мера могла привести к успеху. Конечно, она привела в негодование Конрада, который рассчитывал держать пленников в Тире и вести вокруг них торговлю с сарацинами. Ричард поломал ему весьма выгодную игру. Не стоит удивляться, что дружественные Конраду хроникеры не только изобразили Ричарда злодеем, но еще и злодеем, действующим без всякого смысла.

Нередко говорят о неспособности Ричарда разработать и осуществить целесообразный план войны в Палестине, хотя бы тот, который некоторые историки считают совершенно «ясным»: разгромить военную силу Саладина и взять Иерусалим.

Однако некоторые оговорки напрашиваются и здесь. Мог или не мог Ричард, разбив отряд сарацин при Арсуфе, что стоило крестоносцам немало крови, после тяжелого перехода по побережью преследовать врага, «бежавшего в горы»? Что мы знаем об условиях этого возможного преследования? Ровно ничего. Если Ричард все время рисуется человеком, который всегда стремится действовать до конца (таким мы его знали в войне с отцом, в усмирении Аквитании, а также

под Акрой), то были, очевидно, какие-то причины, не позволившие ему это сделать под Арсуфом.

Пока Ричард отдыхал в Яффе, Саладин — в изображении Амбруаза — объяснялся со своими побитыми и бежавшими от Арсуфа эмирами, которые оправдывали позорное бегство невозможностью одолеть Ричарда: «Он производит такие опустошения в наших рядах!.. Его называют Малик²⁹-Ричард, и это действительно Малик, который умеет обладать царствами, производить завоевания и раздавать дары». Вся эта беседа есть апокриф, но не крестоносцами придумано для Ричарда прозвище Малик. Однако «разгромить до конца» силы Саладина, которые скрывались в крепких замках в горах, и преследовать со своими измученными отрядами армию, бежавшую в горы, могло оказаться невозможным даже для «Малика».

Недоброжелатели Ричарда утверждают, что он напрасно терял время на побережье, занимаясь осадой городов, что «не имело значения». Но если Аскалон действительно не имел значения, зачем тогда Саладин разрушил этот великолепный город, когда понял, что не сумеет отстоять? Ответ прост: Аскалон связывал Сирию и Египет. На востоке власть Саладина колебалась, но в Египте он имел прочную базу. Не захватив Аскалон, вряд ли крестоносцы могли «разгромить военную силу Саладина». Возможно, конечно, что в своих маршах по побережью им следовало быть не столь медлительными и не так долго предаваться отдыху в завоеванных городах. Но автору данного очерка не известно ничего определенного о возможности ускорить эти марши. Другим историкам, надо полагать, известно немногим больше.

Очень трудно объяснить метания между побережьем и Иерусалимом: прерванный зимний поход к Святому городу, потерю времени в Яффе, новый поход летом с тем же результатом и, наконец, неожиданно позорный мир. Здесь, несомненно, Ричард оказался не на высоте, поддаваясь то страстному желанию паломников вернуть Иерусалим, то предостерегающим и, быть может, небескорыстным советам пизанцев и орденских рыцарей. Когда же он задумался об отъезде, то начал спешно, не считаясь с потерями, решать

самые жгучие проблемы Святой земли, лишь бы обеспечить себе возможность ее покинуть. Что все эти колебания и напрасная трата сил не могли содействовать успеху, что в них проявились непоследовательность и импульсивность Ричарда, этого не приходится отрицать. На это не решается даже постоянный защитник Ричарда — Амбруаз. Он, который, вообще говоря, верил в конечный успех всего дела, раз оно было в руках Ричарда, объясняет все неудачи «кознями врагов». Отчасти он прав: враги расстроили многие планы английского короля — чего стоит один Конрад Монферратский, который то и дело вступал в сепаратные переговоры с Саладином и своим нападением на Акру вынудил Ричарда бросить Аскалон. Но не все можно списать на вражеские козни.

Главная причина, предопределившая роковой исход всего дела, заключалась, как представляется, вовсе не в личных качествах Ричарда и не в действиях личных его врагов. Она крылась в психологии крестоносцев.

После Акры, когда казалось, что сила Саладина надломлена, масса крестоносцев рвалась в Иерусалим. Тоска многих веков, питавших латинскую душу грезой о Святом городе, бурлила в этой наивной и дикой толпе, когда она ступила на путь к Гробу Господню... «И каждый вечер, когда войско располагалось лагерем в поле, прежде чем люди уснули, являлся человек, который кричал: “Святой Гроб! Помоги нам”. И все кричали вслед за ним, поднимали руки к небу и плакали. А он снова начинал и кричал так трижды. И все бывали этим сильно утешены...» Находясь уже вблизи от Иерусалима, холодной зимой 1192 года крестоносцы больше походили на толпу нищих, к тому же почти все были больны; они потеряли много лошадей, есть приходилось подмокшие сухари и испорченную солонину, платье расплзлось на лоскуты. Но все это не имело для них значения. Они так страстно желали Иерусалима, что сберегали пищу для времени осады, когда потребуется больше сил. Заболевшие велели класть себя на носилки и нести дальше; и даже умирали они с сердцами, полными надежды. «Господи, помоги нам, владычица, святая дева Мария, помоги нам. Боже, дай поклониться Тебе, возблагодарить Тебя и видеть Твой гроб». Не видно было

мрачных или печальных, исчезли злоба и зависть. Всюду царили радость и умиление...

Наблюдателям со стороны порой всего этого кажется достаточным для победы. Но есть и другая сторона вопроса. «Мудрые тамплиеры, доблестные госпитальеры... люди земли» убеждали Ричарда, что, если крестоносцы немедленно станут осаждать Иерусалим, они сами себе устроят западню. Их интересы часто основывались на коммерческих расчетах, в которых устремлениям паломников места не было. Но разве мог Ричард — при любом раскладе — игнорировать советы тех, кто постоянно жил в Палестине, кто так долго ее охранял, кто так хорошо ее знал? Да и потом: надо признать, что, скорее всего, они были правы.

Сарацины, в чьих руках было большинство горных крепостей, вне всякого сомнения, заняли бы тогда пути между морем и горами и отрезали крестоносцев от гаваней, а значит, от всякой возможности снабжения припасами и пополнения людьми. Саладин в свое время знал, что делал, когда, в принципе уступая Иерусалимское королевство, сохранил за собой самые важные его крепости и гавани. А кроме того, «если бы даже город был взят, — замечает Амбруаз, — это было бы гибельным делом: он не мог бы быть тотчас заселен людьми, которые в нем бы оказались. Потому что крестоносцы, сколько их ни было, как только осуществили бы свое паломничество, вернулись бы в свою страну, всякий к себе домой. А раз войско рассеялось, земля потеряна».

В этом заключалась главная проблема. Психология крестоносцев была более всего психологией паломников. Важно было «узреть», «насладиться святыней», «унести памятку». Энтузиазм войска сразу угасал, когда ему говорилось, что завоевание Святого города предполагает долгую борьбу.

Нам представляется, во втором походе Ричарда на Иерусалим следует видеть что-то вроде покаянного подвига за мысль покинуть Палестину ради Англии; можно также назвать это самолюбивой выходкой, которой Ричард хотел удовлетворить томление паломников и зажать рты хулителям. Очевидно, что во второй раз, когда Ричарда уже покинул герцог Бургундский, было еще меньше шансов на успех, но азартный английский король не побоялся поставить на кон

свой престиж. Когда же случилось вторичное отступление и вслед за тем наступление Саладина, он, хотя и совершил еще несколько геройств, ощутил ужасающую усталость, духовную и физическую. Тогда и был заключен с Саладином позорный, как считается, мир.

«Король был в Яффе, беспокойный и больной... Он позвал к себе графа Генриха, сына своей сестры, тамплиеров и госпитальеров, рассказал им о страданиях, которые испытывал, и убеждал их, чтобы одни отправились охранять Аскалон, другие остались стеречь Яффу и дали бы ему возможность уехать в Акру полечиться. Он не мог, говорил он, действовать иначе. Но что мне сказать вам? Все отказали ему и ответили кратко и ясно, что они ни в каком случае не станут охранять крепостей без него. И затем ушли, не говоря ни слова... И вот король в великом гневе. Когда он увидел, что весь свет, все люди, нечестные и неверные, его покидают, он был смущен, сбит с толку и потерян. Сеньоры! Не удивляйтесь же, что он сделал лучшее, что мог в ту минуту. Кто ищет чести и избегает стыда, выбирает меньшее из зол. Он предпочел просить о перемирии, нежели покинуть землю в великой опасности, ибо другие уже покидали ее и открыто садились на корабли. И поручил он Сафадину, брату Саладинову, который очень любил его за его доблесть, устроить ему поскорее возможно лучшее перемирие... И было написано перемирие и принесено королю, который был один, без помощи, в двух милях от врагов. Он принял его, ибо не мог поступить иначе... А кто иначе расскажет историю, тот солжет...

Но король не мог смолчать о том, что было у него на сердце. И велел он сказать Саладину (это слышали многие сарацины), что перемирие заключается им на три года: один ему нужен, чтобы вернуться к себе, другой — чтобы собрать людей, третий — чтобы вновь явиться в Святую землю и завоевать ее». И Саладин ответил королю, что он высоко ценит его мужество, великое сердце и доблесть и что если суждено его земле быть кем-то завоеванной при его жизни, то пусть это будет Ричард. «Король искренне думал сделать то, что он говорил: вернуть Гроб Господень...» Таким образом, отъезд и заключенное перемирие должны были стать только перерывом в войне за Святую землю. Это объясняет не поня-

тый Куглером смысл трехлетнего срока для паломничества в Иерусалим.

Если на фоне разбежавшейся после гибели Фридриха Барбароссы немецкой армии и пассивности большинства воинов Филиппа мы оценим результаты деятельности Ричарда, то сможем с уверенностью сказать, что пребывание и подвиги его в Сирии не были бесплодными: он снабдил ее базой снабжения на Кипре, он отвоевал для крестоносцев Акру, Яффу, Торон и соединяющую их полосу.

Еще раз скажем: дело Ричарда в гораздо большей степени, чем его недостатками и промахами, подтачивалось неразрешимыми противоречиями внутри крестоносного движения. Уже после Первого крестового похода Готфрид Бульонский напутствовал уезжавших крестоносцев просьбой «не забыть о Святой земле, о нас, остающихся в изгнании». Слово «изгнание», звучавшее так странно в применении к положению иерусалимского короля, тем не менее выражало печальную реальность: слишком ненадежно было положение Иерусалима. В Святую землю всегда шло много паломников и воинов, но «томление сердца» их очень быстро удовлетворялось обходом святынь. Ни любознательные странники, ни мистические мечтатели не задерживались в Иерусалиме. Еще менее склонны были делать это торговые люди, которые завязывали длительные связи и искали оседлости в более живой и цветущей прибрежной полосе. Туда они, естественно, пытались направить меч Ричарда и были по-своему правы: без прочной власти здесь власть над Иерусалимом была бы эфемерна.

Никто не знает, что было бы, останься Ричард в Палестине. Вполне вероятно, что он развернул бы здесь собственную политику. Но можно ли всерьез обвинять его в отъезде и требовать, чтобы в условиях заговора, поднимавшегося против него дома, он продолжил борьбу с Саладином, рискуя при этом потерять английский трон? Теряя его, он все равно косвенно проигрывал свое дело также и в Палестине.

Есть мнение, что, будь у Ричарда лучше характер, он смог бы договориться с Филиппом II. Тогда французский король, может быть, не уехал бы из Палестины в августе 1192 года и не стал бы интриговать против него в Европе. Однако

не стоит думать, что Саладин, как будто готовый уступить Конраду Монферратскому некоторые города на побережье, уступил бы ему — при отсутствии «вредного» вмешательства Ричарда — Иерусалимское королевство. Саладин в принципе находился в более удобном положении, нежели латинские короли, чтобы создать здесь прочную власть, и достаточно силен, чтобы рано или поздно покончить с латинской экспансией. Дело любого завоевателя с далекого Запада, будь то Филипп, Фридрих или Ричард, было обреченным делом независимо от хорошего или худого его характера. Скорее можно ставить вопрос, не было ли ошибкой растрачивать огромные силы на крестовые походы. В этой великолепной расточительности Ричард отчасти символ всей крестоносной эпопеи. Мы говорим «отчасти» потому, что он не выразил ее идеального лица.

Тот же Амбруаз при всей любви к нему не может вылепить из него настоящего «божия паладина». Хроникер говорит о том, какое расстояние отделяет Ричарда от Готфрида Бульонского, как и вообще нравы, тон и одушевление третьего похода, по его мнению, далеки от того, что было в первом. «Сеньоры! Не удивляйтесь, если Бог пожелал, чтобы труды наших паломников оказались тщетны. Разве не видели мы в самом деле многократно, как по вечерам после долгого похода, когда войско располагалось лагерем, французы отделялись от других, раскидывали свои палатки в стороне. Так войско раскалывалось, и невозможно было, говоря правду, привести его к соглашению. Один говорил: “Ты вот то!”, а другой отвечал: “А ты вот что!” — и все это очень вредило делу. Гуго, герцог Бургундский по великой своей худости и великой наглости велел сочинить песню на короля; и песня была пакостная и полная ругательств, и распространилась она в войске. Можно ли обвинять короля, что он, в свою очередь, высмеял в песне тех, которые нападали на него и ругались над ним? Да... о таких надутых людях никогда не будет спета добрая песня, и Бог не благословит их, как Он сделал то в другом походе, историю которого рассказывают доныне, когда осаждена и взята была Антиохия Боэмундом и Танкредом (вот это были безупречные паломники!), Готфридом Бульонским и другими славными князьями. Они

хорошо служили Богу. Он справедливо наградил их службу, и их подвиг был славен и плодovit...»

Откровенно говоря, Боэмунд и Танкред вели себя под Антиохией и у Эдессы нисколько не лучше, чем Ричард и Филипп под Акрой. Но время покрыло такую сияющей зарей «историю другого похода», что все его тени скрылись для Амбруаза. Счастьем этого «другого похода» было прежде всего то, что в момент, когда он двинулся на восток, разложилась арабская держава и не утвердилась прочно турецкая власть, что враждовали Египет и Сирия, что не было еще во главе турецких сил гения Саладина, что против крестоносных вождей не интриговали дома; его счастьем было существование в латинском войске Готфрида Бульонского и крепкого ядра «честных крестоносцев», о которых мы гораздо меньше слышим в третьем. Залогом его успеха было и то, что западные завоеватели охватывали мыслью Сирию как одно целое и к ее завоеванию в целом приложили руки как сухопутные войска севера Европы, так и флоты итальянских городов.

К третьему походу Сирия распалась, в их представлении, на отдельные, более или менее притягательные части, и Иерусалим далеко не в такой мере привлекал большинство. У каждой из осевших здесь групп христиан были свои интересы, которые в конце концов могли найти удовлетворение в сговоре не только с каким-то отдельным латинским правителем, но и с самим Саладином, человеком очень культурным и поощрявшим латинскую мирную колонизацию. В этом всем крылись силы, разлагающие Третий крестовый поход; к тому же замки, возведенные некогда латинскими рыцарями и отдававшие в их руки Ливанский хребет, ныне в большинстве были в руках турок и обратились против крестоносцев. Все это делало ненадежным попытку всякого завоевания, но открывало перспективы к договоренностям между христианами и мусульманами. По этому пути пошел Конрад Монферратский и впоследствии Фридрих II (шестой поход).

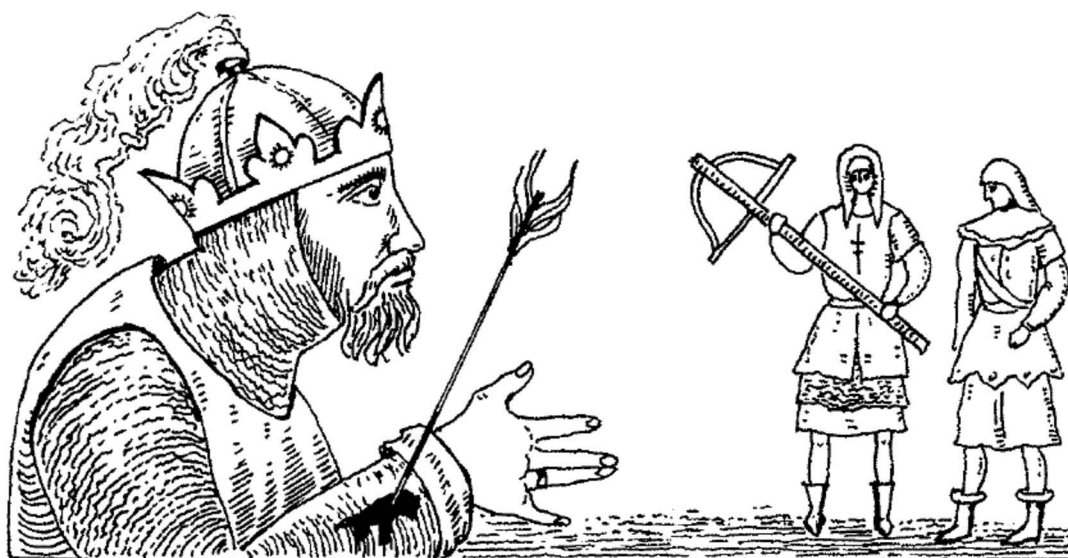
Возникала в крестоносной Европе, как мы знаем, и другая идея: разбить турецкую силу в ее основной базе — «Вавилонии» (так называли Египет). По этому пути пошли пятый и особенно седьмой и восьмой несчастные походы Людо-

вика IX. Четвертый поход, как известно, вовсе не добрался до «божьих врагов» — сарацин, но занялся «схизматиками-греками». Таким образом, третий поход и его столь много воспетый и столь много осужденный герой Ричард Львиное Сердце остаются последними на пути движения в Сирию.

«Когда король уезжал, — так описывает Амбруаз прощальную сцену на сирийском берегу, — многие провожали его со слезами нежности, молились за него, вспоминая его мужество, его доблесть и великодушие. Они говорили: “Сирия остается беспомощной”. Король все еще больной, простился с ними, вошел в море и открыл паруса ветру. Он плыл всю ночь при звездах. Утром, когда занялась заря, он обернулся лицом к Сирии и сказал: “О Сирия! Вручаю тебя Богу. Если бы дал Он мне силы и время, чтобы тебе помочь!”».

Глава VI

Личная трагедия Ричарда Львиное Сердце

Ричард понимал, что конец сирийской эпопеи не обеспечит ему триумфа на Западе. Перед лицом раненого льва не было в Европе такой лисицы, которая ни собиралась бы его лягнуть. Он знал, что император Генрих VI не простит ему дружеских отношений и близкого родства с соперником Гогенштауфенов — Генрихом Львом³⁰, что он ставит ему в вину признание прав Танкреда на сицилийскую корону — император считал эти права своими; что Леопольд Австрийский обижен на него со времен Акры; что Раймунд Тулузский готовит ему враждебную встречу в Марселе. Он знал не только о том, что Иоанн борется против его власти в Англии, а Филипп произвел вторжение в его французские владения, но и о том, что французский король клеветал на него, как мог, возводя на него настоящие и мнимые вины — вроде того, что Ричард подослал убийц к герцогу Монферратскому и отравил самого Филиппа, «отчего он оплешивел». Еще худшие рассказы вроде обвинения Ричарда в предательстве Святой земли распространял, разъезжая по Германии, Филипп де Дрё, епископ Бовезский.

В общем, берега Западной Европы должны были оказаться негостеприимными для Ричарда. Зная это, он составил сложный план возвращения. В течение некоторого времени он без особого смысла бороздил море в разных направлениях, не решаясь как будто четко фиксировать свой путь. Затем он взял курс на восточный берег Адриатики, и здесь корабль потерпел крушение. Весть об этом быстро достигла тех, кто не был заинтересован в том, чтобы Ричард вернулся в европейскую политику, и его ждали. Ричард же надеялся инкогнито через земли австрийского герцога пробраться во владения Генриха Льва и с его поддержкой высадиться в Англии. Но несмотря на принятые меры — «он отпустил густую бороду и длинные волосы, приспособил одежду и все прочее на манер людей страны», — его узнали.

«На самом быстром коне в сопровождении только одного спутника спешил он по пути к Вене и, прибыв к ней ночью, нашел убежище в небольшой деревне. Когда спутник его отправился закупать съестные припасы, король, утомленный долгой дорогой, лег на постель и уснул. А спутник, пытавшийся разменять деньги, был узан одним слугой герцога, схвачен и отведен к герцогу». Под пыткой он вынужден был открыть местопребывание Ричарда, и короля застали спящим. Неизменный в соблюдении своего достоинства, Ричард настоял на том, что отдаст свой меч только в руки герцога. 21 декабря он был заточен в замке на высоком берегу Дуная. «В том году многие паломники, ушедшие с королем из Сирии, вернулись к праздникам Рождества в Англию, надеясь найти там короля. И когда их спрашивали о нем, они отвечали: не знаем. Его корабль видели в последний раз в Бриндизи, в Апулии».

«Знаю, что порадуешь тебя, — пишет Генрих VI Филиппу II, — враг нашей империи и смутитель твоего царства, возвращаясь домой, по Божью изволению потерпел крушение... Ныне возлюбленный сын наш Леопольд... держит его в плену». Впрочем, Генрих VI вскоре для большей надежности потребовал доставить пленника к себе. Предлогом послужило то, что, как он выразился, «невместно королю быть в плену у герцога», и Ричард был перевезен под охрану германского императора в Оксенфурт.

«Ценнее золота и серебра» была для Филиппа пришедшая из Австрии весть. Получив известие об аресте Ричарда, он двинул войска в Нормандию и занял замки Жизор, Иври, Паси. С Иоанном Безземельным было подписано соглашение, согласно которому Турень и часть Нормандии на правом берегу Сены должны были достаться французской короне; в случае своего восшествия на престол Иоанн обязывался принести Филиппу ленную присягу за Англию.

О плене, который вызвал множество слухов и легенд, сам Ричард в письме к матери выразился, что его держат в нем «честно». При изучении передаваемой традицией Ричардовой эпопеи исчезает без остатка красивое сказание, явившееся впервые в «Реймской хронике» XIII века. В нем говорится, будто местопребывание короля долго оставалось неизвестным и друзья и слуги тщетно искали его. Тюрьму его будто бы открыл трувер Блондель, запевший под окном башни песню, которая была им сложена когда-то вместе с Ричардом. И когда, допев первый куплет, он услышал, как с вершины башни кто-то отвечает ему вторым, он узнал пленника, стоявшего у окна. Но так как подлинный Блондель не рассказывал ничего подобного и вообще до XIII века этот эпизод был неизвестен, то его, очевидно, следует отнести к более поздним сочинениям.

На самом деле первые посланцы из Англии встретили Ричарда у Оксенфурта, когда его везли на сейм в Шпейер, и с этого момента начались переговоры о его освобождении. Сцена, которая разыгралась в Шпейере, имела результатом то, что сердца многих имперских князей склонились в пользу пленника. С большим достоинством и искренностью Ричард отбросил голословные и объяснил серьезные обвинения, которыми, ораторствуя с высоты своего трона, осыпал его Генрих VI. Прежде всего в вину ему вменялись убийство Конрада, козни против жизни Филиппа, унижение Леопольда, поддержка Танкреда и изгнание Комнина. «Увлеченный страстью, я мог грешить, но совесть моя не запятнана никаким преступлением», — Ричард говорил с такой силой, что Генрих нашел уместным закончить эту сцену объятиями и провозглашением дружбы. Однако до решения вопроса о выкупе и некоторых уступках, которые

он собирался выторговать у Ричарда, он отправил короля в замок Трифельс в Пфальцском лесу. «Из него никто не вышел живым», — говорила об этом замке молва. Это была одна из самых неприступных твердынь Гогенштауфенов, построенная на покрытой лесом скале, которая тремя уступами восходит над глубокой речной долиной. Всю вершину скалы занимали крепостные постройки, а над ними возвышалась, упираясь в небо, центральная башня, хранившая сокровища империи. Сюда и заключили английского короля.

В Трифельсе Ричарду дана была известная свобода передвижения. Под охраной пятидесяти всадников он мог покидать заточение и охотиться в местных лесах. Но в общем, ему не делали ничего плохого. «Кто может обидеть пленника или мертвеца?» — спрашивает сам Ричард в элегии, написанной в тюрьме. Но можно представить, как чувствовал себя под охраной самый беспокойный рыцарь Европы! На короткий, правда, срок ему довелось узнать и унижение оков, когда самый хлопотливый из его заочных надзирателей, епископ Бове, посетивший в конце 1193 года Генриха VI, сумел в краткой, но убедительной беседе настроить его против узника. Ричард «узнал на следующее же утро на собственном теле о прибытии епископа и о его ночных беседах с императором, ибо его нагрузили железом больше, чем мог бы снести конь или осел».

Письма Ричарда к матери, которыми он торопит свое освобождение, свидетельствуют о состоянии ужасного томления, в каком он жил. «Мы остаемся у императора, пока не выплатим ему 70 тысяч серебряных марок³¹... Берите (для этого выкупа. — *О.Д.*) у церковных прелатов золото и серебро. Подтверждайте клятвенно, что мы все восстановим. Принимайте заложниками детей наших баронов. Как бы не затянулось наше освобождение по вашей медлительности».

По мере того как происходящее доходит до сознания друзей Ричарда, отклики на этот призыв множатся. Первыми подняли голос поэты, вызывая прилив симпатий к узнику и раздражение против его тюремщиков.

Домой без опасения Ричард ехал, —

пишет знаменитый провансальский трубадур Пьер Видааль, но

...император, думая нажиться
На выкупе, им овладел коварно.
Проклятье, Цезарь, памяти твоей!

Перья и голоса самых славных лириков Англии и Франции действуют единодушно в интересах Ричарда. Затем и собственная песня английского короля вступает в этот хор:

Напрасно помощи ищу, темницей скрытый,
Друзьями я богат, но их рука закрыта,
И без ответа жалобу свою
Пою...
Как сон, проходят дни. Уходят в вечность годы...
Но разве некогда, во дни былой свободы,
Повсюду, где к войне лишь кликнуть клич могу,
В Анжу, Нормандии, на готском берегу,
Могли ли вы найти смиренного вассала,
Кому б моя рука в защите отказала?
А я покинут!.. В мрачной тесноте тюрьмы
Я видел, как прошли две грустные зимы,
Моля о помощи друзей, темницей скрытый...
Друзьями я богат, но их рука закрыта,
И без ответа жалобу свою
Пою!..*

Конечно, эти жалобы на равнодушие мира были только элегическим преувеличением. Друзья Ричарда действовали изо всех сил. Старая Алиенора имела свой план. Он заключался в том, чтобы, содействуя сближению Англии с империей, противопоставить их союз главному врагу — Филиппу. С этой целью она всячески склоняла Ричарда к тому акту, которого особенно хотел Генрих VI в своем имперском честолюбии, — признанию Англии членом империи и принесению за нее вассальной присяги Генриху. Этот вассалитет по отношению к римскому, «всемирному» императору как бы сам собой ослаблял вассальные узы, привязывавшие Ричарда к Филиппу, и был неунизительным по форме и необременительным по существу условием освобождения.

* Мы передаем эту знаменитую элегию лишь с некоторыми в смысле порядка выражений и мыслей отступлениями от буквального перевода. — *Прим. автора.*

Правда, император хотел, чтобы вследствие этого вассалитета Ричард обязался принять участие в походе против своего родственника и друга Генриха Льва. Но здесь Ричард проявил обычную для себя — в вопросах личной чести — твердость и, «предпочтя унижение бесчестью», согласился на присягу и выкуп, но решительно отказывался от «службы». Алиенора собирала везде, где могла, деньги и отправляла ходатаев за сына. Весь северофранцузский епископат занимался делом Ричарда. Посольства из Англии не прекращались. Освобождения Ричарда требовала стоящая в оппозиции к Генриху группа имперских князей, среди которых особо важную роль играли епископы Кельнский и Майнцкий. Римский папа Целестин III, не сразу решился выступить с оценкой преступления, в котором нарушена была неприкосновенность крестоносца — и какого крестоносца! — но вот и он обратился наконец к церковным прелатам, приглашая их предать анафеме Генриха VI и Филиппа II, если Ричард не будет восстановлен в правах.

Об условиях освобождения Ричарда удалось договориться к июлю 1193 года. Они фиксировали выкуп за 150 тысяч серебряных марок, из которых первые сто тысяч следовало доставить «к границам империи» вместе с заложниками, которые должны были послужить гарантией того, что Ричард не нарушит своих обязательств. После должны были быть выполнены остальные условия, которыми были: добрый мир с Францией, освобождение Исаака Комнина и его дочери, а также вассальная присяга императору, от которого отныне как от сюзерена Ричард принимал свою державу.

Выезд Ричарда в Англию назначен был на январь 1194 года. Однако осложнения внутри империи замедлили его освобождение. Был убит епископ Льежа, с которым враждовал император, и это вызвало заговор ряда имперских князей, желавших втянуть в него и Ричарда — во всяком случае, они рассчитывали, что король поддержит их, когда окажется на свободе. Это, по-видимому, стало главной причиной новых колебаний императора. Кроме того, на Генриха воздействовали из Франции, о чем стало широко известно и что отразилось в большинстве хроник, в особенности дружественных Ричарду. Не искажая, очевидно, самого факта, но придавая

ему исключительное значение, хроники рассказывают, что в тот момент, когда все было улажено и поручители с обеих сторон приняли на себя ответственность за своевременное выполнение договора, явились послы от Филиппа и Иоанна. Генриху было предложено 50 тысяч марок от французского короля и 30 тысяч от Иоанна только за то, чтобы император не выпускал Ричарда хотя бы до Михайлова дня (конец сентября), или, если императору угодно, по тысяче фунтов³² серебра за каждый лишний месяц плена, или, наконец, 150 тысяч марок за год и такая же сумма за выдачу пленника Филиппу. После этого якобы «император поколебался и задумал отступить от договора из жадности к деньгам».

Письма Филиппа и Иоанна были показаны Ричарду. Опасаясь остаться в заключении, он обратился к немецким епископам и князьям, бывшим поручителями императора при договоре. «И смело вошли они к императору, и сильно негодовали на него за жадность, с какой он готов был так бесстыдно нарушить договор». После этого император решил все-таки отпустить пленника, и его поручители, приняв заложников и часть денег, передали Ричарда его матери Алиеноре. Англии и анжуйской Франции пришлось столь тяжело расплатиться за выкуп короля, как ранее она расплатилась за его поход.

Хотя, быть может, собранные деньги отчасти предназначались на новый поход... Во всяком случае, первой мыслью Ричарда после освобождения была мысль об Иерусалиме. «В сам день выхода на свободу он отправил гонца в Сирию к Анри Шампанскому и другим христианским князьям, возвещая им о совершившемся и обещая, что, как только Бог даст ему отомстить за обиды и утвердить мир, он явится в установленный ранее срок на помощь Святой земле». Но сроки плохо были рассчитаны Ричардом. Война между ним и Филиппом только начиналась.

«Берегитесь! — писал Филипп Иоанну Безземельному. — Дьявол выпущен на свободу!» Французский король понимал, что в долгой борьбе с владениями Плантагенетов наступал самый тяжелый период. Двадцать пять лет назад, когда отцу его удалось вовлечь всех детей Генриха в войну против старого Плантагенета, весы этой борьбы стали было склоняться

в пользу капетингской Франции. Затем по смерти первого сына Генриха II Филипп искусно интриговал против Генриха и Ричарда вместе с третьим сыном, Жоффруа Бретонским, а в конце 1180-х годов — на этот раз в союзе с Ричардом и Иоанном — он победоносно провел войну против их отца, загнав его в могилу. В будущем его ждала решительная победа при Бувине, где он лишил последнего принца из этой семьи Иоанна всякой опоры на материке и престижа в Англии. Но поскольку этого будущего в 1194 году он предвидеть не мог, то сейчас, с освобождением Ричарда, ему казалось, что все долгие усилия Капетингов могут пойти прахом перед ураганом яростной энергии и мстительности английского короля.

В начавшейся войне, которой суждено было продлиться пять лет (1194—1199), случались моменты, когда Филипп II Август чувствовал, как шатается под ним трон. Ведь, заручившись вассалитетом Ричарда, сам император Генрих стал его противником; еще хуже стало положение французского короля, когда Генрих в 1198 году умер и императором был избран его племянник Оттон Брауншвейгский. После этого, оценив шансы сторон, Филиппу изменил и перешел на сторону Ричарда Иоанн.

Кроме того, против Филиппа — и косвенно за Ричарда — поднялись восточные вассалы Капетингов, встревоженные его агрессивной политикой. В борьбу с Филиппом вступил претендент на фландрское наследство Балдуин IX, которого поддерживали правительства фландрских городов. Нормандия, за полвека привыкшая к власти Плантагенетов, не хотела впускать гарнизоны Филиппа в свои города.

Наконец, сам Ричард со свойственной ему находчивостью, предвосхищая на рубеже XIII века методы войны итальянского Ренессанса и пренебрегая феодальными ополчениями, организовывал целые наемные армии, во главе которых стояли искатели приключений Меркадье, Лувар, Алге, душой и телом преданные отважному и щедрому вождю. Ассоциации с походами викингов вызывают быстрые, как ураган, марши этих наемных дружин «из Аквитании в Бретань и из Бретани в Нормандию». Они опустошали на своем пути все, «не оставляя собаки, которая лаяла бы им вслед». Над вошедшим в известные рамки замиренным феодализмом XII века

они создавали как бы новый пласт подвижного военно-дружинного быта, овладевая замками прежних господ и располагая свои лагеря, где им вздумается. «Я, Меркадье, слуга Ричарда, славного короля Англии... служивший верно и отважно в его замках... всегда подчиняясь его воле и скорый в выполнении его повелений, я стал дорог этому великому королю и им поставлен во главе его армии», — говорил, пожалуй, самый знаменитый из наемников Ричарда.

Напрасно Филипп пытался, подражая своему страшному сопернику, противопоставить его наемным шайкам свои. Военные авантюры не были его ремеслом. Ему приходилось всюду отступать перед Ричардом. В битве при Фретевале он потерял свои архивы и свою казну. После битвы между Курселем и Жизором он бежал, преследуемый Ричардом, «точно голодным львом, почуявшим добычу», и едва не был взят в плен. У самых ворот Жизора, где он искал спасения, с высоты подломившегося под тяжестью беглецов моста французский король упал в волны реки Эпта «и напился его воды», а два десятка рыцарей, бывших с ним, нашли на дне могилу. В конце 1198 года «Ричард так его прижал, что он не знал, куда повернуться: он вечно находил его перед собою».

Тогда Филипп обращается к посредничеству папы. По его просьбе легат Иннокентия III Петр Капуанский съезжается с Ричардом в январе 1199 года, чтобы поговорить о «прочном мире». Но на какой базе возможен был мир? Ричард требовал восстановления всего, что захватил Филипп во время его пребывания в Сирии и в плену: «Не будет он владеть моими землями, пока я держусь на коне. Можете ему это сказать!» Но кардинал добиться этого не обещает. «Можно ли заставить человека вернуть все, что удалось ему захватить?.. Вспомните, какой грех совершаете вы этой войной. В ней гибель Святой земли... Ей грозит уже конечный захват и опустошение, а христианству конец». Король склонил голову и сказал: «Если бы оставили в покое мою державу, мне не нужно было бы возвращаться сюда. Вся земля Сирии была бы очищена от язычников...» Быть может, напоминание о Сирии было главным мотивом, заставившим в конце концов Ричарда согласиться на мир — точнее, на пятилетнее перемирие.

Но попытка выторговать у Ричарда взятого в плен епископа Бове привела к гневной вспышке его холерического темперамента: «Он взят был не как епископ, но как вооруженный рыцарь, с опущенным шлемом. Стало быть, за этим явились вы сюда? Не будь у вас другого поручения, сам римский двор не оберег бы вас от оплеухи, которую вы могли бы показать папе на память обо мне... Кажется, папа смеется надо мною?.. Он не пришел ко мне на помощь, когда, находясь на службе у Господа, я был взят в плен; а вот теперь он заступаетея передо мною за разбойника, тирана, поджигателя... Бегите вон отсюда, предатель, лжец, плут, симоньяк!³³ Устройтесь так, чтобы не попадаться мне на дороге». Такими словами напутствовал Ричард папского парламентаря.

Условия перемирия были крайне тяжелы для Филиппа. Кроме очень немногих замков Оверни и Нормандии, все владения Плантагенетов должны были быть восстановлены. Филипп обязывался вступить в союзничество с Оттоном и женить сына на племяннице Ричарда Бланке Кастильской. Кольцо владений Плантагенетов вновь плотно смыкалось, сцепляясь с дружественными им политическими союзами, вокруг владений французского короля.

Рассчитывал ли действительно Ричард, что этот мир будет прочным, что он даст ему возможность собрать силы для нового предприятия на Востоке? Трудно ответить на вопрос, какими планами занята была его голова в тот короткий промежуток в несколько недель, которые отделили заключение этого мира от случайности, внезапно прервавшей пеструю игру жизни английского короля.

Мы знаем, что Ричард отправился в Аквитанию, чтобы усмирить непокорного лиможского виконта Адемара V. Геральд Камбрезийский говорит, в чем заключалась вина этого виконта: Ричард подозревал его в утайке половины большого клада, найденного при вскапывании поля, и хотел, по праву верховного лорда, заставить его выдать присвоенное. Недружелюбные Ричарду писатели готовы объяснить эту странную экспедицию, предпринятую немедленно после заключения мира в тяжелой и напрягающей войне, мотивами столь характерной для него, по их мнению, «жадности». Но если мы вспомним, что все предшествующие известные нам про-

явления «жадности Ричарда» были подготовкой к каким-то новым большим усилиям, то мы можем предположить, что такая причина побудила Ричарда отправиться за лиможским золотом. Правда, со времени беседы его с Петром Капуанским, которая так сильно уколола его напоминанием о Сирии, мы не имеем никаких указаний на то, что он возвращался к мысли о походе.

Но мы не можем не считать случайным это умолчание, ища здравого объяснения его экспедиции в Аквитанию. Если мы правы в наших предположениях, Ричард вновь рассчитывал на свои владения Анжу и Пуатье как на доноров будущей войны на Востоке и собирал средства на дорогу за моря. Ему было сорок два года, когда он заключил мир с Филиппом, «отомстив обиды своим врагам». Политические комбинации на Западе были для него гораздо более благоприятны, нежели накануне первого похода. Они были также гораздо более благоприятны в Сирии, потому что с 1193 года не было в живых Саладина и его наследство оспаривалось в борьбе между делившими его братьями и семнадцатью сыновьями. Крестовый поход 1197–1198 годов, подготовляемый Генрихом VI Гогенштауфеном и предпринятый немецкими князьями после его смерти, как бы само собой сошел на нет. Ввиду всего этого представляется довольно правдоподобным, что Ричард готовился именно к походу на Восток, дабы завершить дело, оборванное им почти у самых ворот Иерусалима.

Но в Аквитании, наследственной, «материнской» земле, — в соответствии с трагической иронией всей его жизни — Ричарда стерегла та случайность, которая столько раз нависала над ним и которой он так «чудесно» избежал «в безводных пустынях Сирии и в безднах грозного моря».

«Пришел король Англии с многочисленным войском и осадил замок Шалю, в котором, так он думал, было скрыто сокровище... Когда он вместе с Меркадье обходил стены, отыскивая, откуда удобнее произвести нападение, рыцарь по имени Бертран де Гудрун³⁴ пустил из замка стрелу и, пронзив королю руку, ранил его неизлечимой раной. Король, не медля ни минуты, вскочил на коня и, поскакав в свое жилище, велел Меркадье и всему войску атаковать замок, пока им не овладеют...

А когда замок был взят, велел король повесить всех защитников, кроме того, кто его ранил. Ему, очевидно, он готовил позорнейшую смерть, если бы выздоровел. Ричард вверил себя рукам врача, служившего у Меркадье, но при первой попытке извлечь железо тот вытащил только деревянную стрелу, а острие осталось в теле; оно вышло только при случайном ударе по руке короля. Однако король плохо верил в выздоровление, а потому счел нужным объявить свое завещание».

Английский трон, все земли, замки, три четверти принадлежащих ему драгоценностей и верность своих вассалов он завещал брату Иоанну (многократно его предававшему); остальную часть драгоценностей велел раздать слугам и бедным. В эти последние минуты им овладел столь для него характерный порыв великодушия. «Он велел привести к себе Бертрана, который его ранил, и сказал ему: “Какое зло сделал я тебе, что ты меня убил?” Тот ответил: “Ты умертвил своей рукой моего отца и двух братьев, а теперь хотел убить меня. Мсти мне, как хочешь. Я охотно перенесу все мучения, какие только ты придумаешь, раз умираешь ты, принесший миру столько зла”. Тогда король велел отпустить его, говоря: “Смерть мою тебе прощаю...” Но юноша*,

Ставши у ног короля, затаил выражение угрозы;

Смертной просил для себя стали с надменным лицом.

Понял король, что желает тот кары, прощенья страшится.

“Жизнь, — он промолвил, — принять ты от нашего дара не хочешь?

Будь же — в память мою — в бою побежденным”.

И, развязав оковы, пустил его... Король велел дать ему сто солидов английской монеты... Но Меркадье без его ведома снова схватил Бертрана, задержал и по смерти Ричарда повесил, содрав с него кожу...

А умирающий король распорядился, чтобы мозг, кровь и внутренности его были похоронены в Шарру, сердце — в Руане, тело же — в Фонтевро, у ног отца...

* Далее цитируемый хроникер Роджер Ховденский продолжает словами какого-то не названного им латинского поэта. — *Прим. автора.*

Так умер он в восьмой день апрельских ид, во вторник, перед Вербным воскресеньем. И похоронили его останки там, где он завещал».

Обстоятельный биограф Ричарда Роджер Ховденский, установивший с большой точностью в своей «хронике» этапы его жизненного пути, собрал более полдюжины эпиграфий, появившихся после его смерти. В текст биографии короля он занес с одинаковой добросовестностью как похвальные слова, так и злобные памфлеты.

Один, записывает Роджер, так сказал о его кончине: «Муравей загубил льва. О горе! Мир умирает в его погребении».

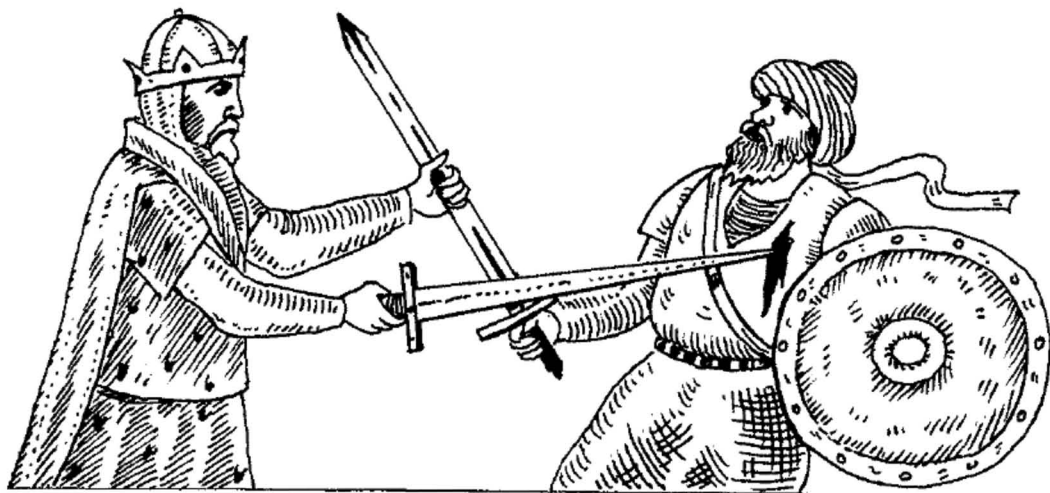
Другой — так: «Жадность, преступление, безмерное распутство, гнусная алчность, неукротимая надменность, слепая похотливость дважды пять лет процарствовали [в его лице]. Их низверг ловкий арбалетчик искусством, рукой, стрелой».

Третий:

Его доблесть не могли утомить бесчисленные подвиги;
Его пути не могли замедлить препятствия:
Перед ним бессильны были шум гневного моря,
Пропасти низин, крутизны высоких гор...
Каменная суровость скалистых утесов.
Его не сломила ни ярость ветров, ни пьяная дождем туча,
Ни туманный воздух, ни грозный ужас громов...

Глава VII

Ричард в истории и песне

Судьба постоянно ставила Ричарда Львиное Сердце в центр событий, под светом которых его личность сверкала всем богатством граней. Отблески славы сопровождали его на всем жизненном пути. Со временем, уже близкими к нему поколениями, его дурные свойства и дела были большею частью прощены и забыты. Этому помогло, конечно, и то, что люди, которые особенно сильно пострадали от действий Ричарда, поневоле молчали. Ничего не могли сказать уже сотни солдат и матросов, которых он вешал в Мессине и топил по пути к ней, тысячи пленных турок, которых он обезглавил у Акры, крестьяне, чьи жизни унесли подобные разрушительному смерчу нанятые им банды... Правда, оставались еще голоса аквитанских дворян, от поместий которых не осталось камня на камне, и лондонских буржуа, разоренных его финансовой политикой, и многих других самых разных людей, которым Ричард вольно или невольно сделал зло. Уже процитированная эпитафия, которая приписывает Ричарду «жадность, преступление, безмерное распутство,

гнусную алчность, неукротимую надменность, слепую похотливость», принадлежит обычной монахине.

Таким образом, обиженные Ричардом пытались перекрычать общий славословящий хор и сурово судить английского короля. Однако не они определили его посмертную репутацию. Их заглушили эпические трубы хроникеров и песни трубадуров — особенно последних, сохранивших о нем память, полную восторженного изумления. Магического имени Иерусалима и сияния Святой земли было достаточно, чтобы создать романтический ореол вокруг доблестного паладина, каков бы ни был практический результат его деятельности в Палестине и каковы бы ни были его счета с самыми разными кругами общества на родине. Произошло это, несомненно, отчасти и оттого, что социальное и политическое сознание людей было смутно и за отсутствием собственной исторической памяти они пользовались чужой.

Во всяком случае, большинство хулителей Ричарда, которых Геральд Камбрезийский называет «лающими собаками», вербовались не столько из людей, несправедливо им обиженных, сколько из числа его завистников, которым колола глаза его слава, кого раздражала его щедрость и задевала его надменная повадка. Следует, однако, заметить, что в официальном капетингском лагере Ричард имел далеко не сплошь плохую литературу. Крестоносная хроника, где бы она ни создавалась — в Руане, Камбре, Труа или самом Париже, — эта хроника, имевшая собственные традиции и идеалы, нередко способная подняться выше влияний того или иного придворного круга, гордилась могучим рыцарем, после десятилетий бесславия и бездействия вновь заставившим Запад и Восток говорить о силе латинского меча.

Однако же насколько эта доминирующая фигура Третьего крестового похода вмещает в себя определившиеся в идеале крестоносной литературы черты «атлета Христова», «воинственного подвижника Господа ради»? Эти черты плохо гармонируют с образом Ричарда у тех хроникеров, которые так много пишут о темных сторонах его жизни: безрассудной жестокости, высокомерии, разврате, циничных выходках, злых шутках, кощунствах. Они зачастую говорят о нем прямо враждебно, утверждая, что в семье, в которой он рос, вряд

ли следовало ждать Готфрида Бульонского третьего похода. Генрих II, всю жизнь сражавшийся с церковью и ее слугами, усвоивший себе в отношении их соответствующий резкий и насмешливый стиль, научил кое-чему в этом смысле и сына. Для Ричарда также не могли пройти даром его постоянные связи с Провансом, где ученые-натуралисты и медики, еретики и трубадуры, отразившие в своей поэзии жизнерадостную чувственность юга, были в бóльшей чести, нежели правоверные богословы и религиозные поэты.

Уже в Первом крестовом походе Раймунд Тулузский и его друзья изумляли спутников своим религиозным вольномыслием и трезвым практицизмом. Эти черты часто поражали и в Ричарде. Геральд Камбрезийский, не называя прямо имени Ричарда, дает понять, что именно его он имеет в виду, когда после похвал приличной и благообразной поведке французских королей рассказывает, как ругаются и богохульствуют другие государи: «В своей речи они непрерывно прибегают к ужасным заклетиям, клянутся Божьей смертью, Божьими глазами, ногами, руками, зубами, Божьей глоткой и зобом Божьим». Это еще не дает основания видеть в сыне Генриха II и Алиеноры *esprit fort** XII века. Он не есть *esprit fort* уже потому, что мысль — не его «специальность», он прежде всего человек действия. Хотя Ричард в Аквитании, когда это ему нужно, грабил ризницы, разбивал и переплавлял предметы церковной утвари, особенно если они были пожертвованы его отцом, все же он из духа противоречия к этому нечестивому отцу пытался быть благочестивым. Одушевление, наполняющее его, когда он принимает крест, несомненно, переживается им как религиозное одушевление. Но Геральд Камбрезийский, восхваляющий его за это, отмечает с сожалением, что у него нет ни капли смирения и что он был бы всем хорош, если бы больше полагался на Бога и меньше верил в свои силы, если бы свои замечательные подвиги посвящал Господу, чистой душой обуздав стремительность своих желаний и свою надменность.

Это, конечно, только оттенки, но оттенки очень характерные для Ричарда, следствие его обращения в кругу очень

* Вольнодумец (*фр.*).

разномыслящих людей, проявление свободных привычек его души. Ричард борется с «божьими врагами» на Востоке, но он не только позволяет себе уважать Саладина, любить его брата Сафадина и общаться с ним, обмениваться дарами и угощениями. Он с легкостью предлагает султану столь поразивший воображение людей Запада проект — выдать сестру свою Иоанну за Сафадина и предоставить им царствовать в Иерусалиме, сняв, таким образом, спор между исламом и христианством...

Можно сказать, во всяком случае, что над душой Ричарда сила традиции имела меньшую власть, нежели этого можно было бы ждать от человека его времени. Безграничная свобода размаха, постоянный мятеж свойственны его причудливой натуре, его несут крылья могучей воли, и в их шорохе почти непрерывно слышим мы ликующие звуки гимна:

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,
По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган...³⁵

Таким Ричарда изобразили и враги, и друзья.

На первом плане в портретах Ричарда почти всегда выступают деятельная энергия, мужество, настойчивость, находчивость, талант организатора, великодушие, щедрость. Геральд говорит о нем так: «Чрезвычайная бодрость и отвага, огромная щедрость и гостеприимство, великая твердость». По-своему Ричард был очень «трудолюбивым», деятельным, он непрерывно боролся то против интриг отца, то против братьев, то распутывал козни своего парижского друга и сюзерена, то подавлял недовольных вассалов. Он собственными руками таскал камни для укреплений в Сирии, сам держал ночную стражу у Акры, собственным мечом зарубил десятки сарацин, терпел лично все бедствия и опасности наравне с рядовыми воинами на море и в пустыне, в холод и зной.

Надо сказать вообще, что всюду, где бы мы ни встречались с далеко раскидавшимися по свету выходцами из нормандских династий, мы не найдем среди них «ленивых коро-

лей». Что бы они ни делали — пиратствовали или строили храмы, — во всем заметна страшная энергия, через край бьющая, кипучая сила жизни. В них отразился самый деятельный период Средневековья, а Ричарду суждено было собрать в своей натуре некоторые наиболее сильные его черты. «Бодрый король» — так любит называть его Амбруаз, а также: «доблестный» и «бесподобный». «Нет во всем мире такого воина», и не удивительно, что, «как овцы перед волком, разбегаются перед Ричардом его враги». Ричард в зеркале Амбруаза, конечно, не вполне реален, но его образ полон жизни и «односторонней» правды, как полна их вся написанная этим автором «История священной войны». Да, она весьма своеобразно отражает действительную историю, но надо помнить, что перед нами поэтическая правда о герое, то есть лучшее, что было или могло быть в нем.

Я думаю, что во всей литературе Средних веков нет поэтического произведения, которое чаще заставляло бы вспоминать о величественно-простой, четкой живописи гомеровских поэм, чем эта «Илиада» XII века. Более чем в 12 тысячах стихов «Истории священной войны» — ее точнее бы назвать «Песней о Ричарде» — нет ни одной строчки, которую читатель предпочел бы отбросить как скучную, мертвую или лишнюю, которая или двигает действие, или дает характеристику. Не нужно никаких специальных исследований, чтобы убедиться, что если как целое (очень стройное и пропорциональное целое) поэма была сконструирована и обработана впоследствии, на досуге, то творилась, писалась она по пути: на корабле Ричарда, при свете его факелов, в промежутках между штурмами стен и переходами в пустыне. Непрерывность этих описаний угадывается в изображении поэтом картины «четырех морей, которые, взаимно возбуждая друг друга, вступают в битву у острова Родоса»; когда он описывает «холодное дыхание изменчивого ветра, который то становился ласковым... то хватал сзади и гнал так быстро, что каждый... исполнялся ужасом перед пугающей бездной»; когда он вздрагивает от «холодной сырости, от которой все начали хрипнуть, кашлять и страдать опухолью ног и головы», или испытывает «под пылью и зноем» «томящую жажду»; когда он подвергается нападению тарантулов и слышит «страшный

шум, какой по совету одного мудреца поднимают в лагере, чтобы выгнать эту пакость, стуча в шлемы, железные шапки, бочонки, седла, чаши, котлы и печи».

Амбруаз всегда живописно прост и трезво реалистичен — рассказывает ли он о триполийском графе, «у которого отвисла губа»; о проводке застоявшихся коней, которые совсем отяжелели и были обессилены после месяца пути; о первой ветряной мельнице, построенной в Сирии немцами, на которую «с изумлением и страхом смотрели враги Господа»; об обрезанных косах турок, знаке их траура; о весеннем посеве злаков, предпринятом крестоносцами, чтобы иметь возможность варить себе похлебку; об оливковых и миндальных рощах, в которых расположился христианский лагерь. И если он, очевидно, что-то путает, когда говорит о «штанах Магомета» как о «знаке, изображенном на турецких знаменах», то с несомненным знанием дела он предлагает читателю отличать в женском населении лагеря от непотребных девок тех «добрых старушек, работниц и прачек, которые мыли белье и головы крестоносцев, а в вычесывании блох не уступили бы обезьяне». «Дни проходили, и случалось много разных вещей» — этим многократно повторяющимся в сирийской части его поэмы припевом автор вводит читателя в разнообразные эпизоды странствований и осад. В ряду этих эпизодов немало удивительных для Амбруаза событий — «чудес». Но, даже изображая то, что представляется ему несомненным чудом, он не подводит случившееся под чудотворный шаблон, не покрывает свое описание густой позолотой священного восторга, которая скрывает краски жизни. Рассказанные им чудеса похожи на обычные анекдоты, которые живо вводят читателя в повседневную жизнь лагеря: «Был в турецком лагере метательный снаряд, причинивший нам много вреда. Он кидал камни, которые летели так, точно имели крылья. Такой камень попал в спину одному воину. Будь то деревянный или мраморный столб, он был бы разбит надвое. Но этот честный храбрец даже его не почувствовал. Так хотел Господь. Вот поистине сеньор, который заслуживает того, чтобы ему служили, вот чудо, которое внушает веру!»

Каково, прибавим, Ричардово воинство, в котором — хотя бы в качестве чудесных исключений — попадались храбрецы,

не чувствовавшие ударов камня, от которых разбился бы надвое каменный столб! «Дни проходили, и случалось много разных вещей. Случилось, что некий рыцарь пристроился к рву, чтобы сделать дело, без которого никто не может обойтись. Когда он присел и придал соответствующее положение своему телу, турок, бывший на аванпостах, которого тот не заметил, отделился и подбежал. Гнусно и нелюбезно было захватывать врасплох рыцаря, в то время как тот был так занят». Турок уже готов был пронзить его копьем, «когда наши закричали: “Бегите, бегите, сэр!..” Рыцарь с трудом поднялся, не кончив своего дела. Взял он два больших камня (слушайте, как Господь мстит за Себя!) и, бросив их, наповал убил турка. Захватив вражеского коня, он привел его в свою палатку, и была о том большая радость».

Есть в распоряжении Амбруаза и более изящные, нежные и строго-печальные воспоминания осады. Одной из важных задач осаждавших было заполнить рвы. Для этой цели со всех сторон сносились камни. «Бароны привозили их на конях и вьючных животных. Женщины находили радость в том, чтобы притаскивать их на себе. Одна из них видела в том особое утешение. На этой работе, когда собралась она свалить тяжесть с шеи, пронзил ее стрелой сарацин. И столпился вокруг нее народ, когда она корчилась в агонии... Муж прибежал ее искать, но она просила бывших тут людей, рыцарей и дам, чтобы ее тело употребили для заполнения рва. Туда и отнесли ее, когда она отдала Богу душу. Вот женщина, о которой всякий должен хранить воспоминание!»

Но еще живее и ярче среди этой многокрасочной картины, среди грозной воинственной драмы фигура главного актера — «доблестного, великодушного, верного Ричарда», льва пустыни, орла высот и вихрей, меча христианской Сирии. Едва ли не резвым мальчиком изображает его Амбруаз на Кипре. Ричард гонится за императором, который жестоко раздражил его своим вышеупомянутым «поносным» ответом: «Еще чего захотели, сир!» Он загнал своего коня «и по пути схватил коня или кобылу, я уже не знаю, что это было; у нее позади седла болтался мешок, и поводья были веревочные. В одну минуту был он в седле и крикнул подлому и коварному императору: “Ну-ка, император, поди сюда, скрести копье

со мною!” Но тот уклонился. К утру греки успели собрать большие силы, и император, поднявшись на гору, смотрел, как его люди осыпали стрелами войско Ричарда, которое не двигалось с места. К королю подошел вооруженный клирик Гуго де Ла-Мар, который сказал ему тихо: “Сир, уходите: их силы огромны”. — “Сир клирик, — возразил ему король, — во имя Господа и его матери занимайтесь вашим Писанием и не путайтесь в схватку. Рыцарские дела предоставьте нам”. В самом деле около Ричарда было не больше сорока или пятидесяти рыцарей. Но великий король бросился на врага быстрее, чем падающая молния, решительнее, чем ястреб, кидающийся на жаворонка... Он привел в полное смятение греков, и, когда явились его люди в достаточном числе, они обратили их в полное бегство».

То же неукротимое мужество демонстрирует Ричард в схватках с сарацинами в Палестине. Вот он «на своем кипрском Фовеле, лучшем коне, какого только видели на свете, совершает такие подвиги, что смотреть удивительно». Вот он в сражении у Арсуфа, где турки «стеной напирают на крестоносцев». Более двадцати тысяч ударили по отряду госпитальеров. Великий магистр ордена, брат Гарнье де Наплуз, скачет галопом к королю: «Государь, нас одолевают. Мы теряем всех коней!» Король отвечает ему: «Терпение, магистр! Нельзя быть разом повсюду». Но вот войско собралось для атаки, «и, когда увидел это король, не дожидаясь больше, он дал шпоры коню и кинулся с какой мог быстротой поддержать первые ряды. Летя скорее стрелы, он напал справа на массу врагов с такой силой, что они были совершенно сбиты, и наши всадники выбросили их из седла... точно сжатые колосья. Храбрый король преследовал их, и вокруг него, спереди и сзади, открывался широкий путь, усталый мертвыми сарацинами». Амбруаз с удовлетворением отмечает здесь выдержку Ричарда до нужного момента. Но король счастливее всего, когда может лично вмешаться в схватку, пережить «упоение в бою».

Неизменное стремление к непосредственному участию в сече, желание личного подвига заставляет Ричарда пренебрегать обязанностями полководца. И если в тех десятках стычек, в которые он ввязывался впереди своего войска, он

не погиб, а возвращался невредимым, хотя и «колючим, точно еж, от стрел, уткнувшихся в его панцирь» (так вспоминали о нем в Сирии еще полвека спустя, когда эти сказания собирал Жуанвиль³⁶), то этим он обязан панике, которую наводил одним своим видом, но также и, по определению Амбруаза, чуду. В тревожные ночи, когда угрожало нападение врага, он спал «в палатке за рвами, чтобы тотчас поднять войско, когда будет нужно, и, привычный к внезапной тревоге, вскакивал первым, хватал оружие, колол неприятеля и совершал молодечества». В стычке при замке Казаль-де-Плен Ричард быстро рассеял сарацинский отряд — точнее, сами турки, завидев его, разбежались в стороны. Тогда король дал шпоры своему коню, помчался впереди всех и нагнал сарацин — когда рыцари догнали его, он уже убил под сарацинами нескольких коней. Амбруаз особенно любит Ричарда в минуты великодушных порывов, когда этот совершенный в его глазах, «не знающий страха» витязь, презрев опасности, кидается на выручку своих. Вот турки напали на крестоносцев, когда те заняты работой у стен Казаль-Мойена. «Битва была в самом разгаре, когда прибыл король Ричард. Он увидел, что наши вплотную окружены язычниками. “Государь, — говорили ему окружающие, — вы рискуете великой бедой. Вам не удастся выручить наших людей. Лучше пусть они погибнут одни, чем вам погибнуть вместе с ними. Вернитесь!.. Христианству конец, если с вами случится несчастье”. Король изменился в лице и сказал: “Я их послал туда. Я просил их пойти. Если они умрут без меня, пусть никогда не называют меня королем”. И дал он шпоры лошади, и отпустил ее узду...» Битва была выиграна этим рискованным поступком. «Турки бежали, как стадо скота... Так прошел этот день».

Если удача — мерило верности тактики, а в войне трудно найти другое мерило, то тактика личного героизма долго оправдывала себя в войне с турками. Амбруаз не скрывает, что вокруг Ричарда было немало людей, которые ее осуждали. Однажды он вмешался в самую гущу турок; они почти держали его в руках, готовясь схватить. Каждому хотелось сделать это, но никто не решался, боясь удара его меча. В эту минуту один из его приближенных искусно выдал себя за короля и был уведен в плен. Тогда окружающие стали говорить:

«Государь, ради Бога, не ведите себя впредь так. Не ваше дело пускаться в такие приключения. Подумайте о себе и о христианах. У вас нет недостатка в храбрецах. Не ходите один в подобных случаях. От вас зависит наша жизнь и смерть... Если голова упадет, члены не могут жить». Многие давали ему подобные советы, но всякий раз, когда он знал о сражении — а факта битвы нельзя было скрыть от Ричарда, — он кидался на турок.

Недоброжелатели Ричарда упрекали его в «вероломстве». Но если он проявлял его в отношении врага, то это, очевидно, только соответствовало этике борца. Никто в конце концов не мог ему поставить в вину предательство друга. Мы помним, после каких событий Ричард встал против отца, но когда Генрих II умер, он проявил широкое великодушие к его сторонникам. За освобождение из германского плена он готов был отдать свое королевство, но наотрез отказался предать Генриха Льва. Нужно думать, что не одно упрямство, но и чувство чести и верность данному слову заставили его до конца быть покровителем отставного иерусалимского короля. Из всех вождей, побывавших в Палестине в эпоху третьего похода, он один, по-видимому, действительно мучился мыслью измены данному обету.

Кто знает, не было ли в безнадежных условиях христианской Сирии личное геройство единственным условием успеха? Только это, быть может, способно было сплотить воинов, которые, в свою очередь, не задумывались отдать жизнь за дело вождя. Возможно, именно в Сирии, возрождался на время завет древней дружины, записанный в I веке римским наблюдателем: «А когда дошло дело до битвы, стыдно вождю быть побежденным в доблести, стыдно дружине не сравняться доблестью с вождем. На всю жизнь бесчестье и позор тому, кто, пережив вождя, отступит из боя... Вожди сражаются за победу, товарищи — за вождя»³⁷.

Преданный, надежный, заботливый, делящий с армией счастье и несчастье — таким рисуется у Амбруаза «несравненный король». Войско остановилось лагерем около Соленой реки. Оно томится голодом. Некоторые убивают коней и задорого продают их на мясо. Король, узнав об этом, велит распространить в войске: всякий, кто отдаст его людям уби-

тую лошадь, впоследствии получит от него живую. И мясо явилось в изобилии: «Все ели и получили по хорошему куску сала». Добравшись в марте 1192 года до Аскалона, крестоносцы начинают восстанавливать его стены и башни. «Король с обычным своим великодушием участвовал в работе, и бароны ему подражали. Всякий взял на себя подходящее дело. Там, где другие не являлись вовремя, где бароны ничего не делали, король вступался в работу, начинал ее и оканчивал. Где у них не хватало сил, он приходил на помощь и подбодрял их. Он столько вложил в этот город, что, можно сказать, три четверти постройки было им оплачено. Им город был восстановлен, им же он был потом разрушен».

В энергичном и суровом облике Ричарда Амбруаз охотно подмечает мягкие, сострадательные черты. Когда после первого неудачного похода на Иерусалим войско возвращалось по расползшимся от ненастья дорогам, положение людей и вьючных животных было самое печальное. «Скотина ослабела от холода и дождей и падала на колени. Люди проклинали свою жизнь и отдавались дьяволу. Среди людей была масса больных, чье движение замедлял недуг, и их бросили бы на пути, не будь английского короля, который заставлял их разыскивать, так что их всех собрали и всех привели [в Раму]».

За картинами болезней и смертей следуют картины погребений. Вот поле после битвы при Арсуфе. Госпитальеры и тамплиеры ищут тело отважного Жака Авенского. «Они не пили и не ели, пока не нашли его. И когда нашли, надо было омыть ему лицо; никогда не узнали бы его, столько получил он смертельных ран... Огромная толпа людей и рыцарей вышла навстречу, проявляя такую печаль, что смотреть было жалостно. Когда его опускали в землю, были тут короли Ричард и Ги... Не спрашивайте, плакали ли они». Это погребение происходило в дни, когда уже недалеко было время похорон всех надежд крестоносного войска третьего похода. Тон Амбруаза становится все более траурным, проникнутым каким-то возвышенным смирением. В безмерной печали крестоносца, не сумевшего завоевать Иерусалим, он пытается утешиться надеждой, что всем, кому дано было так много страдать, кому пришлось умереть у запертых дверей земного

Иерусалима, открыты будут сияющие ворота Иерусалима небесного. Он ни в чем не упрекает своего героя. И, заканчивая свою «Историю» в неведомом углу Франции, Амбруаз словно все еще находится за морем, над мраком и бурями которого Ричард поднял высоко факел своего корабля, чтобы светить крестоносцам, стремившимся в обетованную землю.

Мог ли человек с такой энергией и вождь с такой властью быть безразличным для истории и следует ли теперь, после пересмотра его разнообразных деяний, прийти без оговорок к той отрицательной оценке, какую дала ему новая историография в подавляющем большинстве своих суждений? Читатель, внимательно проследивший за предшествовавшим изложением, понимает, что у нас нет цели противопоставить этому суждению диаметрально противоположное, но он мог заметить, что у нас есть весьма существенные оговорки.

Казалось бы, отрицательное суждение о Ричарде напрашивается само собой. Он ассоциируется с образом войны, и его, подобно войне, приходится оценивать преимущественно как стихию смертоносную. Все его силы направлялись на войну, и в этом смысле он был преимущественно талантливым организатором разрушения. Опустошение Аквитании ради единства анжуйской политики, опустошение капетингских сеньорий ради утверждения бесспорности владений Плантагенетов, разрушение Сицилии и Кипра ради завоевания Палестины, разрушение Палестины ради недостигнутой мечты об отвоевании Иерусалима... Кажется, дорога Ричарда устлана трупами:

Он ходит по миру, великий, спокойный,
И смерть ему мертвые дани несет,
И жертвы готовят кровавые войны,
И путь поливает слезами народ³⁸.

Все поставленные им жизненные цели осуждены историей: англо-анжуйская власть через пятнадцать лет после его смерти была выброшена с континента ко благу Франции, да и ко благу самой Англии, для которой ее поражение на материке и разрыв искусственной связи с ним открыли путь к свободе; Палестина не была им отвоевана; только что вос-

становленный Аскалон «им же был потом разрушен»; Иерусалим остался в руках сарацин.

Но есть в этой войне, ставшей содержанием почти всей его жизни, одна особенность, которую следует учесть, прежде чем делать окончательный вывод о «несравненном короле». Это была «любовь к дальнему», которая была его слабостью и его силой. Ричарду предшествовали века, где в мелкой, домашней борьбе, в глухом и мрачном взаимопоедании тратил свои силы феодальный мир. Неподвижные горизонты, которыми был сдавлен этот круг феодальной войны, раздвинулись предприятиями далеких предшественников Ричарда — норманнов — завоевателей Нормандии, Сицилии и Англии. В экспедициях норманнов на восток и на юг, приведших их несколькими путями в Византию и Сирию, начиналась — пусть даже в кровавом тумане войны — та сильная тяга к Средиземноморью, которая вывела Европу из ее глухой обособленности, — и наконец случился день, когда на Клермонской равнине она вся была призвана в дорогу Первого крестового похода.

Возникает, конечно, вопрос: обязательна ли была грубая форма военной экспедиции, в которую облеклись обновление «дряхлающего» мира и процесс перемешивания культур? Нужно ли было насильственно передвигать богатства Лондона и Руана в Сицилию, богатства Сицилии переправлять на Кипр, а кипрские в Палестину? Так ли уж было необходимо перевозить закованных в сталь людей и коней с севера Европы через огромные пространства морей и суши, сооружать сотни судов для того, чтобы, погубив две трети всего этого, заключить договор с Саладином? Ведь к тому времени Венеция и Генуя, Пиза и Марсель уже сто лет направляли на Восток купеческие караваны и содействовали мирному перемешиванию потоков жизни.

Вопросы эти в значительной мере заключали бы в себе ответ, если бы не было нескольких фактов, о которых не следует забывать.

Странствия купеческих караванов в конце XII века только до известных пределов были мирными, и столкновения, какие им приходилось иметь на морях и на суше, постоянно напоминали о том, что хозяйственную свою деятельность

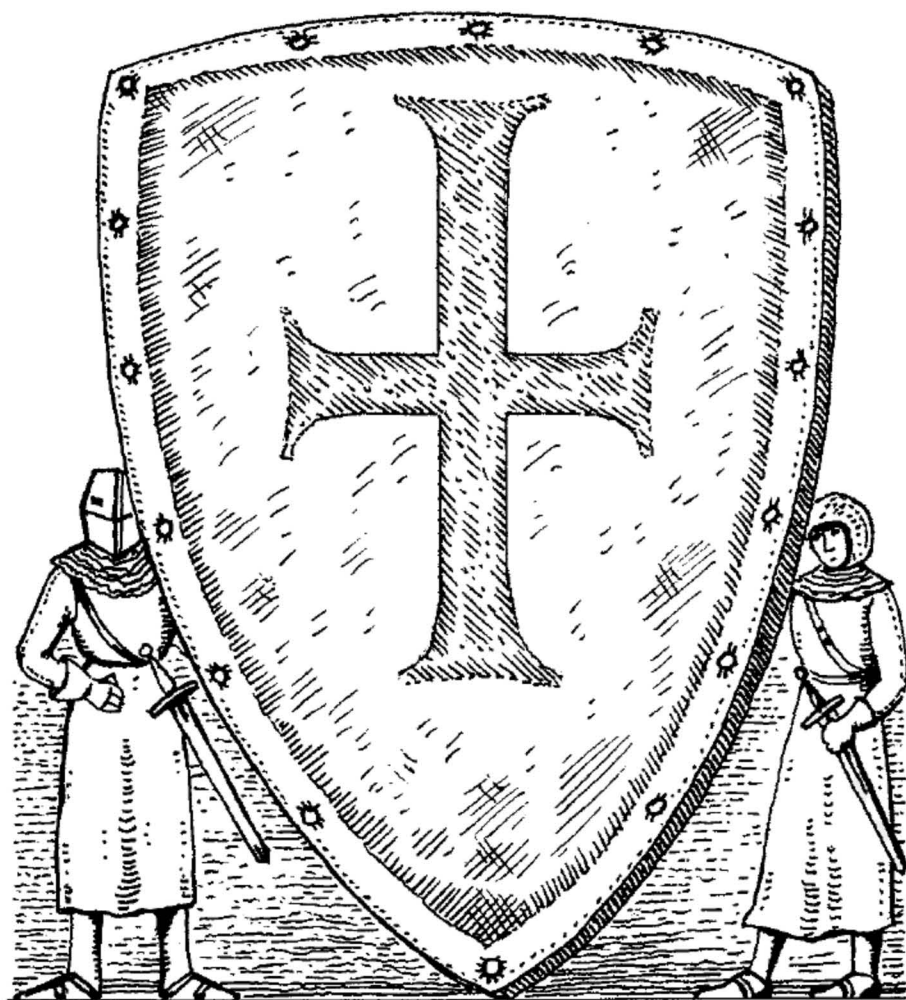
человечеству этого века все еще приходилось обеспечивать и защищать вооруженною рукой. Достаточно вспомнить хотя бы судьбу первых судов Ричарда у берегов Кипра.

Тут заметим, что поведение Ричарда в Сирии глубоко несходно с поведением Готфрида и иных ему подобных, «прямых сердцем» рыцарей. Взяв вооруженной рукой Акру и Яффу, он не только прислушивается — может быть, даже слишком — к желаниям и соображениям пизанских купцов, но идет на самые смелые комбинации, договариваясь с Саладином и опять-таки блюдя при этом европейские торговые интересы. Европейская торговля пока еще искала защиты рыцарского меча, и Ричард пытался ее дать и дал, как мог и умел. Иерусалим — так роковым образом слагалась судьба всего крестоносного движения — при этом оказался в стороне.

«Стремление вдаль» для самого Ричарда могло формулироваться как искание «Божия пути», но, несомненно, в его душе, норманна и провансальца, сына Генриха II и Алиеноры, скептика и артиста, пела такая могучая музыка совершенно земных голосов, что в ней иногда глохли молитвы паломника. Финансовые операции, смелые инженерные подвиги и кораблестроительные предприятия, организованные им подвижные наемные армии, даже его сарказмы и песни обличают в Ричарде Львиное Сердце человека какой-то новой поры — при всей кажущейся устарелости роли, исполнителем которой его назначила история. Эта роль оказалась весьма сложна, но он справился с нею, став заметной силой в движении, которое вело человечество к новым берегам.

Эпоха крестовых походов

Запад в крестоносном движении

Глава I

Подготовка крестоносного движения

«**К**ак случилось, — спрашивает в начале своего повествования Фульхерий Шартрский, участник и хроникер Первого крестового похода, — что, презрев цвета мира, такие массы вняли голосу Божию, покинули жен, родных, имения и, по евангельскому велению, последовали за Богом, зажженные любовью к Нему и исполняясь Его вдохновения? Великие страдания претерпели наши воины. Они терзались невыносимыми муками голода и жажды. Их распинали, избивали, с них сдирали кожу и отсекали члены. Тысячи мучеников из любви к Христу погибли блаженною смертью, и их деяния озарены чудесами. Кто может не изумляться, видя, что мы, малый народ, могли среди столь многочисленной державы врагов наших не только бороться, но даже жить? Кто слышал когда-либо подобное? Вот Египет и Эфиопия, вот Аравия и Халдея, а также Сирия, вот Ассирия и Мидия, вот Парфия и Месопотамия, вот Скифия и Персида! Великое море отделило нас от христианства и замкнуло в руках тес-

нивших нас, по изволу Божию. Но Сам Он сильною рукою хранил нас. Блажен народ, с которым владыка Бог его».

Фульхерий зажжен огнем того вдохновения, которое описывает, и в его свете происходящее для него озарено чудесами. Но он старается сдерживать волнуемый его энтузиазм и честно исполнить свой долг историка. Он исполнил его — это следует признать — очень дельно и объективно для своего времени и имел право, которым гордился бы всякий исследователь крестоносного движения, закончить свое введение словами: «Весь же ход великого дела, его начало и как к его совершению был подвигнут западный мир, и почему напряг он на него мышцы и волю, — разъяснит следующее далее историческое повествование».

Ища «составляющие» крестоносного движения, хотели видеть в нем этап экономической эволюции, длительный эпизод в борьбе за восточные рынки. Для известных элементов земледельческого населения Европы оно явилось продолжением начавшегося с XI века переселенческого движения; многодетные семьи аристократов-землевладельцев стремились использовать походы за море как средство удовлетворения возраставшей нужды в земельных наделах — феодах; в них также можно усматривать грандиозную рыцарскую авантюру, дававшую исход жажде приключений и подвигов. Все эти мотивы вполне вмещаются в крестоносное движение. Но больше всего и прежде всего в том, что было в них своеобразного, что делало их явлением всенародным, крестовые походы являются огромных размеров паломничеством, расширившим русло тех потоков, которые задолго до XI века катились на Восток.

Когда религиозное рвение Константина и Елены возвратило Иерусалиму его имя вместо языческого имени Элии Капитолины³⁹, открыло пещеру Гроба Господня и холм Голгофы, когда на горе Елеонской и на вершине Сиона засияли базилики, одетые торжественным искусством века Флавиев⁴⁰, когда «от Дана до Вирсавии⁴¹ с Библией в руках обошли Палестину и установили памятные места священной истории Ветхого и Нового Завета», — туда двинулись дружины путников, охваченные «любовной жадью видеть святые места». От IV до XI века около святынь Иерусалима среди

массы посетителей от соседних восточных областей прошел не один гость далекого Запада.

Анонимный путешественник из Бордо, в конце IV века проехавший вдоль Пиренеев, Средиземного приморья, затем поднявшийся по Роне, перешедший через Альпы, прошедший Ломбардию, горы и равнины Балканского полуострова, затем через Константинополь, Малую Азию и Сирию достигший Иерусалима, оставил подробный указатель своего пути — с перечислением этапов, остановок, где он ночевал, менял лошадей; он также сделал отметки о числе мильных камней⁴² на пройденном пути. В те же десятилетия в Палестину совершила паломничество группа знатных римлян. «Наступит ли день, — пишет подруге одна из участниц странствия, — когда нам дано будет войти в пещеру Спасителя, у Гроба Господня плакать с матерью, плакать с сестрой? Целовать Крестное древо и на горе Елеонской с вознесшимся Спасителем возноситься духом и стремлением; видеть исходящего Лазаря, спутанного пеленами, чистые волны Иордана, притекшие чистейшими к купели Господней, проникнуть в хлев пастырей, молиться у Давида мавзолея?..» Перечислив в порыве восторга памятные места Палестины, странница заканчивает: «И тогда вернемся в нашу пещеру и будем петь непрестанно, часто плакать, непрерывно молиться; и уязвленные копьем Спасителя, воскликнем: “Нашла я того, кого искала душа. Удержу его и не отдам”».

Женские дневники — самая потрясающая страница в книге паломничеств. В Вьерзонском монастыре в Испании накануне арабского нашествия читали и комментировали загадочный дорожник, также конца IV века, известный под именем «Хождения Сильвии». Вновь открытый в конце XIX столетия (уже оборванный, лишенный начала и конца), он возбудил глубокий интерес исследователей. Его автор — женщина, несомненно, очень знатная, по-видимому, настоятельница или монахиня какого-то испанского монастыря. «Восток познал ее, — говорит о ней вьерзонский инок VII века, — деву, вышедшую от крайнего Запада, с берегов, омываемых волнами Океана. Она не знала отдыха на земле, чтобы с победной пальмой достигнуть вечного покоя, “царства

эфирного света”». Инок характеризует ее одновременно как «хрупкую, нежную» и вместе «мужественную». «Она посетила знаменитые обители Фиваиды, она следовала в Египте по путям народа избранного; она видела славные города и оставила изящное их описание. Следуя всюду по стопам Израиля, она достигает, наконец, подошвы Синая». Нежная и простодушная, наблюдательная и «любопытная» — так выражается о себе она сама («я очень любопытна»), странница проникала всюду: в пески Заиорданской земли, в глухие обители на малодоступных горах, где «святые» принимали ее с благословениями, к «последним пределам Империи, за которыми уже нет доступа римлянам». Одно из самых прозрачно одухотворенных впечатлений ее странствия — вид, открывающийся с вершины Синая. «Труден подъем на эту гору. На нее восходишь не кругами... а прямо вверх, точно по стене... Оттуда, где мы стояли подле стен церкви, с вершины центрального возвышения под нами расстилались, точно холмы, те высокие горы, по которым мы с таким трудом только что взошли. При подъеме они казались бесконечными; я сказала бы, что не видела более высоких, но эта средняя их еще превосходила. И видели мы отсюда Египет и всю Палестину и Красное море, а также бесконечные пределы сарацин так глубоко и далеко, что вы этому и не поверите...»

Поток мирных и радостных паломничеств обрывается в событиях, которые навсегда оторвали христианский Восток от власти византийских императоров. С наступательным движением персов, достигшим в 614 году Иерусалима, а в 616 году Египта, энергия императора Ираклия еще справилась; но на развалинах персидского владычества поднялась сила арабского завоевания. В 637 году халиф Омар овладел Иерусалимом. С половины VII века арабское господство утвердилось в Персии, Сирии, Армении, Африке, угрожало Карфагену и самому Константинополю. «Неодолимая сила, — замечает историк, — влекла арабов на Запад, и эта сила сломилась только у Константинополя в 718 году» перед войском византийского императора Льва III Исавра и у Пуатье в 732 году перед конницей Карла Мартелла.

Победа Мартелла спасла от нашествия север Европы, но Испания стала арабской державой; сарацины распоряжа-

лись во многих портах и гаванях Южной Франции и Италии, главные пункты морского пути на Восток — Крит и Сицилия — оказались в их руках; Средиземное море было покрыто арабскими судами. В таких условиях не могло быть речи о регулярных и многочисленных паломничествах. Но даже в VII веке движение, уносившее на Восток западных паломников, хотя и сильно замедлилось, не замерло вполне. Поддерживая традицию Григория Великого⁴³, папы продолжали слать милостыни заморским христианам. В 670 году епископ Аркульф, «по национальности галл... умный и правдивый наблюдатель», по характеристике его секретаря Адамнана, девять месяцев провел в Иерусалиме, ежедневно обходя святые места. Адамнан зафиксировал его рассказ на пергамене. На восковой табличке Аркульф, по просьбе Адамнана, начертил план Гроба Господня и церкви, воздвигнутой над ним. Он видел в Иерусалиме ярмарку 15 сентября, куда, по его свидетельству, сходились, наряду с сирийцами, арабами и греками, «люди с западных берегов».

Впечатления галла Аркульфа, итальянца Антонина (VII век), англосаксов Виллибальда и Беды (начало VIII века) формировались на фоне тяжелой атмосферы, созданной для паломников «сарацинским ужасом», господствовавшим на морях, и состоянием смуты и несчастья, в каком в ту пору находились сильнейшие державы христианского Запада — Франкская Галлия и Лангобардская Италия. Тем не менее и в них горит все тот же глубокий и сосредоточенный жар странничества, «любовная жажда видеть святые места».

Относительно долгим был просвет, который дало господство Каролингов. Правда, их усилий едва хватало, чтобы удерживать мир на севере, а флотилии франков не без труда справлялись с задачей держать сторожевую службу у берегов Галлии. И все же паспорт, скрепленный печатью государя из дома Каролингов, оказывал некоторую защиту западным странникам. С 800 года нововенчанный император Запада Карл Великий стал официальным патроном Палестины, получив в виде почетного дара ключи от храма Святого Гроба и знамя города Иерусалима. Снова в Святом городе растут латинские учреждения: обитель на горе Елеонской, женский монастырь подле храма Святого Гроба, обшир-

ная франкская колония на «поле крови»⁴⁴, где воздвиглись базилика, странноприимный дом, библиотека и рынок, поддерживаемые доходами с виноградников, полей, садов и усадеб в Иосафатовой долине⁴⁵. Возобновляется движение посольств, грамот, милостынь. С ними ширится и поток паломничеств.

Странническая тяга снимает с насиженных гнезд епископов (Конрад Констанций), аббатов (Фульк, настоятель Флавины; Иоанн Монтекассинский), «нежных» женщин (Юдифь, невестка императора Оттона; Гидда, графиня Швабская), простых монахов («франкский инок Бернард») и т. д. Видеть святые места, в прозрачной иорданской струе утолить жар сердца, разгоряченного «любовной жаждой», отломить пальмовую ветвь в иерихонской долине, унести подлинную реликвию от Гроба Господня — осколок камня его пещеры, кусочек Крестного Древа, свечу, загоревшуюся нездешним светом в пасхальную ночь, — видеть с высоты Синая «неизреченную славу Божия величия» — таковы были стремления, заставлявшие пренебрегать опасностями «бурных морей, высоких гор, суровой ярости диких народов». Греза влекла за моря. На земле самой романской Европы, начавшей, — по выражению бургундского монаха Глабера — «покрываться белым одеянием церквей», эта греза вызывала множество своих воплощений — круглых «храмов Святого Гроба». Вновь создаваемые церкви наполнялись реликвиями Святой земли; в них люди прикасались к «залогам» нездешней святыни.

Страннические толпы двигались со всех сторон. Самыми подвижными были норманны и англосаксы. Первые избирали один из трех путей: восточный, через Русь, западный — вокруг берегов Испании, через Гибралтар, и южный — через Рим и восточные гавани Италии. Вторые двигались преимущественно третьей из указанных дорог. Они пускались в путь в весеннее время, «вознося перед его началом молитвы Всевышнему, да поможет Он безопасно пройти снежные цепи Альп». В Альпах и Апеннинах их ждали приюты, выстроенные государями из дома Каролингов или местными итальянскими князьями: госпиции Людовика Благочестивого и Матильды Тосканской. В Риме многие проводили зиму,

и с концом пасхального времени, «светло озарявшего весь мир, поднималось и двигалось дальше бодрое войско». По словам Беды, в его время совершать паломничество в Рим и, как можно догадываться относительно многих странников, следовать далее в Палестину стало обычаем англов «знатных и простых, клириков и мирян, мужчин и женщин».

Французские путники оставили несколько меньше следов в летописных памятниках, зато на этапах их дороги в Испанию, Италию и на Восток распустился пышный цвет сказаний и песен, собравшихся впоследствии в венок «*chansons de geste*»⁴⁶ вокруг имени Карла.

Темп паломничеств все учащается в конце X и первые годы XI века. Сарацинская гроза на морях, казалось, отступала — пираты втягивались в круговорот хозяйственной и культурной жизни, правильного товарообмена. В самой Палестине владычество арабов утратило свой враждебный христианству облик. Раны, которые нанесли ему одиннадцать лет (1009—1020 годы) террора, развязанного полубезумным халифом Хакемом — в эти годы разрушен был храм Св. Гроба, срыты до основания базилики Флавиев и сооружения Карла Великого, христиане подверглись жестоким гонениям и унижениям, — были в значительной мере залечены с новым поворотом политики халифа, столь же необъяснимым, как и первый. Однако эти годы положили конец латинскому протекторату над Святой землей. Наследство Каролингов, потерявших престиж на Западе, подобрала окрепшая с победами императоров Никифора II и Цимисхия Византийская империя. Латиняне отступали в Сирии и на морях, тогда как греческие императоры возвратили христианству Кипр и Антиохию, Эдессу, Кесарию и Назарет. Казалось, близок был час освобождения самого Иерусалима.

События, наносившие урон самолюбию западного священства и западных правителей, не отразились прямо на западных паломничествах. Христианский государь-патрон Св. Гроба — не важно, откуда он был, с Запада или с Востока, — казалось, одинаково обеспечивал спокойное пребывание в Иерусалиме всем единоверцам. Соперничество греческой и латинской Церквей стало ощущаться неблагоприятно пилигримами только в годы, последовавшие за

их официальным разрывом (1054 год). Уже в 1055 году его следствия испытал на себе св. Льетберт, епископ Камбре. Затруднения, какие чинил ему на Кипре византийский катапан⁴⁷, заставили его отказаться от мысли посетить Иерусалим.

Несмотря на все это, жажда видеть святые места, наряду с иного рода причинами, бросавшими население на большую дорогу и усиливавшими размах странничеств, постепенно разрасталась в настоящее пламя, которым в XI веке все сильнее горел Запад. Нелегкой задачей является в этом случае учесть действие вышеупомянутых «иных причин». Многим прежним историкам рисовался тут несколько упрощенный образ все сгущающейся атмосферы несчастья на земле Европы, и в особенности Франции: учащающиеся в XI веке неурожай и, как следствие, массовый голод с его спутницами — эпидемиями моровой язвы; «небесные знамения», особенно многочисленные накануне Первого крестового похода, вызывавшие чувство отчаяния, острого ужаса, сознания греховности. Выход многие видели в «пути за море» с его надеждой на перемену с покаянным, спасительным смыслом.

Выводы историков как будто подтверждаются замечанием Эккехарта из Ауры, сделанным в год первого крестоносного подъема: «западных франков легко убедить покинуть свои деревни, ибо Галлия вот уже несколько лет терзается то междоусобными войнами, то голодом и смертностью, а последнее время — моровой язвой». На такие же выводы могут навести, при известном подборе, и показания анналистов. Сплошь да рядом у них наталкиваешься на описание ситуации, когда в одной и той же местности, в два друг за другом следующие года население сначала не знает, куда деть избыток урожая, а потом голодает. Под 1085 годом в анналах обители св. Никасия Реймского находим следующее сообщение: «В этом году было такое изобилие вина, что у людей не хватало вместилищ для его сбережения. Виноградники часто не обирались, а были предоставлены скотине». Год спустя тот же анналист сообщает: «Был полный неурожай винограда; беспредельные виноградники стояли без плода». Население встречало одинаково неприготовленным урожай

и недород, не умело сберегать излишков, обеспечивать себя подсобными промыслами. Оно не умело орошать поля при засухе и спасать их от наводнений.

Так получаются длинные анналы голодовок, описания которых сперва пугают нас, а потом приучают к себе, и мы читаем их с таким же фатальным спокойствием, с каким отмечает их хроникер. Невозмутимо он сообщает под 1086 годом, что «наступил сильнейший голод... бедняки ели трупы овец, коней, быков в самое Св. Четырдесятницу⁴⁸, пожирая, вместо хлеба, виноградные листья». Неурожай наступал от самых разнообразных причин. «В 1093 году была великая засуха от 8 апрельских календ до 17 календ сентября. Она вызвала бесплодие земной утробы, скудость урожая на хлеб и иные плоды». В 1094 году, наоборот, пшеницы покрылись туманами и не вызрели. Еще два года спустя урожай погубило наводнение. Иногда поля стояли достаточно согреты солнцем и увлажненные дождем, но «утроба земная, готовая родить, покоилась мертвая и печальная, потому что нечем было ее засеять». В 1096 году «была великая гибель семян в погребах, отчасти из-за червей, отчасти из-за дождей». Нет страницы, на которой не сообщалось бы: «...и был голод в области Реймской... Суассонской... Турской»... Особенно потрясающее впечатление производит описание голода в Бургундии в 1031–1033 годах, когда «стали выносить на рынок человеческое мясо и заманивали в лес детей, чтобы их съесть», когда «лица людей бледнели и худели, кожа натягивалась и пухла, голос слабел и напоминал жалобный крик издыхающей птицы».

Краски неизбежно сгущаются, когда собираешь в одно все цитаты. Однако их гипноз в значительной степени рассеивается перед спокойной оценкой этих свидетельств. Отдельные бедствия, отмеченные хроникерами, следует локализовать: часто они захватывали только небольшую, вполне определенную область. Знаменитое, часто повторяемое «49 голодных лет на XI век» надо разнести в разные области Франции. Необходимо учесть и то, что хроникеры XI века, все почти монахи, склонны к пессимистическим тонам в изображении, к преимущественно страшным и печальным рассказам.

Голод и засуха, страдания от грозных эпидемий и суровых зим могли повышать, конечно, возбудимость измученных нервов. Охваченный огнем нездорового возбуждения, разгоряченный мозг открывался бреду: кошмару или сладкому, блаженному видению. Душа, напуганная стихийными ужасами окружающего, утрачивала доверие к собственной силе; бедная опытом мысль не улавливала развертывающейся в природе цепи неизбежных причин и следствий. Она раскрывалась для восприятия чуда, и чудо являлось. Такую связь страданий и чудес совершенно бессознательно выразил хроникер обители Св. Максенция под 1093 годом: «В ночь, когда умер король Филипп, видно было, как падали звезды с неба, подобно тухнувшим факелам. В этом году была великая засуха от апреля до сентября, что вызвало неурожай... В недрах земли слышен был на большой глубине звон воды».

Трудно, однако, поверить, что болезни и голод нанесли в XI веке удар более сильный, нежели ужасные норманнские опустошения в веке предшествующем. Еще более скептически, по всей вероятности, следует отнестись к представлению, будто годы, предшествовавшие Первому крестовому походу, были особенно урожайными на так называемые «небесные знаменья». Вот, например, как говорят об этом хроники обителей Св. Ромуальда и Св. Дионисия Парижского: «1066 год. Погибло много людей от голода, о чем возвестила комета». «1089 год. Луна при восхождении своем прошла через затмение». «1093 год. В 9 октябрьские календы было солнечное затмение до 3-го часа дня». «1094 год. В апреле явилось грозное знамение в звездах. От полуночи до утра бесчисленные звезды кучами и в одиночку, переплетаясь и догоняя друг друга, срывались с разных углов небесного свода и сбегали на землю». «1095 год. Появилась комета в октябрьские ноны и стояла 7 ночей. Затем наступило землетрясение и наводнение».

Зловещие знамения идут, как будто сгущаясь; грозный хор растет, точно морской прилив. Кровавые небеса, страшные солнца, затмения луны составляют все усиливающийся аккомпанемент наводнений и засух, и симфония эта завершается аккордом: «1096 год. В первый день апрельских

нон видно было, как почти все звезды бегут, точно пыль, когда ее несет ветер. И это продолжалось от пения петуха до зари, и христиане всех стран двинулись с оружием в руках в Иерусалим». Этот аккорд, конечно, не подготовлен сознательно. Но создает впечатление искусственного. Ничего необычного не происходило в описываемые годы. На протяжении десяти лет дважды явились кометы и однажды было солнечное затмение. Остальные знамения: звездные дожди, затмения лунные, кровавые небеса — все это явления, на которые в настоящее время мы не обращаем внимания, а чаще всего просто не знаем о них. Мы лучше понимаем явления природы, но мало их наблюдаем. Хроникер XI века совсем не понимал их, но постоянно наблюдал. Он мало спал ночью и знал, что творилось на небе. Пусть и в монашеском облачении, он был хозяином-земледельцем, и небо с кровавыми отсветами, росами и засухой было господином его быта. Мы не должны удивляться, что на страницах его анналов занимают такое место падающие звезды и лунные затмения, но мы не должны обманываться его свидетельствами: нужно думать, что на небе и на земле во вторую половину XI века все обстояло приблизительно так же, как до или после. Иначе, однако, все обстояло в человеческой душе.

Во всяком случае, не из душевного угнетения, но скорее из творческого возбуждения должны мы вести странническую тягу XI века; не отчаяние снимало с места большинство путников, но вера и радость. Трудно поверить, чтобы материальные условия жизни были в XI веке хуже, нежели столетием раньше. Наоборот, после полутора веков норманнских опустошений, когда, осев на земле, превратившись в герцогов и графов новой Европы, прежние разбойники стали «по веревке измерять землю» и льготами звать на нее насельников, — началась интенсивная работа над одичавшими полями. Восстанавливались пути сообщения, возникали и обустроивались города, топор земледельца врубался в чащи, и в лесах появлялись новые, свободные деревни. Кипение жизни чувствуется в XI веке в Европе, и если монастырские хроники, в частности клюнийская, подчиняясь основной задаче призыва к повышенному идеалу «духовной жизни»,

одевает действительность в темные цвета, то они часто только принадлежат изображению, но не оригиналу.

Подъем, а не умирание характеризует бодрый, проснувшийся к новому бытию XI век. Этот подъем, как и всякий рост, не осуществлялся без страданий, но то были муки рождения, не агония смерти. Прошное своими тесными рамками давило на распускающиеся ростки жизни, ложилось могильным камнем на новые порывы, косность старины задерживала тягу к свету и, здоровое в своей основе, «стремление вдаль».

Но не сдержит Воскресшего
Темный гроб!⁴⁹

С общим рассветом и стоит в связи усиление страннических движений, учащающийся темп паломничеств. Новые препятствия, какие ставились на их дороге, не остановили пилигримов, но изменили форму паломничеств. Рядом с одиночками и небольшими группами все чаще появляется охрана, а крупные компании сопровождаются настоящими вооруженными отрядами. 700 странников отправились в 1026 году в Палестину под главенством Ричарда, аббата Ванского, и под прикрытием отряда всадников. В следующем году той же дорогой прошло паломничество графа Анжуйского, епископов Лиможского и Пуатье. В 1035 году во главе «множества своих подданных» к Гробу Господню явился Роберт Дьявол. Через тридцать лет Альтаихская летопись рисует движение огромной дружины немецких пилигримов. Более 12 тысяч человек, которыми руководили епископы Гюнтер Бамбергский, Зигфрид Майнцкий, Оттон Регенсбургский и Вильгельм Утрехтский, вступили в Венгрию, вызывая в городской и деревенской черни блеском своего убранства и богатством обоза удивление, зависть и жажду грабежа. В Сирии им пришлось выдержать несколько стычек с бедуинами, в которых обнаруживается, что большая часть дружины по обету шла без оружия и оказалась вынужденной защищаться камнями. Но меньшинство смогло помериться с нападавшими равным оружием.

Венгрия привыкала видеть на своей земле огромные массы людей, которые спустя полвека получили имя кресто-

носцев. Недавно крещенные ее короли возводили госпиции, заключали договоры по доставлению припасов армиям божьих странников. В Константинополе начинали присматриваться к физиономии «франков», взвешивая пользу или вред, какие они могли принести Византии. Так определялись пути, этапы этих путей и средства многолюдных странствий на Восток.

Правда, уже отчасти одетые бронею, это были все еще мирные паломничества. Они, как думают некоторые исследователи, нашли идеальное отражение в поэме о странствии Карла Великого⁵⁰, в которой описывается, как император ведет за собой огромную свиту рыцарей, множество подданных, слуг, вьючных животных. Но эта армия не ставит задачей завоевать Иерусалим. Ни в Святой земле, ни по пути в нее герои не предвидят возможности сражения. Сам Карл не одет и не вооружен для битвы. Патриарх является единственным хозяином города, куда странники свободно входят, строят церкви, возлагают дары на алтари. Изображение рисует идеальный мир, который не соответствует никакой исторической дате и никаким реальным событиям, поскольку со времени арабского нашествия христиане не могли помириться с тем положением, какое создалось в Палестине. Есть предположение, что вся картина свободного и независимого Иерусалима построена на контрасте с печальной действительностью, но мы все-таки имеем право предположить, что из жизни могли быть заимствованы детали грандиозного странствия-исхода, когда как будто весь Запад со своим императором в ширящемся движении, подобно многоводной реке, плывет к подножию Ливанских гор.

Нашествие турок насильственно остановило эту стихию.

Тем временем к концу XI века на европейском Западе накопились организованные силы. Одной из них была сила католической церкви, возглавляемая папством и поддержанная вдохновением Ключнийской конгрегации⁵¹. Другой — поставившая себя ей на службу сила норманнских кланов.

Боевые товарищи Вильгельма (Гильема) Завоевателя или вожди шаяк, отправившихся в начале того же века за Пиренеи, — все они шли с французского нормандского севера, имели далекими предками скандинавских викингов

и продолжали сохранять в крови воздух моря и страсть к безбрежным странствиям. Естественно для правнука «морских королей», восьмого или девятого сына в многодетной семье (вошла в пословицу плодовитость могучей расы), не имеющего доли в отцовском наследстве, — стремление искать счастья на чужбине. И он отправлялся за ним с мечом в руках, с призыванием имени св. Михаила. Некогда язычник, поклонник Одина, ныне ревностный прозелит христианства, он молился воинственному архангелу около утесов Мон-Сен-Мишель, прежде чем странствия и победы не привели его к апулийскому святилищу того же патрона на Монте-Гаргано⁵².

В борьбе с сарацинами итальянского юга, под влиянием союза с папством в голове Гвискаров и Боэмундов, нормандских князей Южной Италии, постепенно оформилась смелая церковно-политическая программа. В ее круг входило завоевание схизматической Византии и безбожной Сирии. Крестоносные лозунги зазвучали уже в битвах с сарацинами Сицилии. Они слышались и среди рыцарей французской Нормандии, идущих за Пиренеи.

Робер Гвискар⁵³, как и Вильгельм Завоеватель, признал себя вассалом римского первосвященника. В путях и целях могучего разлива французского феодализма нельзя не заметить направляющей руки церкви. XI век дает картину замечательных ее усилий к организации и широкому объединению сил, построенному на моральном базисе. Определенно намечается поток общественного мнения, который ведет церковь к очищению и реформе. Очаги реформы сперва представляются блуждающими огнями, вспыхивающими здесь и там: то в Риме, то в отдаленных монастырях Италии и Франции. Но пока сам римский престол не был освобожден от разлагающих, феодализирующих течений, зарождающиеся стремления не имели возможности развиваться. Но вот в 1049 году папой становится Лев IX, и в нем рассеянная энергия реформаторских порывов встретила поддержку. И если часто в епископате она встречает сопротивление, то монашеский мир в большинстве своем становится опорой реформ. Аббатства изымаются из-под власти местных епископов и попадают в прямое распоряжение папства. Вскоре

они концентрируются вокруг одного руководящего ядра, когда аскетов, идеалистов и реформаторов всего латинского мира начинает притягивать Ключинийская обитель.

Если она так быстро завоевала исключительную популярность, если в несколько десятилетий, точно колосья в урожайную пору, всюду выросли десятки ключинийских монастырей и в них теснились густые ряды прозелитов, это значит, что она удовлетворяла какой-то глубокой и настойчивой потребности современного ей мира. Частью этой потребности было желание в век сурового быта, притягивавшего внимание к грубому и внешнему, найти источник, питающий внутреннюю жизнь души. Но было и другое влечение — в век разделения и изолированности примкнуть к широкому социальному объединению, почувствовать себя членом братства, которое переступило бы границы сеньорий и противопоставило свое единство их раздроблению. Вожди Ключи уловили и сумели дать выражение этим устремлениям. Они создали корпорацию, раскинувшуюся по всему тогдашнему католическому миру и прочно спаянную, способную действовать быстро, под импульсом одной повелительной воли отца-аббата.

Эта единая воля Ключи находилась в гармонии с центральной волей католического мира. Строго централизованная, с фактически монархическим управлением, Ключинийская конгрегация, независимая от светских и местных духовных властей, была мощным орудием в руках папства как в укреплении его власти в церкви, так и в борьбе за независимость от светской власти. Задолго до момента, когда ключинийские монахи будут избираться на верховную кафедру церкви, Ключи и Римская курия непрерывно и согласно общались. И не было ни одного католического прелата, который сделался бы столь усердным гостем курии, как ключинийский аббат. Ключинийские монахи стали духовниками французских королей и германских императоров.

Правда, ключинийцы не были так подвижны, как их будущие преемники в воздействии на католическую душу — странствующие ордена XIII века. Они не превратили, в отличие от своих последователей, в главную арену своей деятельности городские площади и большие дороги. Они относительно

мало выходили из монастырей и относительно мало проповедовали. Но мир, в который они еще не решались идти, — сам пошел к ним, а они проявили широкое гостеприимство. Странствующий Запад скоро привык к дорогам, которые вели из одной клюнийской обители в другую, люди шли на свет их окон, словно на свет маяков. По этим дорогам двигались паломники, посольства и просто путники, передавались вести и указы. И по ним впоследствии прошел, горячо поддержанный Ключни, передававшийся из уст в уста призыв к крестовому походу. Аббатство Флёри стало своеобразным политическим клубом в течении Луары. Аббатство Гиршау держало в своих руках нити общественного мнения, а зачастую и народных движений Рейна.

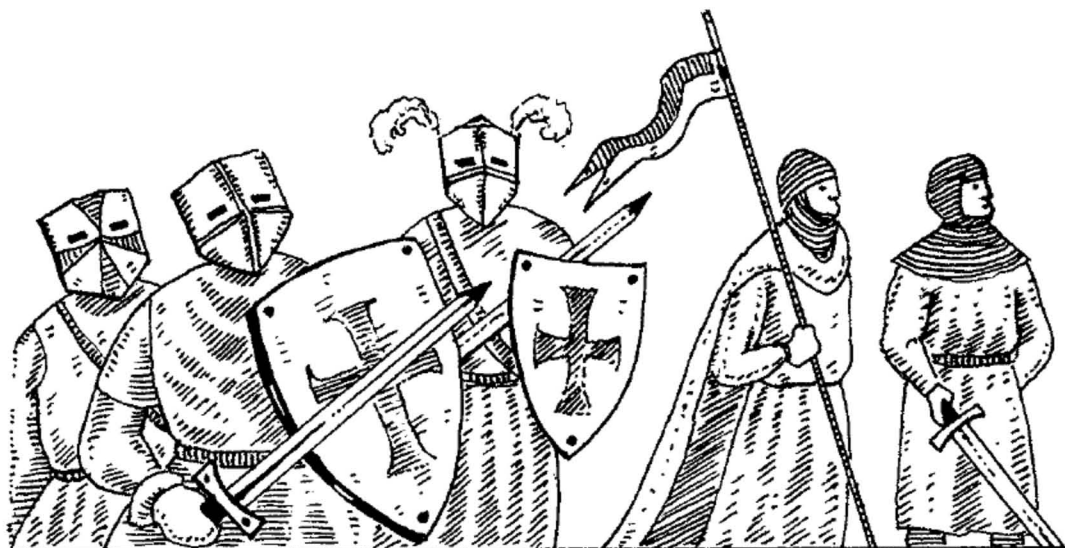
Влияние Ключни проявилось, впрочем, не только в неопределенном рассеянии религиозной энергии, но и в создании «союзов мира», общее руководство которыми взяли на себя папы. Заменяя государство, которого не существовало, церковь стремилась к обузданию насильнических инстинктов благородного класса, для которого война была развлечением. Смысл «союзов мира» был в том, чтобы оградить от бед, которые несли частные войны феодалов, определенные категории лиц. Каждый вступающий в такой союз давал обет исполнять его установления и подтверждал прочность обета клятвой, собственноручной записью, выдачей заложников. В церковные праздники, постные дни и периоды сельских работ люди, поставленные под покровительство церкви, защищались «Божьим миром», нарушение которого каралось церковным отлучением, а впоследствии — мирскими законами. Неприкосновенность также обеспечивалась родным и имуществу паломников, которые отправились к святым местам, и воинам, воюющим за Божье дело.

Только призыв к общему миру на Западе сделал возможным Первый крестовый поход. Уходившие должны были быть спокойными за судьбу остающихся. Положения «Божия мира» были подтверждены с большей, чем когда бы то ни было, торжественностью на соборах, созывавшихся в последние десятилетия XI века, и это не случайное совпадение: Европа собиралась с силами, чувствуя грозного врага в усиливающемся исламе. Запад переживал и по-своему оце-

нивал вести о том, что турки-сельджуки овладели Сирией и омывающими ее морями, наконец, о том, что они вступили в Иерусалим, — и в эти же годы из Византии прибывали посольства с просьбами о помощи против турецкой угрозы. Уже Григорий VII, бывший папой в 1073—1085 годах, готовился вести ополчения на Восток и ради этого даже хотел прекратить свой спор с Византийской империей. Но мысль эта потонула в конфликте с императором Генрихом IV⁵⁴.

Глава II

Первый крестовый поход

Первому крестовому походу в значительной мере способствовала агитация, которую планомерно развивала в 90-х годах XI века Римская курия. Наконец на соборе в Пьяченце, в начале марта 1095 года, папа Урбан II обратился с первым призывом помочь восточным христианам, а затем все лето того же года он, сам француз по происхождению и клюнийский монах, с тем же призывом странствовал по Южной Франции, и прежде всего по ее «клюнийским» территориям. Подготовив таким образом паству, 18 ноября в Клермоне собрали собор, который подтвердил обязательность для всех христиан «мира Божия», а затем папа появился на открытой равнине близ города и, обращаясь к огромному множеству уже подготовленных и наэлектризованных слушателей, произнес знаменитую речь, на которую народ ответил криком: «Так хочет Бог!» Адемар, епископ Пюи, тут же преклонил колена и просил папу благословить его на поход. Тысячи народа последовали его примеру. Знаком вступления в «святое воинство» был объявлен красный крест, нашивавшийся на правое плечо.

Четыре хроникера пересказали нам речь Урбана II, и у каждого она звучит несколько по-своему. Скорбью об унижении Святой земли, поругании Иерусалима, святого места паломничеств, горит при передаче этой речи сердце смиренного Бодри, епископа Дольского. Именно это чувство было преобладающим у рядового человека крестоносной среды. Гиберт Новигенский дорожит в папской речи мыслью об избранничестве народов Запада, и особенно французов, которым дано совершить дело, преданное Израилем и выпавшее из рук людей Востока. Он подчеркивает в своих комментариях, что само папство всегда было сильно поддержкой Франции и что Урбан II — француз и клюнийский монах. У Фульхерия Шартрского нашли отражение соображения папы о долге вселенского братства, о подвиге, который должен заставить весь христианский мир забыть свои раздоры: «Вы, притеснители сирот, вы, грабители вдов, убийцы и клятвопреступники, похитители чужого права! Как вороны, чующие трупы издали, вы чуете и подстерегаете битвы... Послушайте нашего совета, бросьте этот меч, спешите на защиту восточной церкви, удержите руку от братоубийства и встаньте вместе против чужих». За целью возвращения Иерусалима таким образом выдвигается цель спасения от гибели восточных церквей, свободного единения с ними в акте братской помощи. Хроникер Сигеберт из Жамблу чертит картину движения западного мира, которому «прозвучала Божья труба», в духе идеального представления о смысле крестоносного действия: «Западные народы... в несметном числе... герцоги, графы, магнаты, знатные и незнатные, богатые и бедные, свободные и рабы, епископы, клирики, монахи, старики и юноши, а также юноши и девушки, все в едином порыве, без всякого принуждения, стекаются отовсюду — из Испании, Прованса, Аквитании, Британии, Шотландии, Англии, Нормандии, Франции, Лотарингии, Бургундии, Германии, Ломбардии, Апулии и других стран; отмеченные и вооруженные доблестью и знаком святого креста, они готовятся отомстить за обиды Божьи врагам христианского имени».

За этим хором, правда, звучали и скептические голоса; эти голоса «высмеивали проходящие через их землю отряды конницы, пехоты, толпы поселян, группы женщин и детей», счи-

тая, что они «находятся в бреду», «поражены неслыханной глупостью». Но их было немного. Вокруг царил небывалый энтузиазм. «Содеянное Богом дивно явилось нашим очам. Чудесной благодатью Божией столь многочисленные члены тела Христова, разнящиеся по языку и народности, сливались в одно тело, одно царство, с единым царем — Христом». Эккехарт из Ауры описывает человека, «который, услышав во сне кантику “Радуюсь” и пение аллилуйи, сам стал подпевать голосам поющих и проснулся, одушевленный таким жаром паломничества, что не нашел в себе покоя, пока не двинулся в путь к местам, где ходили ноги Спасителя». Больные, умиравшие в эти дни, ложились крестом на смертном своем ложе с головой, обращенной к востоку. Этьен Бурбонский свидетельствует, что лица умерших крестоносцев улыбались. Движение было поистине стихийным. Люди «заражали друг друга».

Мы знаем имена некоторых особенно активных агитаторов. Но каждая деревня, очевидно, имела своего оратора, каждая группа своих вождей. Из них чаще всего в летучих заметках современников появляется имя эремита⁵⁵ Петра Пустынника из Амьена. В больших историях, сильно отодвинутых от Первого крестового похода, оно заполняет всю сцену, закрывая безымянные толпы, которые шли за ним, бросая тень на самого папу Урбана. У легенды о Петре есть своя длинная история. Эта легенда воплощает образ народной темноты — все, что было наивного и святого в чувствах толпы, и, все, что было в них неустойчивого и жестокого. Позднее Средневековье сделало из него главного героя Первого крестового похода, историческая критика XIX века, оценившая роль курии, совсем аннулировала легенду Петра Пустынника и констатировала полную безрезультатность того странного подвига, который он совершил со своими спутниками. Но теперь мы можем поставить эту фигуру на подходящее ей место.

Благочестивым мифом является, несомненно, рассказ о паломничестве Петра из Амьена в Иерусалим за год до созыва Клермонского собора, вещий сон у Гроба Господня, где явилось ему «величие Божие», посылая его на проповедь похода. Миф представляют и его появление в Риме, и речь

перед папой, вызвавшая будто бы поездку Урбана в Клермон. Мы знаем, что одно время Петр и в самом деле находился на пути в Иерусалим, но не дошел туда из-за помех, созданных турками. Во Франции его деятельность начинается только после Клермонского собора. Это типичный эрemit, которого некоторые анналы, говорящие о нем без особенной симпатии, изображают человеком небольшого роста, худым и суровым, с лицом, потемневшим от строгого выполнения заповедей аскетизма, босым, с длинной седой бородой, верхом на осле, с которого, из уважения к его всаднику, сдирали ключья шерсти, сохраняя их в качестве реликвии, так что в конце концов осел был ошипан догола. Действия Пустытника показывают в нем характерные для людей его склада упрямство, жестокость, узость мысли, неопытность в житейских делах и политических вопросах, крайнюю импульсивность. То, как он впоследствии покинет своих несчастных спутников в кошмарной обстановке обреченными на гибель на малоазийском берегу и сбежит в Константинополь, мирится в его характере с отчаянною смелостью, с какой он долго вел их по неизвестным ему дорогам Европы, Балкан и Азии. Его деятельность во Франции охватила преимущественно Берри, Орлеан, области к северу от Парижа. Здесь он набрал 15 тысяч человек (как исчисляют хроникеры), среди которых преобладали невооруженные пешие люди, но было и известное число мелких рыцарей, в том числе пресловутый Готье Ниций⁵⁶. На Рейне аналогичную деятельность развил священник Готшалк, с именем которого также связывают войско в 15 тысяч человек. Отмечают еще дружину графа Эмихо Лейнингена в 12 тысяч человек.

Все эти толпы составились большей частью из простолюдинов в марте и апреле 1096 года. Ярость толпы фанатиков, горевшей нетерпением сразиться с врагами Христа, и жадность голодного сброда, глаза которого разгорались на легкую добычу, обратились в первую очередь против евреев. Это — первые темные страницы крестоносного движения и первые грандиозные погромы, какие знают Средние века. Каролингская эпоха была относительно мирной и светлой порой в жизни еврейского народа, но со второй половины XI века начинаются мученические анналы еврейских гетто.

В конце апреля погромы разразились в целом ряде городов: Трире, Праге, Виссельбурге, Шпейере. В мае громы свирепствовали в Вормсе. В конце этого месяца Эмихо со своими 12 тысячами является к Майнцу. Епископ и бургграф заперли ворота города, однако позже, под угрозами осаждавших, их пришлось открыть. Более тысячи евреев укрылись в епископском дворце, но он был осажден, а епископ и бургграф вынуждены были бежать. Евреев принуждали креститься. Глава местной общины сжег себя в синагоге со своей семьей. Не менее грозные события разыгрались в Кельне. Синагога здесь была разрушена, свитки Торы разорваны и выброшены на улицу. Епископу удалось скрыть многие семьи в своих деревнях. В Трире евреи убивали, во избежание осквернения, друг друга и кидались в Мозель. Здесь, как и в иных случаях, высшая церковная власть и светское начальство пытались бороться с погромами, а население самих городов не принимало в них активного участия — все бесчинства творила пришлая чернь.

Еврейские кварталы в прирейнских городах, разгромленные и опустошенные, долго не заселялись, и только прибытие из Италии императора Генриха IV вернуло спокойствие в потревоженные гетто.

Прежде чем в Европу дошли вести о судьбе похода крестьянской армии Петра Амьенского, ей вослед начали двигаться регулярные армии крестоносцев. Церковь выработала особое, с течением времени все развивавшееся право для защиты покидаемых ими близких и имущества. Крестоносцам давалась отсрочка в долговых обязательствах, причем проценты не нарастали на сделанный заем, пока они находились «за морем»; семьи и имущество защищались канонами «Божия мира». Впрочем, многие, собираясь в путь, рвали все связи на родине и распродавали имущество.

Армии шли разными путями на Константинополь — условленное место сбора. Северные французы, лотарингцы и отчасти немцы под предводительством герцогов Нижней Лотарингии Годфрида Бульонского и Балдуина шли классической дорогой паломничеств — долиной Дуная. В Константинополь они явились в декабре. Отдельные отряды из Нормандии и Шампани имели во главе Роберта Нормандского

и Роберта Фландрского, Этьена Шартрского и Гуго Великого, брата короля Филиппа I. В разное время они достигли портов в Апулии и высадились в Дураццо, чтобы весной 1097 года добраться до Константинополя и нагнать первую армию уже в Малой Азии. С провансальцами, которых вел Раймунд Тулузский, шли многочисленные представители клира; среди них был духовный вождь похода Адемар, епископ Пюи. Они прошли Северной Италией, вступили в Восточные Альпы, прошли зимой через Славонию и, после нескольких стычек с печенегами, в апреле явились в Константинополь.

Каждое из крупных соединений имело своего летописца. Вдумчивый, спокойный Фульхерий, каноник Шартрский, связал свою судьбу с герцогами Лотарингии. С ними он и очутился в Иерусалиме. Раймунд Агильский был хроникером южнофранцузского ополчения, следуя всюду за своим любимцем князем Раймундом. Родину анонимного автора лучших мемуаров Первого крестового похода — «Деяния французов и других борцов за Иерусалим» — искали долго в разных углах крестоносной Европы. В конце концов внимательное чтение его полной жизни хроники привело к заключению, что он был итальянец (притом, единственный из всех хроникеров, светский рыцарь — живое воплощение чувств и дум «среднего» крестоносца). Он вышел с тем четвертым потоком крестоносного войска, который двинулся из Южной Италии за Боэмундом, князем Тарентским, сыгравшим впоследствии важную роль в направлении и лозунгах всего движения.

Замечательная фигура князя Тарентского — предмет непрерывного восхищения наивного хроникера. «Мудрым», «храбрым», «атлетом Христовым», даже «ученейшим» называет он его. «Ты — честь и краса земли, решитель войны и судья битв». Похвалы эти незаказные. Они смолкли после неприглядных впечатлений княжеских раздоров около Антиохии. Несомненно, во всяком случае, что в лице Боэмунда крестоносное войско получило не только первоклассного стратега и дипломата, хорошо знакомого с ухищрениями византийской политики, быстро ставшего если не душой, то головой всего предприятия, но и носителя «итало-норманнской» идеи, которая наложила печать на все движение

и со временем привела к плану оккупации Константинополя. В противоположность бескорыстной мечте Урбана, это была идея религиозно-политического подчинения Востока. Иерусалим и интересы восточных церквей играли в ней второстепенную роль. Зато выдвигался план создания сильной восточно-латинской державы, которая организовалась бы под главенством нормандской династии с благословения папского престола и имела отправной точкой Антиохию с ее — так утверждала популярная в ту эпоху легенда — «древнейшей кафедрой св. Петра».

Все эти войска со своими вождями и летописцами прошли весной 1097 года через Константинополь. Перед всеми возникал вопрос, в какое отношение к Византии станут крестоносцы и их будущие завоевания, имеющие совершиться на прежней территории Восточной империи. Многое изменилось с тех пор, как император Алексей Комнин слал Западу просьбы о помощи, — во всяком случае, ему удалось укрепить свою власть. В Константинополе были осведомлены о составе и настроении крестоносного войска. Здесь знали о воинственности западных рыцарей и повторяли с ужасом, что даже священники и церковные прелаты ищут кровопролитий и потасовок. Армия Петра Амьенского показала, чего можно ждать от западного сброда, натворившего немало бед в царском городе. Из всего этого вырос план византийского правительства: изолировав отдельные ополчения и завязав с ними возможно дружеские отношения, накинуть узду на их действия и как можно скорее отправить на азиатский берег, связав определенным договором.

Перед лицом войск латинского Запада, вступавших на территории Византии, базилевс мыслил себя так, как мыслили себя его предшественники много веков назад в отношении германских и славянских варваров, которых они звали спасать империю и служить ей. Эту точку зрения отразила в своем повествовании византийская царица Анна Комнина. Она не чувствует, замечает один из ее биографов, что римский мир рушится. Для нее античная цивилизация, центр которой перенесен в Константинополь, жива, и Восточная империя — единственная законная, организованная сила. Поставленная в центре жизни «второго Рима», вскормленная

самыми гордыми традициями его, она верит, что варвары существуют лишь в виде низшей стихии, подлежащей использованию и обузданию.

В итоге длинного ряда переговоров, интриг и проволочек, во время которых Гуго даже побывал у византийцев в плену, а Годфрид оказался как бы в осажденном лагере за стенами Константинополя, — все бароны принесли императору вассальную присягу, в силу которой обязывались, по словам Анны, «все замки и города, которые они завоюют на пути, подчинить власти императора», а по выражению (значительно более благоприятному для крестоносцев) Раймунда Агильского, «без воли императора не удерживать ни города, ни замка, составляющих достояние империи». Так вольно или невольно заключен был греко-латинский союз, и, сопровождаемые греческими проводниками и небольшими отрядами греческого ополчения, крестоносцы двинулись на малоазийский берег. Первая победа была одержана ими (в начале июня) под Никеей. Еще до вступления их в город над ним взвилось знамя императора.

Эта победа так же, как и следующий успех под Дорилеей, были важными моментами, после которых движение крестоносцев по Малой Азии совершалось относительно свободно. Они страдали не столько от военного противодействия, сколько от трудных условий перехода по выжженной степи, недостатка воды и провианта. С печальным юмором описывает Фульхерий, как, потеряв множество людей и лошадей, крестоносцы вынуждены были седлать быков и переложить обоз на свиней и баранов. У Гераклеи разбилось единство крестоносного войска. Балдуин с Танкредом, отделившись от него, углубились в Киликию и овладели ее укреплениями. Затем, после споров с Танкредом, Балдуин проник в Великую Армению, занял ее, получив поддержку армянского населения, вплоть до Эдессы, где стал соправителем местного князя Тороса, а после его предательского убийства единственным государем — «графом».

Трудно сказать, сознавали ли крестоносцы все значение, какое получило в общем ходе завоеваний это предприятие. Путь по долине Евфрата был, пожалуй, единственной дорогой, по которой турки могли поддерживать свою военную

силу в Сирии. Поставив здесь, на самых истоках Евфрата, прочный бастион, эдесские графы изолировали Сирию от багдадской ее базы. Во всяком случае, те полвека, которые продержалось Эдесское графство, были периодом поступательного движения латинской стихии на Востоке. Оно замедлилось и остановилось, даже пошло назад с падением Эдессы в 1147 году. Нужно заметить, что устойчивость латинского владычества обуславливалась дружелюбием армянского населения. Вообще же надо заметить, что поддерживать добрые отношения с местным населением крестоносцам удавалось не всегда, что и стало одной из причин непрочности их положения в завоеванных областях.

Остальное войско после более или менее длительных испытаний выбралось в Киликию и здесь вздохнуло свободно, встретив помощь со стороны местных христиан. Перед ним стоял теперь прямой путь на юг, и ближайшей целью была Антиохия. В дальнейшем движении к Иерусалиму крестоносцы рассчитывали на дружественные отношения со стороны правящей в Египте арабской династии Фатимидов. Теснимая турками, держава Фатимидов при известных условиях могла стать союзницей христиан.

Антиохийский эпизод принадлежит к самым величественным в крестоносной эпопее. Ему посвящено множество сказаний, писем, песен, мемуаров. У Антиохии подверглись очень серьезному испытанию — и во многом не выдержали его — энтузиазм крестоносцев, искренность вождей, вера в них пришедших из Европы масс. В истории остались долгая осада могущественной крепости, защищенной с севера рекой Оронтом, а с юга горой и стеной с 450 башнями; помощь армян в минуту, когда плохая организация доставки фуража, обрекла войска на голод; неожиданная поддержка генуэзского флота, привезшего инженеров и осадные машины; хитрость Боэмунда, сумевшего найти предателя, местного оружейника Фируза, и овладеть городской башней; вступление крестоносцев в Антиохию и устроенная ими резня на улицах города, где им через четыре дня, в свою очередь, пришлось подвергнуться осаде со стороны подоспевшего мосульского эмира Кербогги. В этой осаде множество крестоносцев погибло от голода и от чумы. Положение их посте-

пенно сделалось безвыходным; спасение могло прийти только каким-нибудь чудесным образом. Они и ждали чуда, живя в атмосфере видений, грозных или утешительных, которыми так богаты оказались дни антиохийской осады. Эти видения усердно заносил в свою хронику Раймунд Агильский. Для него, импульсивного, вечно возбужденного, ад и рай отделены, точно в средневековой мистерии, тонкой прослойкой земной сцены, и сквозь проделанные в ней дыры постоянно пролезают черти и святые. Они гуляют по улицам Антиохии, смешиваются с крестоносцами и направляют их действия. Наконец монаху Пьеру Бартелеми в видении является святой Андрей и указывает, где находится в Антиохии копьё, которым прободен был бок Спасителя. С этим копьём войско, руководимое Боэмундом, если верить Раймунду Агильскому, и пробило себе дорогу из зачумленного города и рассеяло турок. Так или иначе крестоносцы разгромили войско Кербоги, и путь в Иерусалим был свободен.

Но к этому времени принимают все возрастающие размеры те явления, которые и ранее расхолаживали энтузиазм самых искренних. Завоевательные планы, с которыми начинают носиться бароны, вызывают раздоры, грозят расколоть единство войска. Боэмунд претендует на Антиохию и остается здесь, чтобы укрепить обретенное княжество. Раймунд Тулузский решает вознаградить себя за счет Триполи.

В начале июня 1099 года, через три года после начала крестоносного движения, уменьшившееся вшестеро ополчение подошло к Иерусалиму. Воспоминания о горьких и разочаровывающих впечатлениях пути потонули в том чувстве восторга, с каким путники приветствовали открывшиеся им в золотое июньское утро стены священного города. Отказавшись от мысли взять Иерусалим приступом, крестоносцы обложили его осадой, принялись громить его укрепления таранами, которые доставил тот же геноуэзский флот.

Рядом с обычными средствами обе стороны прибегали к священной магии. Женщины, бывшие внутри города, пением заклинаний пытались отвратить летящие из-за стен стрелы. Христиане, в свою очередь, совершали процессии в тайной надежде, что от трубного звука стены Иерусалима падут. 15 июля Годфрид и Евстахий проникли в город с се-

вера, Танкред и Роберт Нормандский с запада, через ворота св. Стефана, а Раймунд овладел Башней Давида — древней цитаделью, расположенной недалеко от Яффских ворот. Крестоносцы вступили в Иерусалим.

Картина овладения городом представляется ужасной. Торжествующее христианское воинство топило мусульманское население в его собственной крови. Весь гнев, копившийся в долгие годы страданий от утраты Иерусалима, и вся жадность к богатой доставшейся добыче проявились с отталкивающей силой. Но отвращения, которое вызывает в нас описание вступления в Иерусалим, не испытал ни один из хроникеров похода. Совершившееся рисуется им справедливым удовлетворением поруганному в своей святыне Бо-жью величию и оскорбленному чувству христиан. Только у Фульхерия, когда он говорит, что «не щадили ни женщин, ни малюток», слышатся ноты жалости. Но все зловещие тени разбегаются перед солнцем освобожденного Иерусалима; все тонет в торжественной осанне. «И после долгих страданий стали они расходиться по городу, расселяясь по опустевшим домам... Но прежде всего двинулись они к Гробу Господню... Торжественно шли все — клирики и миряне, с громким ликованием воспевая Господу песнь новую. Ибо предстали, наконец, перед ними воочию святые, давно желанные места. О день благодатный, о время, памятное навеки среди иных времен! Разве не было стремлением многих веков, чтобы святое место, оскорбленное неверными, вернулось к первоначальному своему достоинству, в руки верных? Земля, где ходил, учил, страдал, умер, воскрес и вознесся Христос, где все полно Его сияющей славы, обновилась к лучшей славе и отдана православным. И то, что Господь наш, через этот народ Свой, Им любимый, Им для этой цели возвращенный, предызбранный для этого подвига, восхотел совершить, то до конца веков памятным в языках всех племен останется и прозвучит».

Сразу же, однако, возникли сложные и трудные вопросы: как управлять Святым городом и как сохранить власть в Палестине? Самый блестящий из вождей ополчения Бо-эмунд не предъявлял притязаний на Иерусалим, который представлялся малоодоходной, хотя и почетной добычей. Но

антиохийский князь не мог допустить, чтобы ею завладел его соперник Раймунд Тулузский. Этому противилась и Византия. Боэмунду, по-видимому, принадлежит ненадолго осуществившийся план сделать из Иерусалима нечто вроде духовной сеньории с патриархом (им избран Арнульф, прибывший в Палестину в качестве капеллана при Роберте Нормандском) во главе и с светским фогтом, «бароном Гроба Господня» при нем. Это место предоставили честному и непротивительному герцогу Нижней Лотарингии Годфриду.

То, что отпечатлелось в ближайших к событиям мемуарах Первого крестового похода, и то, что «прозвучало» в более поздних песнях и вошло в хроники второго и третьего поколения (таковы хроники Альберта Аахенского и Гильома Тирского), сильно расходится в изображении происшедшего. Боэмунд для итальянского анонима, Балдуин для Фульхерия, Раймунд Тулузский для Раймунда Агильского стоят на первом плане исторической сцены. Пройдет одно поколение — и рядом с ними, и даже выше их, уже в событиях, предшествовавших взятию Иерусалима, выдвигается фигура Годфрида Бульонского. Хроника Альберта сосредоточивает вокруг него всю иерусалимскую эпопею: «Начинается книга экспедиции в Иерусалим-город, где рассказаны славные деяния герцога Годфрида, чьим рвением и трудами Святой город возвращен христианам». Нетрудно найти объяснение этому: между Альбертом и его предшественниками лег факт огромного значения — образования Иерусалимского королевства. Царствовавшая уже несколько поколений династия поощряла сказания, озарявшие славою ее начало. Еще шаг — и мы попадаем в волшебный круг саги о «Рыцаря Лебеда»⁵⁷, которая стала фамильной сагой Бульонского дома.

То, что Годфрид стал героем крестоносных сказаний, определилось не только влиянием правящей в Иерусалиме династии. «Площади французских городов и дворы французских замков звенели песнями о героях каролингского цикла»⁵⁸, когда пришел день крестового похода, — говорит Гастон Парис⁵⁹. — Так можно ли думать, что вдохновение труверов осталось безмолвным перед лицом западного рыцарства, которое поднялось, нашивая крест на свои одежды, увлекая за собою население юга и севера, которое увидело Констан-

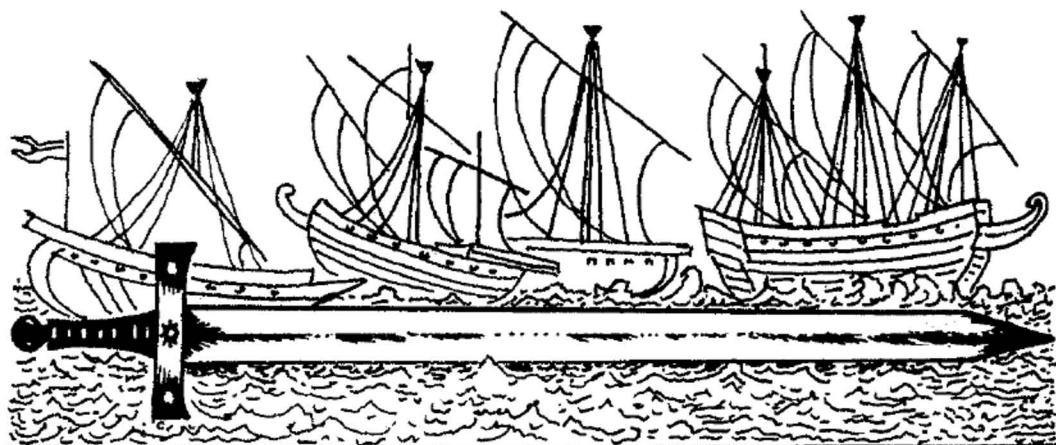
тинополь, прошло Малую Азию и водрузило христианское знамя у ворот Гроба Господня?..» Немало сказаний и песен слагалось о князьях, доблестно бившихся в Палестине, и многие из них были прославлены, но особенно выделяется образ барона, который на пути в Святой город ни разу не запятнал себя личными исканиями и после ухода большинства крестоносцев встал на страже Гроба Господня.

В один из последних дней августа 1100 года, когда корабли отбывавших в Европу крестоносцев поднимали паруса и происходило прощанье с остающимися (в этот день было положено оружие; отъезжавшие и оставляемые держали пальмы в руках), Готфрид произнес им прощальное напутствие: «Храните память обо мне; напоминайте братьям-христианам, чтобы они не колебались идти к Гробу Господню; не забывают о Святой земле, о нас, остающихся в изгнании». С этого дня начинается легенда о нем.

Если для пизанцев, генуэзцев, венецианцев Палестина скоро станет прозаической реальностью, то для заальпийских европейцев страна, где было так много пережито и много достигнуто, останется как прежде — и даже более, чем прежде, — краем чудес. Но они будут знать, что в этой далекой святой стране правит князь, который один оказался достоин иерусалимской короны, но отверг ее⁶⁰.

Глава III

Движение на Средиземном море

«**Н**е подлежит сомнению, — говорит историк Адольф Шаубе⁶¹, изучавший экономические вопросы Средневековья, — что среди разнообразных побуждений, вызвавших к жизни великое крестоносное движение, коммерческие интересы не играли никакой роли». Но если действительно не они создали крестовые походы, то, наоборот, крестовые походы оказали могущественное влияние на торговое развитие средиземноморских народов. Можно сказать больше: торгово-промышленное движение стало составляющей частью крестоносного. Без него было бы невозможным закрепление на столь долгое время латинских завоеваний на мусульманском Востоке.

Для нового населения Палестины не могли служить постоянной связью с родиной те сухопутные дороги, по которым шел Первый крестовый поход, как бы ни были они освящены именами Готфрида Бульонского и Карла Великого. Путем повседневных и частых сношений могло сделаться только море. Деятельным посредником на морском пути стали итальянские и позже города французского юга. Когда впо-

следствии, в годы разочарования и усталости, великий исход Запада стал представляться бесцельным порывом, в торговле можно было все-таки увидеть его прочные результаты.

Морские города Италии приступили к торговым операциям с Палестиной очень осторожно. Их экспедиции на Восток начались сравнительно поздно и принесли ощутимую выгоду много позднее завоевания Иерусалима. Но этим относительно большим предприятиям предшествовали малые, в которых проявили себя главным образом генуэзцы. Их корабли снабжали крестоносцев, когда те осаждали Антиохию. Еще важнее была их помощь, когда сами крестоносцы оказались осаждены в Антиохии Кербогой, и позже, когда, застряв у Ирки, крестоносное войско гибло в безводной равнине. Мы уже отмечали участие генуэзцев во взятии Иерусалима.

Именно последнее событие позволило в Палестину славные республики Италии — их большие хорошо снаряженные флоты двинулись сюда один за другим. Эта грандиозная морская демонстрация Запада должна была произвести изрядное впечатление на сарацин. Первым явился пизанский флот в числе 120 кораблей, привезший своего епископа Даимберта и мотивировавший свое появление повелением папы Урбана. В мае 1100 года прибыл венецианский флот в 200 кораблей. Его вели епископ Кастелло и сын дожа Джованни Микаэль. С их участием крестоносцы овладели гаванью Акры. Генуэзцы немного припоздали и явились последними на 26 галерах и нескольких десятках транспортных судов. Городской совет отправлял их в спешке, опасаясь, что Пиза и Венеция перехватят инициативу в обеспечении себе торговых преимуществ на Востоке и Генуя останется на бобах. В конце апреля 1101 года генуэзцы приняли участие во взятии маленького Арсуфа и цветущего торгового города Кесарии.

Главная цель морских экспедиций, однако, заключалась не столько в новых завоеваниях, сколько в закреплении захваченных берегов. Мы уже говорили о том положении, в котором очутился после завоевания Святой земли барон Гроба Господня. Мы видели, что среди князей, споривших за Антиохию и Триполи, не нашлось охотника на Иерусалим. Расчет нарезать себе блестящих сеньорий на завоеванном Востоке, который руководил частью крестоносных вождей,

реализовался лишь для немногих, и недовольные потянулись домой. Что касается наивного энтузиазма массы народной, то он был еще менее прочной почвой, и опереться на него было невозможно. Те из этой массы, кто не разбежались от голода под Иркой, не умерли от антиохийской чумы и донесли свой энтузиазм до Иерусалима, скоро его здесь насытили. Добравшись до Гроба Господня, искупавшись в Иордане и наломав пальмовых ветвей в Иерихоне, они сочли свою задачу исполненной. Таким образом, защищать завоевания Первого крестового похода осталось не так уж и много людей.

В связи с этим представляется несколько загадочной та пассивно-выжидательная позиция, которую занял в 1100 году мусульманский Восток. Еще недавно выдвинувший против огромной крестоносной армии сотню тысяч войск Кербози, он предпочел бездействие перед лицом каких-нибудь десятков тысяч Готфрида. Но явление это становится менее загадочным, если вспомнить, что мусульмане не могли не учитывать наличие итальянских эскадр, бросивших якоря в главных гаванях сирийского побережья.

Вооруженные дружины купцов и их колонии станут тем цементом, который спаяет молодой латинский Восток со старым латинским Западом. В их интересах была энергичная поддержка усилий христианских властителей страны захватить власть над всем побережьем. Свободнее всего действуют здесь в первое время ближайшие союзники нормандских князей — генуэзцы. Впрочем, своеобразной чертой их политики является полное безразличие в отношении того, для какого князя добывается тот или иной город. Арсуф был завоеван ими для Готфрида, Триполи, Тортоза, Большой и Малый Джебеле — для Раймунда. В 1110 году они участвовали в завоевании Лаодикеи нормандскими князьями. В общем, они готовы были бросить в бой свои галеры ради всякого латинского князя, который, в свою очередь, был готов обеспечивать им коммерческие привилегии в завоеванном пункте. Значительно бледнее роль пизанцев, сливавшихся обыкновенно с генуэзскими эскадрами и ограничивавших свои притязания севером Сирией.

Труднее других было определить свою роль венецианцам. Со времени взятия Антиохии у большинства вождей кресто-

носцев очень ухудшились отношения с Константинополем, и Венеции, давней союзнице византийцев, нелегко было сделать свою ставку в игре. Но Венецией управляли достаточно хитрые политики, которые нашли способ получить долю в добыче, не идя на прямой разрыв с Византией. В 1110 году дож Орделаффо Фальери лично возглавил большую морскую экспедицию, которая, в союзе с королем Балдуином, захватила Сидон. Еще более важный успех был достигнут взятием Тира, для чего в 1122 году Венеция двинула 120 судов и дала займы королю и патриарху 100 тысяч золотых.

Так проявилось запоздалое, расчетливое, почти свободное от тех мотивов, которые двигали первыми крестоносными ополчениями, участие итальянских республик, которые никоим образом не претендовали на политический суверенитет. На равнинах Сирии и Палестины ни генуэзцы, ни венецианцы не создали ни одного княжества, предпочтя конкретную выгоду от торговли. Предоставив другим звучные титулы антиохийских князей, эдесских и триполитских графов и иерусалимских королей, свалив на них всю тяжесть ответственности, которую между равно почти враждебными мирами мусульман и греков, «между Персией и Византией», несли на своих плечах латинские бароны, не определяя слишком отчетливо своих отношений, если не к «Персиде», то уж точно к Византии, они стремились только к тому, чтобы иметь опорный пункт в каждом из важных торговых городов, квартал для комфортабельной и приятной жизни своих агентов, чаще всего «ругу (улицу), идущую к морю», на ней свою церковь и, как настойчиво подчеркивает большинство договоров, «фондако⁶², фонтан и баню». Поступаясь политическими правами, итальянцы, как правило, получали взамен коммерческие привилегии. Таков смысл договора, заключенного в 1098 году генуэзцами с Боэмундом как государем Антиохии. За первую четверть века генуэзцы получили по трети Арсуфа, Кесарии, Акры, Триполи, Бейрута, Лаодикеи и Джебеле, площадь в Иерусалиме, улицу в Яффе. Колонии пизанцев сосредоточились преимущественно на севере, в сфере влияния нормандских князей. Те и другие получили гарантии, что не будут подвергаться поборам и, в случае неожиданной смерти на Вос-

токе, право охраны имущества до передачи его законному наследнику.

Но все эти колонии бледнеют перед колониями венецианцев. Явившись в Палестину позднее других, царица Адриатики получила здесь львиную долю. Вспомним только знаменитую привилегию 1123 года, которая, по имени патриарха Иерусалимского, подписавшего ее (король Балдуин II был в то время в плену), получила название «привилегия Варамунда». Согласно ей, венецианцам досталась треть Аскалона и, что еще важнее, треть Тира. На иерусалимском рынке они получили столько же домов, лавок и участков, сколько имел иерусалимский король, в Акре — целый квартал. В границах «своей» территории они использовали собственные меры, здесь ходила венецианская монета и действовал независимый от иерусалимского короля суд. Правительству венецианской общины, в сущности, были даны те же права, что королю над своими подданными. Столицей венецианских поселений стал Тир, где возникла церковь Св. Марка, в некоторых своих чертах повторяющая знаменитую одноименную венецианскую базилику.

К территориям, переданным колонистам, пристегнули обширные сельские районы, крепостное население которых после власти греческих, сирийских, потом арабских и, наконец, турецких владельцев должно было принять еще более тяжкое иго западных господ. Новым хозяевам приходилось отдавать до трети урожая и вообще всего того, что производилось. Таким образом, значительную часть вывозимого с Востока европейцы извлекали из земли Сирии, как натуральную повинность с ее огородов, хлопковых и сахарных плантаций, виноградников, садов, оливковых, миндальных и апельсиновых рощ, из развитых здесь шелкового и бумажного производств.

Рейсы на Восток совершались из итальянских городов с завидной пунктуальностью. В Пизе были в обычае индивидуальные экспедиции. Из Генуи и Венеции корабли отправлялись, как правило, большими караванами, что объяснялось просто: здесь местные правительства принимали непосредственное участие в торговой жизни, властно ею руководили и соответственно не желали терпеть конкуренцию

со стороны предприимчивых одиночек. Торговые суда по большей части шли в сопровождении военных кораблей. Из Генуи такие флотилии выходили раз в год, в августе или сентябре. Венеция отправляла их дважды: весной и в конце августа. Венецианские флотилии следовали через Ионические острова, затем через Родос и Кипр, а дальше уже к сирийскому или египетскому берегу, с которым также оживились давние торговые связи. Генуэзские и пизанские корабли, пройдя Мессинским проливом, следовали той же дорогой, если не считать периода враждебных отношений с Сицилией, когда они делали большой круг, огибая Корсику и Сардинию, и держали путь вдоль африканского берега, пока не показывались александрийские маяки. Путь итальянских моряков считался легким и быстрым, особенно если сравнивать его с сухопутным. При благоприятной погоде купеческие корабли проходили его в две недели.

Генуэзские флотилии проводили на Востоке всю зиму; венецианский весенний караван возвращался в сентябре, осенний — в мае. Этого времени было достаточно, чтобы посетить все прибрежные гавани и съездить в Дамаск и Багдад. Бывало так, что купцы возвращались с тем же караваном, с которым и прибыли, но некоторые, если того требовала коммерция, оставались и отбывали домой уже со следующей флотилией. Случалось и так, что в своих действиях в Святой земле купец был связан контрактом с республикой, формировавшей флотилию, где прописывалось, где, чем и как он мог торговать.

Строгая регламентация такого рода предприятий объясняется тем, что в них были заинтересованы самые влиятельные круги. Городская знать, носители государственных должностей, просто богатые люди вкладывали в восточную торговлю большие капиталы, то есть купцы, плывшие за море, редко когда рисковали только собственными средствами. Из генуэзских архивов видно, что в торговых операциях участвовала почти вся местная аристократия, причем активными их участниками были только младшие члены семей, тогда как старшие не покидали своих городов и выступали в роли акционеров, пайщиков или банкиров. Перекладывая непосредственный труд на тех, кто стоял ниже ее в социальном

отношении, зная, не выходя из дома, получала изрядные барыши. Впрочем, у нее тоже хватало забот. Ее делом было, заседа в городском правительстве, следить за поворотами внешней политики, регулировать отношения с сарацинами, Византией, иерусалимскими князьями, а также с соседними республиками, в нужных случаях отправлять посольства, а то и организовывать военные экспедиции. Здесь не имеет смысла даже говорить о частной торговле. Всякое торговое предприятие, чтобы не быть безрезультатным, должно было не только пользоваться покровительством флага своей страны, но прямо заинтересовать в своем успехе как можно больше членов правительства. Тогда купец, уходящий в плавание, мог быть уверен, что со своего сенатского кресла, из дворца над зеленой лагуной Венеции или над синими волнами Лигурийского залива чей-то благоприятный глаз следит за его кораблем и направляет в желательном для него духе политику республики.

В этих предприятиях, как они рисуются через архивы, любопытны подробности. Когда некий Солиман отправляется в 1156 году на Восток с генуэзским кораблем, он получает самые разнообразные поручения. Ожеро Венто дает ему серебряную уздечку, 10 фунтов и 2 унции шафрану, а также 15 генуэзских лир, которые Солиман должен превратить в товар, а вырученные за товар деньги передать сыну Ожеро, поселившемуся в Александрии, причем уже не лиры, а египетские бизанты из расчета два и три четверти бизанта на лиру. От имени малолетнего знатного генуэзца Элио консулы города дают Солиману 96 лир, а некий Рибальдо Факсолио — 5 лир. Два других генуэзца, Мальфуастеро и Гвидо, поручают купцу товары для продажи. Перед первым Солиман обязуется, продав его товары в Александрии не менее чем за 110 бизантов, добраться до Каира, купить там гуммилака⁶³ и бразильского дерева⁶⁴ и отдать все по возвращении в Геную. Товары Гвидо он обещает продать за 280 лир в Александрии, чтобы отдать деньги идущему вместе с ним сыну Гвидо, если тот решится из Александрии предпринять дальнейшее странствие на свой страх. Если же молодой человек останется в обществе Солимана, последний пускает дальше капитал в оборот и обязуется привезти отцу перца и черного дерева. Вернувшись,

Солиман расплачивается с доверителями. Элио, например, он привез 105,5 лир, полцентнера перца и пакет бразильского дерева. Соответственно нажились и другие. Что Солиман хорошо заработал на этом предприятии, видно из того, что через четыре года он покупает с двумя другими купцами корабль, причем оплачивает половину его стоимости. И долго еще в архивах встречаем мы следы его торговых сделок. Их малые размеры компенсируются непрерывностью. Сплошь да рядом в сделках прибегают к кредиту, лично-семейному в первое время, — товары, полученные в одном пункте от отца, выплачиваются деньгами сыну, который живет где-нибудь на Востоке. Отсюда недалеко до торговых банкирских домов, филиалы которых вскоре разбросаются по Средиземному морю. Благодаря им член или клиент кредитного товарищества сможет двинуться в путь, не неся мешка с золотом. Сделки начинают регулироваться векселями, из которых постепенно вырастает система ассигнаций.

В товарном обмене Европа, сначала малоактивная, становится все более деятельной. Кроме товаров, которые она извлекает в качестве оброка из сирийских колоний, она многое вынуждена покупать за деньги: драгоценные камни и пряности Дальнего Востока, появляющиеся на сирийских рынках и в Багдаде; персидские ткани и бирюзу; хлеб, соль и рыбу с берегов Черного моря: наконец, все египетские товары: батист и кисею, стекло, бразильское дерево, перец, квасцы. Сначала европейцы за все это платят преимущественно золотом, но с течением времени они усиливают собственный экспорт. Если в X веке Европа везла на Восток преимущественно рабов, дерево и оружие, из коих только последний товар был произведением индустрии, для второго приходилось облезливать хребты Италии, а третий был позорным пятном «христианской» коммерции, то уже в XII веке этот список значительно расширяется. Испанский шелк, французское и фландрское сукно, полотно Реймса, Камбре и Валансьена начинают не только в Европе конкурировать с восточными тканями, но появляются и в Сирии. Иерусалимские госпитали тысячами локтей и сотнями штук выписывали из Европы красные и зеленые сукна и толстые шерстяные одеяла.

Круг европейской восточной торговли захватывает Византию, но отводит ей все более пассивную роль. В архивах сохранилось не одно свидетельство, что даже восточные товары нередко доставлялись на византийские рынки венецианцами, корабли которых стали посредниками в торговле Византии как с Сирией и Египтом, так и с Западной Европой. Венецианцы и отчасти генуэзцы получают все больше привилегий на рынках Византии, создают все больше колоний в ее городах, успешно конкурируют с греческими купцами на островах Средиземного моря. Не наша задача входить в анализ византийской политики XII века, но мы не можем не отметить, что императоры из Комнинов, бывшие соперниками латинских баронов в Малой Азии и Сирии, в том, что касается вопросов культуры, были западниками. Они стесняли западное завоевание, но широко открывали двери западной торговле и культурным влияниям.

Однако это не встречало сочувствия в местном населении, которое поначалу глухо роптало. Но рано или поздно недовольство должно было найти выход, и при Алексее II (1183 год) случился мятеж, приведший к избиению западных купцов. Те из них, кому посчастливилось уцелеть, скоро вернулись в свои кварталы. Но страх, который они пережили, никуда не исчез. И это стало одним из стимулов Четвертого крестового похода.

Глава IV Латинская Сирия

Уже в первое десятилетие христианской власти в Сирии в ее правящих семьях произошли передвижения. Барон Гроба Господня скончался через год после взятия Иерусалима. В Палестине был избран его преемник. Но этот преемник, брат умершего барона эдесский граф Балдуин (он передал свой эдесский престол сыну, тоже Балдуину), не пожелал остаться в скромной роли патриаршего фогта и венчался иерусалимским королем. Боэмунд, освободившись из турецкого плена, куда он попал после случайной стычки, затеял открытую войну с Византией и был полностью разбит. Потерпев крушение своих планов, он вынужден был заключить с византийцами договор, согласно которому стал византийским вассалом, а в Антиохии утверждался греческий патриарх. Впрочем, Танкред, его наследник с 1111 года, отказался выполнять этот договор. Раймунд только в 1104 году добился своей заветной цели — обладания Триполи, но сам пал в триполийской осаде, задушенный дымом пожара. Так в относительно молодые еще годы со сцены первое поколение крестоносных вождей, истощенное напряжением

эпического своего подвига, растратив силы в приспособлении к непривычным условиям быта. Более устойчивыми и долголетними будут правления их сыновей и племянников: иерусалимских Балдуинов (от I до V) и Амори, антиохийских Боэмундов (от I до VIII), триполийских Раймундов и Бертрамов и т. д. Сомкнув цепь феодальных связей около верховной иерусалимской короны, они начинают работу по возведению «готического» сооружения на восточной земле.

Это момент совершенно исключительного интереса для историка и социолога. Европейский феодализм, выросший бесшумно и незаметно на старой родине, не отлившийся в писанный кодекс, теперь, в новых условиях, невольно вынужден был оглянуться на себя, определить свои принципы и произвести в них какой-то выбор.

Сохранившееся на Кипре предание сообщает, что «когда взят был Святой город... герцог Годфруа избрал, по совету князей и баронов, мудрых людей, которые расследовали бы обычаи людей разных стран, оказавшихся там. Все, что они узнали, было изложено письменно и доложено герцогу. А он, собрав патриарха и других, с их совета, велел выбрать все, что было хорошего и полезного. Так установились обычаи и положения, которые положено было хранить и соблюдать в Иерусалимском королевстве...»

Нельзя думать, будто законодатели шли по неизведанному пути и сочиняли все заново. Они создали кодекс, который воспроизводил правовые обычаи их родины, и больше всего — феодальной Франции. Худо или хорошо, новое здание следовало выстроить сразу, чтобы им могло пользоваться нарождающееся местное общество. Впоследствии оно неизбежно должно было подвергнуться перестройкам, вызываемым, с одной стороны, воздействием на пришельцев местных обычаев, с другой — изменениями, которые совершались в самой Европе и с большей или меньшей быстротой отражались за морем. Можно даже сказать, что эти перестройки начались, кодекс начал действовать, чему способствовали как удары извне, так и борьба честолюбий внутри крестоносного воинства. Большое влияние также оказывали постоянные изменения в составе населения созданных крестоносцами государственных образований.

За исключением небольшого числа акклиматизировавшихся семей население Палестины пребывало в бесконечном движении. До самого конца XII века и, все убывая в числе, в XIII веке сюда прибывали новые насельники, увлекаемые религиозным воодушевлением, желанием устроить свою судьбу или жаждой приключений. Обратная волна уносила в Европу удовлетворенных или разочаровавшихся. С обновлявшимся непрерывно населением обновлялись нравы, понятия и привычки; в восточную почву просачивались изменения, которые совершались на почве Европы. Это в какой-то мере усложняло решение главной задачи — создание за короткий период времени сильного государства.

Первые шаги нового правительства были связаны с удовлетворением материальных притязаний всех тех, кто мечом проложил дорогу в Иерусалим. Нам не известны подробности и основания происходившего дележа. Но есть данные, позволяющие думать, что в небольшом относительно кругу завоевателей он совершился безболезненно. Фульхерий представляет в самом Иерусалиме картину раздела почти в идиллическом виде: «После долгих страданий они стали расходиться по городу, расселяясь по опустевшим домам. Так что, кто первым вошел в дом, богат он или беден, уже не изгонялся из него, но самый дом или дворец и все, что он нашел в нем, он присваивал себе... Так установили они новое право, обязуясь взаимно хранить его, и многие бедняки стали богаты...» Во всяком случае, при замечательной детальности изображения событий Первого крестового похода, какое дают хроники (мы зачастую можем проследить их по дням), — в них не сохранилось сообщений о каких-либо резких конфликтах в период освоения крестоносцами захваченной земли, и можно склониться к признанию, что оно имело «мирный» характер. По-видимому, все, кто хотел и мог остаться в Палестине, получили наделы. В Иерусалимском королевстве нам называют, в качестве главных вассальных феодалов — из них одни были светскими, другие церковными — Назарет, Наплузу, Ибелен, Раму, Лидду, Хеврон и др. Иерархия феодалов, вероятно, отразила иерархию претендовавших на них лиц, с тенденцией к относительному повышению ранга каждого. Это выразилось прежде всего

в том, что многие участвовавшие в завоевании люди «низкого звания» стали рыцарями. В этом смысле движение в Палестину пробило широкую брешь в ограде феодального закона.

Приведенное выше предание о «герцоге Годфруа» говорит, что ассизы⁶⁵ его «мудрецов» были будто бы записаны «большими круглыми буквами, с золотыми инициалами и красными заголовками» и положены во храме Святого Гроба, благодаря чему и получили свое название «Lettres du Saint-Sépulcre» — «Письма Святого Гроба». Эти «Письма» якобы могли вскрываться только в случаях важных разногласий и не иначе, как в присутствии комиссии девяти, в том числе патриарха и короля. Реальность предания вызывает сомнения: возможна ли столь ранняя кодификация феодального права, которое на Западе еще более века будет ждать своей записи? Вероятнее всего, в «Письмах Святого Гроба», погибших, согласно преданию, при вступлении Саладина в Иерусалим, следует видеть архив владельческих актов на полученные феодалы и перечисление принятых за них вассальных обязательств.

Но в любом случае иерусалимские ассизы обнаруживают — это видно из результатов их действия, — что феодальное право на латинском Востоке достигло неизвестной Западной Европе отчетливости и законченности. Требование военной службы в стране, которой постоянно угрожал враг, не могло ограничиваться, как то было в Европе, сорока днями — сюзерен имел право потребовать от вассала исполнить предписанный долг в любой момент, и служба эта могла занять сколько угодно времени. Вассальная связь здесь проявлялась в своей высшей форме, то есть вассал отвечал всем своим имуществом. Зато и король-сюзерен был действительно только первым между равными, а Haute Cour — феодальный Высший совет при нем — учреждением с большими правами. В сущности, это была судебная палата, составленная из непосредственных вассалов короля, которая работала под его личным председательством и часто проявляла непокорство.

«Переплывая моря, отправляясь на поиски под новыми небесами более свободного и яркого существования, феодальный мир естественно стремился оживить свои исконные догматы, омолодить свои институты, вернуть аристокра-

тическому принципу его былую силу». Особенно ярко это заметно в проявляемой ассизами заботе о праве вдовы и дочери — в очевидном противоречии с интересами централизации власти, но в семейных интересах завоевавших Палестину династий. Куда с большей последовательностью, чем на Западе, за женщинами — при отсутствии прямого мужского наследника — признавалось право на корону и на избрание по сердцу действительного ее носителя — мужа. Но отсюда вытекала для феодального совета очень серьезная забота: не насилуя прав сердца, подобрать в супружество осиротевшей даме такого барона, который был бы годен для замещения ответственного поста. Поэтому романы сирийских принцесс, личности и интриги их женихов занимают видное место в высшей политике христианского Востока.

Изучая значение Высшего совета в жизни того класса, которым он руководил и который одновременно представлял, наблюдатель наталкивается на ряд любопытных моментов. Феодалы Палестины были весьма энергичными людьми. Высший совет здесь не был пассивным учреждением, которое в старой Европе существовало больше формально. Члены палестинского Высшего совета ревностно посещали его заседания, принимали участие в разборе казусов, вдумывались в их детали, регистрировали прецеденты. Поэтому судебная процедура на Востоке развернулась в драматическое действие, стала ареной борьбы, в которой побеждал тот, у кого лучше выковано оружие аргумента. Заморские бароны, проникнутые сознанием особенности своего положения, вырабатывали в себе чуткость, постоянную настороженность, в каких не нуждалось более спокойное, лучше защищенное общество Европы. В результате они стали живыми носителями правосознания в его утонченных деталях.

В Иерусалиме и Антиохии, впоследствии в Акре и на Кипре, где с падением Иерусалима собрались остатки заморской аристократии, мы встречаем типы, каких вовсе не знала старая Европа. Мы видим баронов, славных рождением, подвигами, богатствами, цвет восточного христианства, которые всю жизнь, подобно законоведам по профессии, предаются изучению и применению ассиз и своей юридической опытностью и ученостью, победами в словесных турнирах, ухищ-

ренным своим крючкотворством добывают не меньше славы, чем военными триумфами и аристократическими титулами. В воспоминаниях остроумнейшего из этих баронов-сутяг Филиппа Наваррского проходит блестящая плеяда его учителей и товарищей: Жан и Жак Ибеленские; Жоффруа, барон Сидона; Рауль, сеньор Тивериады. Он живо изображает юридическую манию, «наклонность, род недуга», которой они были одержимы и которая не оставляла их даже среди опасностей битвы. «Мессир Рауль Тивериадский спал плохо», бессонными ночами заставлял Филиппа читать себе вслух и сам много рассказывал «об обычаях и ассизах иерусалимских», настаивая, чтобы Филипп запоминал все, что имело к ним отношение. Сир Бейрута Баллиан III славился своим мужеством и бесстрашием. «Римская древность не знала более безупречного бойца», — говорит Филипп Наваррский. Узнав во время осады Серина в 1232 году, что три его сына, цвет семьи и надежда всего заморского христианства, ранены, он «испустил из груди своей возглас печали»: «О, зачем я не вспомнил ассизу, которую установил король Амори!» Согласно забытой сиром ассизе, дети вассала не должны следовать за сюзереном отца дальше, чем на день конской езды.

Изошренная память заморских баронов хранила огромное количество прецедентов и ассиз, и просто удивительно, что за все время существования Иерусалимского королевства они не оформились в текст, доступный всем. Объяснение этому, вероятно, следует искать в том, что Высший совет феодалов хотел оставаться своего рода священной коллегией, кастой «сказителей права». Так, Рауль Тивериадский на просьбу короля Амори II помочь ему в систематизации текста ассиз ответил решительным отказом: «В том, что я знаю, я не хочу сравнивать с собой какого-нибудь Ремона Ансиома или иного смышленного буржуа, да и вообще грамотного человека худого рода». Только после падения Иерусалима в Акре и на Кипре решатся родовитые юрисконсульты записать свой кодекс и обнаружить устои общества, которое уже было смертельно ранено и обречено на гибель.

Для сохранения и расширения христианской Палестины возможностей одного только государства было недостаточно.

Поэтому стали возникать и другие организованные силы, призванные прежде всего помогать тем, кто стремился в Палестину «во имя любовной жажды видеть». Для их защиты на трудных и опасных дорогах, для их устройства в чужой стране, а также для помощи светскому рыцарству в охране границ Палестины стали создаваться духовно-рыцарские ордена.

Первый из них — орден госпитальеров⁶⁶ — возник как благотворительное братство. Скромно было его начало. Между 1070—1080 годами, когда Палестина подверглась нашествиям сельджуков, купец из итальянского Амальфи Панталеоне Мауро создал в Антиохии и Иерусалиме приюты для неимущих и больных соотечественников, приходивших поклониться Святой земле. Эти приюты утратили свой узконациональный характер, когда крестоносцы овладели Палестиной. Рядом с госпиталем Мауро вырос поглотивший его госпиталь, названный по имени антиохийского патриарха VII века Иоанна Милостивого. Он и послужил основой для создания ордена, который вскоре широко распространил свою деятельность.

Звали основателя нового братства Жераром, и это едва ли не все, что о нем известно. Устав ордена был утвержден папой римским Пасхалием II в 1113 году. Из буллы папы ясно, что к этому времени госпитальерами уже была создана сеть приютов: Сен-Жиль во Франции, Компостелло в Испании, Асти, Пиза, Отранто, Мессина и Тарент в Италии. Идея Жерара была проста и смела до грандиозности, если иметь в виду тогдашние условия. В тех местах, где скапливались путники в Святую землю, где они садились на корабли, братство создавало странноприимные дома, при которых были переводчики и лекари; кроме того, паломникам иногда обеспечивалось сопровождение в пути.

В своей первой фазе орден госпитальеров был свободным братством «слуг бедняков», которых члены ордена, однако, именовали «своими господами». Сами госпитальеры приносили обет бедности, целомудрия и послушания, но при этом они в любой момент могли покинуть орден. Только булла Иннокентия II в 1137 году, идя, по-видимому, навстречу желаниям руководителей братства, установила правило, что без согласия братьев и магистра ордена вступивший в него не может из него выйти. Так в братство внесен был момент

строгой дисциплины. Одновременно был создан институт добровольных жертвователей на нужды ордена и собратьев: все миряне, оказавшие помощь ордену, получали некоторые привилегии. В 50-х годах XII века, уже при преемнике Жерара магистре Раймунде де Пюи, госпитальеры примерили на себя — вероятно, под влиянием тамплиеров — роль военного ордена. Де Пюи предложил помощь королю Балдуину II в его борьбе с неверными, и с этого времени госпитальеры принимали участие во всех серьезных сражениях, что привело к их разделению на братьев-воинов и братьев-лекарей.

Что же до ордена тамплиеров, то он с первых шагов в 1119 году, по мысли основавших его рыцарей во главе с Гуго де Пейном, возник как военно-монашеская дружина для защиты оружием пилигримов и местных христиан. Тамплиеры, в отличие от госпитальеров, с самого начала своего существования надели латы. Эти два ордена, можно сказать, дополняли друг друга. В первые десятилетия своего существования их деятельность была весьма близка к высшим заповедям рыцарства: тамплиеры и госпитальеры фанатично верили во все, чему учила церковь, они охраняли слабых и без устали и пощады вели войну с неверными.

«Новый род воинства, как слышно, родился ныне на земле, — такими словами приветствует св. Бернард Клервоский защитников Палестины, — новый и неведомый прежним временам. Неутомимо борется он двойным оружием: против плоти и крови — мечом, против внутренней неправды — духом... Он мягче агнца и яростнее льва... совершенный и бесстрашный воин, который одевает тело железом, а душу броней веры. Не боится он никого: ни человека, ни беса. Чего мог бы он страшиться, он, кому Христос — жизнь, а смерть — счастье?.. Славными возвращаются бойцы из битвы, блаженными умирают они в ней...

Я расскажу вам об их жизни, в смущение и укор нашим воинам, которые служат не Богу, но дьяволу. Среди Божьих воинов не отсутствует дисциплина и не презирается послушание. Здесь уходят и приходят по воле того, кто стоит во главе, одеваются в то, что он дает, и не просят и не принимают пищи и одежды из другого места. В жизни и одежде они избегают лишнего; живут вместе в общении и целомудрии,

без жен и детей... без личной собственности, пребывают в одном доме, храня единство духа в союзе мира. Ты сказал бы: у этого множества — одно сердце и одна душа...

Они никогда не сидят бездельниками, не шатаются в праздном любопытстве. Когда они не на походе, чтобы не есть даром хлеб, они чинят оружие и платье и вообще делают то, что повелевают им воля старшего и нужда общины. Они не считаются с лицами: чтится лучший, не знатнейший... Наглые слова, бесполезная суета, неумеренный смех, ропот, перешептывание не остаются безнаказанными. Они не терпят шашек и костей, ненавидят охоту, не развлекаются птичьей ловлей, они плюют на мимов, магов, сказочников, не терпят песен, зрелищ и дурачеств, не отращивают волос. Никогда не нарядные, редко мытые, часто косматые и нечесаные, грязные от пыли, в темном щите и панцире... Когда близится бой, они одеваются в железо, но не украшаются золотом и серебром и потому внушают страх врагам, но не вызывают их жадности. Они хотят иметь коней быстрых и сильных, но не разукрашенных... Они ищут битв, но не триумфов, побед, но не славы, стремятся возбуждать ужас, но не любованье...»

Со временем грубый закон непрерывной войны, сумятица политических страстей и честолюбий, разлагающие соблазны замутили и исказили цельный и чистый образ, прославленный клервоским святым. Но, недолго соответствуя действительности, он все же навсегда врезался в память романской Европы.

В первые десятилетия XII века христианская Сирия непрерывно разрастается. Основой этого служили не всегда согласные между собой, но всегда деятельные силы: утверждавшиеся на полученных землях феодалы, флоты итальянских городов, духовно-рыцарские ордена, время от времени прибывающая подмога с Запада (а с течением времени еще и наемные отряды туркополов⁶⁷).

В пору наибольшего могущества — до потери Эдессы — христианская Сирия очерчивала на географической карте нечто вроде контура цветка с длинным стеблем — Иерусалимским королевством, утолщением у корня — Заиорданской землей, вытянутым цветоложем — Триполийским графством

и двумя широкими, неровными, сильно развернувшимися лепестками — Антиохийским княжеством и графством Эдесским. В этом цветке не хватало Алеппо и Дамаска, которые завоевать не удалось.

Второй лепесток, ложась на истоки Евфрата, вдвигался в пустыню, из знойного воздуха которой возникали угрожающие марева турецких полчищ. Граница христианских владений на востоке шла по цепи Ансарских гор, далее — по горам Ливанским, затем уходила за Иордан и Мертвое море. На юго-востоке группа крепостей — Карак, Агамант, Монреаль, Иль-де-Гре — контролировала территорию За-иорданья. Долины, которые, протягиваясь между южной оконечностью Ливанских гор и Тивериадским озером, могли дать доступ армии, идущей с востока, защищали мощные замки — Бофор, Шато-Неф, Сафад, Кастелле. В Ансарских горах над ущельем, в котором пробивает себе путь Оронт, нависал замок Крак-де-Шевалье, бывший одним из главных пунктов ордена госпитальеров. Все приморье представляло собой непрерывную линию торговых гаваней, за которыми расстилалась возделываемая сельская территория.

Все это возникло за относительно короткий срок. Инициатива пришельцев проявляла себя деятельно и ярко. Завоеватели бросали семя в землю, пропитанную многовековой культурой, и эта культура влияла на его произрастание. Иногда это влияние было заметно даже не самому внимательному глазу, иногда оно действовало на глубинном уровне. Французский замок принимал многие черты византийско-арабской конструкции, приспособляя свои формы к горным хребтам и скалистым островам, к знойному климату, где дождь был редким гостем. Сирийские и греческие художники убирали его привычной им декорацией, устилали полы и одевали стены мраморной мозаикой ярких цветов, бросали из пастей каменных драконов струи прозрачной воды, как это было принято на Востоке. Крестоносцы зачастую заменяли в битвах стальную броню и шлем легкой арабской одеждой и высоким головным убором. При дворах иерусалимских королей и триполийских графов царствовало причудливое смешение восточных и западных обычаев, как то имело место раньше в Испа-

нии и на Сицилии. Сеньоры Палестины чеканили монеты с арабскими надписями.

«Стоит поразмыслить над тем, как в наши дни Господь обратил Запад в Восток, — говорит Фульхерий Шартрский. — Кто был римлянином или франком... кто жил в Реймсе или Шартре, стал гражданином Тира и Антиохии. Мы уже забыли места нашего рождения... Многие из нас приобрели здесь на наследственном праве дома и слуг, многие женились на сирийках, армянках и даже сарацинках, получивших благодать крещения... Кто возделывает виноградники, кто поля. Они говорят на разных языках, но понимают друг друга. Самые различные наречия знакомы живущим здесь народам, и их сближает взаимное доверие... Лев и бык едят из одного вместилища. Чужой стал туземцем, пилигрим — оседлым... Кто был беден у себя на родине, стал здесь богат. Кто имел мызу, приобрел здесь виллу. Зачем возвращаться на Запад тому, кому так хорошо на Востоке?»

Впрочем, оценивая положение латинской Сирии, которое сам Фульхерий Шартрский характеризует как затерянность среди враждебного мира, «между Византией и Персидой», удивляешься не тому, что через два века своего существования она исчезнет с лица Азии, но тому, что она продержалась так долго. И тут надо сказать, что устойчивости латинских государств на Востоке способствовала слабость турецкой государственной организации. Турецкая сила, столь яркая и неодолимая при наступлении, не всегда оказывалась в состоянии сохранить свои приобретения. От первых султанов-победителей Тогрул-Бека, Алп-Арслана, Малик-Шаха пошла огромная семья, раздробившая их наследство и враждовавшая в лице отдельных своих членов. Кроме того, способность турецкой государственности к самозащите разлагала система эмиратов. Пограничные области были разделены между множеством мелких начальников-эмиров, из которых каждый имел слишком мало сил, чтобы бороться с врагами, и слишком много стремления к самостоятельности. В таких условиях от европейцев требовалось не слишком большое искусство, чтобы закрепить за собой завоеванное и до известных пределов расширить занятую территорию.

Но столь благоприятное для латинских государств положение не могло сохраняться вечно. С конца первой трети XII века главная ветвь турецкой правящей семьи, выдвинувшая великих султанов, но теперь ослабевшая, постепенно отстраняется от дел и уступает власть тем, кого на местном языке называли атабеками⁶⁸. Атабеки постепенно присваивают решение вопроса, кто будет сидеть на престоле. Из их рядов выходят смелые воители, каким был, например, Имад ад-Дин-Занги, обосновавшийся в Мосуле и сумевший подчинить своей воле пограничных эмиров. После этого «Персида» вновь становится грозной и агрессивной. С обновленным штабом и приведенной в порядок армией Имад ад-Дин-Занги начинает с 1127 года систематическую осаду Эдесского графства. После этого один за другим стали отходить в руки турок армянские города, и в начале 1140-х годов христиане выпустили Эдессу из рук.

К этому же времени ухудшились и без того плохие отношения латинских государств с Византией, которая делала все, чтобы восстановить свои владения в Малой Азии. Императоры Иоанн II и Мануил I самым настойчивым образом вмешивались в дела Антиохии, Эдессы и Кесарии, требуя вассальной присяги от их баронов. В таких условиях среди тех, кто осел в Палестине, возобладало мнение, что собственных сил и того людского ручейка, который постоянно идет из Европы, может не хватить, чтобы удержать завоеванные территории, и, следовательно, необходимы чрезвычайные меры. Из Палестины стали раздаваться вопли о помощи, и они были услышаны в Европе. Так возник призыв ко Второму крестовому походу.

На него прежде других ответил французский король Людовик VII. Падение Эдессы, которую французские крестоносцы не сумели сохранить, во-первых, задело его как человека глубоко религиозного и, во-вторых, уязвило его самолюбие как правителя — естественного сюзерена прежних своих пэров, властвовавших ныне в Палестине. Ко всему прочему в нем содержалась явная угроза Антиохии и в конечном счете Иерусалиму. Поэтому, обращаясь к европейским государям, Людовик VII надеялся, что они не замедлят откликнуться. Однако реакция была вялой и неконкретной, и даже васса-

лы короля предпочли не спешить с изъявлением готовности «принять крест». Холодно отнесся к этому предприятию воспитатель и ближайший советник короля аббат Сугерий, по ряду причин не проявил энтузиазма папа Евгений III. Людовик вынужден был смирить свой пыл, но через год повторил свое воззвание.

Возможно, и на этот раз ему не удалось бы найти достаточное число сочувствующих, но его призыв подхватил св. Бернард Клервоский, чья проповедь в 1146 году вызвала во Франции прилив воинственно-мистического воодушевления. Источники рисуют сцену в бургундском Везеле, когда после его слов раздались крики: «Крестов, крестов!» Таким образом, вопрос о крестовом походе был решен. Южная и Средняя Франция собрали многочисленную армию — по разным оценкам от 15 000 до 70 000 человек. Бернарду Клервоскому, воплощению религиозного духа эпохи, удалось одержать и еще одну важную победу — над скептицизмом и уклончивостью немецкого императора Конрада III, благодаря чему во Втором крестовом походе мы видим большую немецкую армию.

Тем не менее уже не сотни тысяч следовали за крестоносными вождями, а лица этих вождей уже не горели тем воодушевлением, какое характеризовало баронов, ведущих Первый поход. Несчастливая мысль Людовика VII осадить Дамаск, который до этого — из вражды к атабекам — готов был поддерживать христиан; несчастливая мысль взять с собою на Восток жену, красавицу Алиенору, с ее шумливой и бездельной свитой, с ее склонностями к романам, терзавшим ревностью сердце короля-супруга, обрекли французский поход на неудачу. Жестоко разбитая при Дорилее армия Конрада III оказала ему плохую поддержку, и крестоносцы вернулись на родину, не сделав ничего для Палестины, испортив основательно отношения с соседями латинских государств, которые отныне перестали быть дружественными, и еще больше углубив конфликт с Византией.

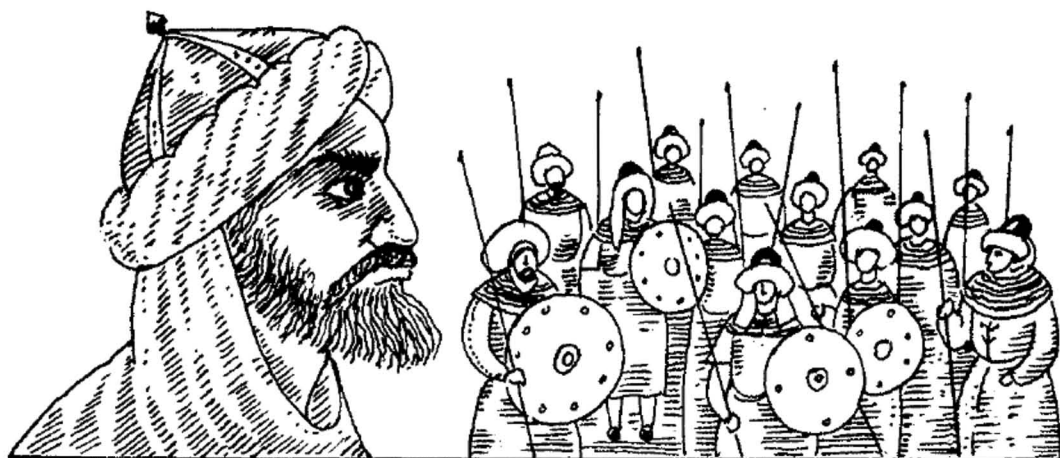
Об удручающем впечатлении, которое поход произвел на Европу, свидетельствует хроника епископа Фрейзингенского Оттона. Этот хроникер вошел в историю с репутацией пессимиста. Все, что приходилось ему пережить в Германии,

не настраивало его на радостный тон — в жалкой фигуре Конрада III его имперская мечта находила слабую опору. Однако и он был из тех, чье сердце загорелось при крестоносном призыве. Несмотря на некоторые тревожные симптомы, предшествовавшие Второму походу, Оттон радуется ему, чего-то ждет от него: «Воры и разбойники берут крест. Земля освящается десницей Вышнего...» Охваченный надеждой на какое-то новое будущее, он, едва окончив свою хронику «О двух государствах», снова берется за перо, готовый день за днем записывать живую историю Второго похода. Об этом намерении он вспоминал много лет спустя в тоне глубокого разочарования: «Должен сознаться, что когда несколько лет тому назад я кончил первую свою историю, и дух Божия странничества... повеял над западными народами, я подумывал было снова взяться за перо. Уже начал я писать, но не знаю в силу какого инстинктивного чувства, как если бы душа предчувствовала будущее и предвидела конец, я бросил начатый труд».

Весть о происходившем у Дорилеи и Дамаска быстро пришла на Запад, вызывая отчаяние людей, проводивших своих близких в поход, и сильное раздражение против св. Бернарда Клервоского. Государи, возвратившиеся на родину из провального похода, а также английский король Генрих II Плантагенет немедленно возложили на себя обет нового пути, однако никто из них этот обет не выполнил. Все они сошли в могилу с тяжестью смертного греха, искупить который надлежало их детям.

Глава V

Поворот в судьбе Палестины. Латинская империя

Тотчас после отбытия крестоносцев турки со всех сторон ворвались в христианскую Сирию. Атабек Алеппо Нур ад-Дин осадил триполийский замок, где находился сын триполийского графа, и увел его с собою. Атабек Дамаска Муин ад-Дин Анар, опустошил округу Иерусалима и вынудил короля заключить невыгодный мирный договор. Эмир Алеппо разгромил замки Антиохийского княжества и овладел Апа-меей. Ряд кровавых поражений христиане потерпели в 50-е годы XII века. При этом иерусалимский король показал себя далеко не на высоте, отказываясь идти своевременно на помощь находившимся в опасности вассалам, поскольку был занят дома борьбой за власть со своей матерью Мелисендой.

Во второй половине XII века уже не могло быть речи о росте христианского владычества на севере Сирии. Северная граница Иерусалимского королевства была беззащитна и открыта нападениям турок.

Скоро та же судьба постигла и восточную границу. Мусульманское население Дамаска мало сочувствовало политике своего эмира, не раз вступавшего в союз с христианами

против атабеков, а после коварного нападения христиан во время Второго крестового похода авторитет эмира был окончательно подорван. Среди горожан созрела мысль, не ища дружбы у неверных, опереться на обретавшего все большую силу Нур ад-Дина, и стоило только атабеку подойти к стенам Дамаска, как ему были открыты ворота.

Теперь Иерусалим был со всех сторон окружен атабеками. Может быть, солидарность христианских государств Востока и отдалила бы его гибель, но их правители оказались неспособны объединить усилия. Да и само сжимаемое с севера и востока Иерусалимское королевство вместо того, чтобы укреплять связи с Антиохией и Триполи и вообще заботиться о защите собственной территории, начинает вытягиваться на юг, стремясь отхватить куски от владений египетского халифа.

Вторая половина XII века наполнена походами иерусалимских королей в Африку. В этих походах есть свои блестящие страницы, и надо признать, что при всей их несвоевременности в них имелся некоторый смысл. Египтяне сами стремились завладеть гаванями на палестинском побережье, прежде всего Аскалоном, — после 1150 года это был длительный, постоянно получающий продолжение эпизод в жизни Иерусалимского королевства. В противостоянии им проходило все правление иерусалимского короля Амори I. Он защищался и атаковал, совершив четыре экспедиции до Дельты и Каира. В первой (1163 год) он сам пытался единолично овладеть Египтом. Во второй и третьей (1164 и 1167 годы) он объединялся с египетскими мусульманами против сирийских, нападавших на Египет. В четвертой (1168 год) он сражался с египтянами и сирийцами, соединившимися против него.

То, что иерусалимские короли целыми месяцами пропадали по ту сторону Суэцкого перешейка, теряя все остальное из виду, не могло не отозваться на положении латинских государств самым печальным образом, особенно если принять во внимание напряженную атмосферу вокруг них.

В 50-е годы XII века как будто выявляются все те противоречия между западными и восточными христианами, которые существовали уже во время Первого крестового похода, но обнаруживались относительно слабо, притушенные вол-

ной общего энтузиазма. Византийская империя вернула при помощи латинских воинов значительную часть Малой Азии, но на этом ее воссоздание остановилась. Император Мануил I Комнин, натура талантливая и сильная, мечтал о большем: его программа включала отмщение норманнам их обид, возвращение южноитальянских территорий и Антиохии. Он, как и иерусалимский король, не принимал в расчет турок и все свое внимание сосредоточил на борьбе с европейцами. В 1147 году ему удалось отбить у норманнов Корфу. Но по мере того, как проявлялись его намерения, он восстановил против себя не только норманнов, но и папу, и германского императора. Это привело к тому, что Запад обнаруживал все меньше желания бороться с ним рука об руку против мусульман.

Людской поток из Европы на Ближний Восток понемногу убавлялся. Во всяком случае, между 1147 и 1187 годами Палестина получила очень мало подкреплений. А между тем над нею собиралась опасность еще более грозная, чем сила Нур ад-Дина. Еще при Амори I великим везирем в Египте стал близкий к Нур ад-Дину курд Асад ад-Дин Ширкух, который полностью подчинил себе халифа аль-Адида. В результате наметилось чрезвычайно опасное для христиан единство политики египетских и сирийских мусульман. Правда, постаревший Нур ад-Дин не сумел или не захотел воспользоваться сложившейся ситуацией, но тут на авансцену истории вышел племянник ад-Дин Ширкуха — уже известный нам Саладин (мы и дальше будем называть его именем, принятым в русской и западной традиции). Сначала он сменил дядю в качестве везира, а затем, в 1171 году, объявил себя султаном.

Осторожно действовал Саладин, когда смерть Нур ад-Дина, оставившая огромную и несогласную семью, открыла ему перспективы сирийского наследства. В течение двенадцати лет он не касался христианской полосы Сирии, подчиняя одну за другой турецкие ее части, окружая со всех сторон латинскую державу. Борьба с нею, несомненно, входила в планы фанатического сына ислама Саладина, однако он проявлял терпение, считая необходимым хорошо подготовиться к этой борьбе. Мирные отношения с христианами, закрепленные договором в 1180 году, протянулись бы, может

быть, и дольше, чем это случилось на деле, но христиане сами вызвали султана на бой. Один из баронов-авантюристов, которых немало было в Сирии, Рено Шатильонский, князь Заиорданской земли, ограбил караван, в котором находилась сестра Саладина, и, по слухам, будто бы даже ее обесчестил. Саладин потребовал удовлетворения у иерусалимского короля, но тот был бессилен наказать своего вассала, если бы даже и захотел. Тогда Саладин объявил христианам джихад, и это застало их, забытых Западом и совершенно неготовых к войне, врасплох.

Саладин не стал медлить и сразу двинул войска. В июне 1187 года он взял Тивериаду и нанес поражение крестоносной войску на высотах Хаттина, где взяты были в плен король Ги Лузиньянский, магистр тамплиеров Жерар де Ридфор, много баронов и рыцарей. Затем Саладин овладел Акрой, Бейрутом, Кесарией, Аскалоном. Иерусалим даже не пробовал защищаться. При первой брешии, пробитой в стене, город капитулировал на милость победителя. 2 октября 1187 года Саладин вошел в город, и турецкие знамена взвились над его стенами.

Совершенно иной, если сравнивать с 90-ми годами XI века, когда крестоносцы впервые отправились на Восток, была атмосфера, в которой раздался призыв к Третьему крестовому походу. Народная масса не была готова в один миг сняться с места в ответ на крестоносный призыв. Зато многочисленные западные феодалы, мерившиеся оружием с королями и императором, хорошо понимали, что представляет собой Палестина, и со знанием вопроса, в отличие от прошлых времен, взвешивали все выгоды обладания ею и тяжесть ее утраты. Они прекрасно знали теперь пути на Восток и опасности византийской дипломатии, но, к сожалению, как и прежде, были полны самоуверенности.

Столетие подвигов и славы еще не утомило европейское рыцарство, не исчерпало его сил, даль, пусть и менее известная теперь, по-прежнему манила его. Заморские династии были его родней, их сеньории — его сеньориями. Многим еще уязвляли душу насмешки трубадура Бертрана де Борна над «медленностью баронов». К тому же еще острее,

чем прежде, стоял вопрос о наделении землей отпрысков многодетных семей. Так что решение принять крест для большинства складывалось как отчетливое, быстрое и вместе с тем — зрелое.

Император Фридрих I Гогенштауфен по прозвищу Барбаросса, потерпев поражение в битве под Леньяно от объединившихся в Ломбардскую лигу городов севера Италии, пламенно желал восстановить свой авторитет успешной борьбой с врагами Христа и, кроме того, был готов бросить на весы свой авторитет против авторитета византийского императора. Храбрый воин, в котором много было неостывшей молодости, он «плакал от радости», принимая крест. 24 мая 1189 года император Фридрих I вступил в пределы Венгрии. Скандинавские «паломники», вышедшие в конце 1188 года на полусотне судов, фламандцы с Иаковом Авенским, англичане, шампанцы со своим графом Генрихом, португальцы, ополчения Гильома Сицилийского также быстро и уверенно двинулись в путь.

Папство, хотя и ослабленное борьбой с Фридрихом I, тоже, разумеется, не осталось в стороне, оно энергично распространяло крестоносный призыв, но Третий поход вряд ли нуждался в энергии папы и вдохновении проповедников. Он состоялся бы и без них. Поэтому он не имеет легенд, подобных легенде Петра Пустынника или Бернарда Клервоского. Участие в нем широких масс народа также исключалось — уже тем, что большая часть европейцев, сознательно избегая Византии, двинулась морем; один только император Фридрих I пошел «дунайской долиной».

Крестоносные армии многих стран уже находились на марше, и только французский король Филипп II Август медлил, неохотно подчиняясь данному из приличия обету и задерживая своего вассала-соперника Ричарда Львиное Сердце, связанного с ним, как пленник цепью, борьбой за французские территории. Только в июле 1190 года решились они вдвоем, контролируя и карауля друг друга, двинуться через Сицилию, где снова застряли на шесть месяцев, занимаясь судьбой тамошнего наследства и доведя до восстания местное население. А между тем северные флоты уже собрались под Акрой, и Барбаросса со своей 100-тысячной

армией давно был на пути в Палестину. Все, казалось, обещало успех немецкому императору: хорошая организация дела, выдающиеся качества и авторитет вождя. Однако путь выбран был неудачно. Интриги византийского императора Исаака II Ангела, который должен был, согласно договору, обеспечить крестоносцам проход через свои владения, нескрываемая вражда православного населения, за полтора века разделения церквей и столкновений с крестоносцами вырастившего ненависть к «собакам-латинянам», затрудняли движение западного войска. Лишь через десять месяцев оно добралось до Малой Азии и достигло границ Армении, где смогло обеспечить себя провиантом. Но тут неожиданное бедствие отняло у него вождя. Император, на глазах всего войска, въехав в броне в горную реку Селиф, исчез вместе с конем и был вытаскен уже мертвым. Этот несчастный случай совершенно уронил дух войска. Часть его дезертировала домой, часть осталась в Антиохии, и только немногие присоединились к крестоносцам, собравшимся у Акры.

Акра считалась ключом к Иерусалиму. С июня 1189 года здесь стоял лагерем последний иерусалимский король Ги Лузиньянский, затем прибыли северные флоты, шампанцы и итальянцы, Конрад Монферратский и ландграф Тюрингенский. Еще позже явились остатки армии Барбароссы и только к весне 1191 года — Филипп, а затем Ричард, по пути потративший время на покорение Кипра. К этому времени лагерь крестоносцев превратился в настоящий город с церквями, рынками и площадями, где обитало 600-тысячное население, состоящее в большинстве своем из людей военных. Эта армия, после двух-трех попыток схватки с Саладином, находилась в бездействии и занималась тем, что уничтожала свои запасы (в конце концов были съедены даже лучшие скакуны).

Только с приездом французского и английского королей военные действия оживились. Ричард изумлял соратников своим мужеством. «Точно игольная подушка, утыканный стрелами» возвращался он из битв. Впрочем, английскому королю везло — все стрелы доставались доспехам. Возбужденные его порывом, осаждавшие удвоили усилия, и наконец Акра сдалась. Христиане торжественно вступили в нее:

Ричард занял королевский дворец, а Филипп дом тамплиеров. Но взятие Акры было только первым важным шагом. Крестоносцев ждал Иерусалим.

Но на этот подвиг сил у них уже не хватило. Перед ними стоял противник, непохожий на разваливавшуюся турецкую державу времен Первого крестового похода. Западному рыцарству нечего было противопоставить замечательной выдержке Саладина. Соперничество генуэзцев и пизанцев, соперничество двух кандидатов на недобытый иерусалимский престол, Ги Лузиньянского и Конрада Монферратского, вражда их покровителей Ричарда и Филиппа разлагающе действовали на войско. Сам Филипп, не имевший никаких внутренних стимулов в экспедиции, быстро к ней охладел и уехал почти внезапно, передав герцогу Бургундскому заботу о дальнейшей конфронтации с Ричардом и жалуюсь всюду по дороге, будто Ричард хотел его отравить и вызвал болезнь, приведшую к появлению лысины.

Ричард остался хозяином крестоносного дела на Востоке. Но его личное мужество, изумительные подвиги его неукротимого сердца, которое эпоха назвала львиным, — о них последующие века твердили сказки на Востоке и на Западе, ими турецкие матери пугали своих детей — не могли вознаградить его огромных недостатков. Ричард был плохим стратегом, не умел терпеть, не имел дипломатических навыков. В результате его многомесячного пребывания в Палестине христиане удержались в Акре, но должны были своими руками разрушить завоеванный и вновь отданный Аскалон.

Своеобразной чертой этой войны было чередование военных действий и куртуазно-рыцарских отношений крестоносцев и турок, Ричарда и Саладина. Они обменивались посольствами, визитами, подарками. Ричард возвел в рыцарское звание брата Саладина — Малик аль-Адиля и даже подумывал выдать за него свою сестру Иоанну. Но Малик аль-Адиль отказался принять христианство, и дело дальнейшего хода не получило.

Вообще создается впечатление, что крестоносцы склонны были обнаруживать большую уступчивость в отношении мусульман, нежели турки в отношении латинян. Для Саладина происходящее было священной войной, которой он

вдохновил и спаял свою державу. Западный же мир не имел присущего мусульманам единства. В головах крестоносцев религиозный пыл вполне уживался с жаждой авантур и куртуазных приключений, а их вождей интриги палестинских принцесс и их женихов занимали едва ли не больше, чем сражения с сарацинами. Третьим крестовым походом не руководил никакой духовный вождь, и о его судьбе не пеклись широкие народные массы. Это было военное предприятие баронов, знавших, чего они хотят, имевших и силу, и дарования, чтобы добиться в отдельных случаях желаемого, но не обладавших умением сорганизоваться и способностью в случае необходимости пожертвовать личным интересом ради высшей цели.

Во время Третьего крестового похода они поняли, между прочим, что Византия определенно враждебна крестоносцам и что главный бастион ислама находится в Египте — туда, по следам Амори, намеревался, если ситуация позволит, отправиться Ричард. Наконец, наиболее трезвые сделали наблюдение, что главного, что нужно христианам в Палестине, можно добиться путем переговоров. Пизанцы, генуэзцы и венецианцы вообще стремились утвердиться прежде всего в приморских городах, а не в Иерусалиме. Первое из этих соображений определило поворот на Константинополь Четвертого крестового похода; второе указало пути Пятому, Седьмому и Восьмому походам; третье наметило тактику Фридриха II в Шестом походе.

В конце XII века имперская идеология в ее «священном» и «римском» облике находит все больше сторонников, которые определяют ее притязания: «В мире одна власть, и это — власть цезаря». Фридрих Барбаросса пытался претворить этот принцип в действительность со всей полнотой.

Жар имперской грезы был завещан Барбароссой сыну Генриху VI. Фридрих не смог выполнить своих властных замыслов в Ломбардии, но он сумел наложить руку на Сицилию — брак Генриха VI с норманнской наследницей Констанцией отчасти вознаградил Гогенштауфенов за то, что они потеряли при Леньяно. Северная имперская традиция в результате этого супружества сомкнулась с норманнской,

приняв наследство ее восточных проектов и ее вражды с Византией. Новый германо-норманнский союз мог стать тем более серьезной угрозой Востоку, как мусульманскому, так и православному, что в 1195 году переворот в Константинополе поколебал трон Ангелов, ослабил силу сопротивления Византии и дал основание Гогенштауфенам (брат Барбароссы — Филипп Швабский был женат на дочери низверженного Исаака II Ангела) выступить защитниками константинопольского престола⁶⁹.

Что касается Сирии, то в ней в 1193 году умер Саладин, и семнадцать его сыновей спорили за наследство. В таких условиях Четвертый крестовый поход — по сути, германский — имел все шансы на успех. Христианские государи Палестины, чувствуя новую силу, обращались за утверждением своих прав к германскому императору. В 1195 году королем Кипра, а потом Иерусалима стал угодный Генриху VI кандидат — Амори Лузиньянский. И помазание над ним совершил немецкий епископ Конрад Майнцкий. В эти годы возник и первый немецкий орден — Тевтонский. Германские флоты уже направлялись к Акре, когда все разрушила внезапная смерть императора.

Поход был отложен, но идея уже витала в воздухе. После смерти Генриха VI организацию Четвертого крестового похода возглавило папство. Этому способствовало и то, что в самом начале 1198 года папский престол занял Иннокентий III, человек во всех отношениях неординарный, тогда как все кандидаты на германский престол не пользовались должным авторитетом. Даже самый сильный из них — брат умершего императора Филипп Швабский — не получил единодушного признания у германских князей, и Иннокентий, продолжая унаследованную им борьбу с Гогенштауфенами, с успехом поддерживал против него кандидатуру Оттона Брауншвейгского. Он сумел ослабить германское влияние в итальянских городах и завязать связь с церковными и светскими силами Палестины. Стоял, однако, вопрос, как строить отношения с Константинополем. Слишком глубокая борозда разделила за минувший век Восточную и Западную церкви, и связанные с этим настроения латинского воинства не давали надежды на возвращение к великодушной политике Урбана II.

Тем не менее Иннокентий III попытался вернуться к ней — правда, значительно изменив подход. Он попытался связать в одну задачу крестовый поход и обеспечение — ценой церковной унии — интересов Восточной империи. Его программа включала, с одной стороны, подчинение Византии духовному примату Рима, а с другой — оказание ей военной помощи и совместное отвоевание Палестины. К плану этому, однако, не пожелали присоединиться ни Запад, ни Восток, хотя от узурпировавшего византийский трон Алексея III и исходили намеки на возможность переговоров.

Как бы то ни было, усилия Римской курии накануне Четвертого крестового похода по своей энергии напоминают то, что происходило в Европе век тому назад. Кроме того, Четвертый поход, как и Первый, имел своего народного проповедника, но им был не аскет-пустынник, а приходский настоятель — Фульк из Нельи, «давший» крест более чем 200 тысячам крестоносцев. Он явился на турнире «в Шампани, в замке Арси и, по милости Божьей, приняли крест Тибо, граф Шампанский, Людовик, граф Блуа... И знайте, что Тибо был совсем молодым человеком, которому было не более 22 лет...» Хроникер Виллардуэн⁷⁰, которого мы цитируем, перечисляет поименно почти сотню баронов, среди которых выделяются Симон, граф Монфорский, и Балдуин, герцог Фландрский. «Имен остальных, — говорит Виллардуэн, — я не знаю».

Можно сказать, что, как и сто лет назад, весь французский север собирался идти на отвоевание утерянного Иерусалима. Создан был специальный источник денежных средств похода — «саладинова десятина» и учрежден ряд экстренных сборов с духовенства. Сам Иннокентий показал в пожертвованиях пример, чем увлек к вольным или невольным жертвам подчиненную ему иерархию. В светском обществе почину папы следовали с меньшим увлечением. «Саладинова десятина» уплачивалась неаккуратно; ее приходилось выколачивать угрозой отлучений. С другой стороны, если феодалы с воодушевлением готовились еще раз совершить подвиг на Востоке, то главные силы мирского общества — короли и императоры — не сдвинулись с места. Ричард Львиное Сердце, главный энтузиаст крестоносного дела среди них, был мертв.

Филипп Швабский весь отдался укреплению своей колеблющейся власти в борьбе с Оттоном. Иоанн Безземельный думал о том, какое место ему придется занять в интригах французского короля, а Филипп II Август, довольный удалением на Восток своих постоянно готовых возмутиться вассалов, собирался воспользоваться их отсутствием в своих целях и не обратил внимания на угрозу Иннокентия III отлучить его от церкви,

Четвертый крестовый поход не ставил завоевание Сирии своей непосредственной задачей. С силами ислама решили сразиться на их главном плацдарме — в Египте. Поэтому целью похода был назван «Вавилон» (Каир). «Дунайская долина» оставалась в стороне, как и французские и итальянские гавани — и весь расчет руководителей похода основывался на венецианских эскадрах. Этот способ переправы, наиболее удобный и быстрый, был, однако, и самым дорогим — венецианцы предъявили счет в 85 тысяч марок (более 20 тонн) серебра, уплата которого могла быть произведена только за счет будущих завоеваний. Кроме того, успех похода оказывался в исключительной зависимости от Адриатической республики. Пользуясь этим, она заявила притязания на половину всех земель, которые будут завоеваны на Востоке.

Эти тяжелые условия, возможно, встретили бы более решительные возражения со стороны французских баронов, но в дни, когда они обсуждались, внезапно скончался вождь похода, его душа и энтузиазм, Тибо Шампанский. Никто не хотел взять на себя ответственность и принять его наследство. Будущий хроникер похода Жоффруа де Виллардуэн утверждает, ставя это себе в заслугу, что в критический момент ему удалось выдвинуть и отстоять кандидатуру Бонифация Монферратского, брата убитого «иерусалимского короля» Конрада, близкого родича Филиппа Швабского и так же, как и Филипп, связанного родственными отношениями с отстраненным от власти Исааком II Ангелом. Вместе с Бонифацием во главе Четвертого крестового похода разом оказалась группа людей, в фокусе зрения которых была Византия. Понимая это, папа Иннокентий III обратился к баронам с увещанием «не наносить по пути обид никакому народу христианскому».

Предостережение было дальновидным, но тщетным. Первым отклонением от намеченного пути в Египет было предпринятое по настоянию венецианцев нападение в 1202 году на город Зару (Задар), принадлежащий венгерскому (христианскому!) королю. Таким образом крестоносцы уменьшили сумму, предъявленную им за перевозку через море.

Дальнейшие события определили обстоятельства. С весны 1201 года по Европе странствовал сын Исаака II Ангела царевич Алексей, который добивался вмешательства западной армии в дела Византии. Папа, которого он пытался соблазнить обещаниями унии, оставался непоколебим, но тем больший успех имел он в лагере своих родственников Филиппа и Бонифация, а также венецианцев, хранивших в лице своего дожа — ослепленного некогда⁷¹, как и Исаак II Ангел, в Константинополе, — живую память об обидах Византии. Посовещавшись после взятия Зары, бароны решили повернуть на Византию. Против нового плана выступили немногие; одним из них был идеалист крестоносного дела Симон Монфорский. Не дождавшись ответа папы на посланное ему требование снять отлучение с «крестоносцев, которые вступили бы врагами на христианскую землю», собравшаяся в Заре армия двинулась к Константинополю.

Когда читаешь знаменитый, широко известный отрывок хроники Виллардуэна, где он описывает ощущения крестоносцев при виде столицы Востока, не можешь отделаться от впечатления, что этот текст мог быть навеян записью хроникера Первого крестового похода, сделанной некогда перед стенами Святого города. Аналогии и на их фоне, может быть, еще большие несходства бросаются в глаза, указывая на эволюцию, которую претерпело западное воинство за прошедший век. И здесь, и там «дрожит сердце» достигших своей цели странников. И здесь, и там доходит заметно преклонение перед блеском их подвига. И здесь, и там радость открытия нового мира, гордость и восторг! «Знайτε, что многие глядели на Константинополь из тех, кто его не видел. Не могли они поверить, что есть на свете такой богатый город... Вдаль и вширь расстился он перед их взглядом, владычица всех городов. И знайте, что не было того смелого, чье сердце ни дрогнуло бы...»

Дрогнуть же сердца крестоносцев должны были, вероятно, от сознания великого дерзновения. Пусть не Иерусалим был перед ними, но все же великая христианская и историческая святыня; разница, однако, была в том, что не светлое чувство освободителей, а темное вождение захватчиков привело их сюда. Сознание этого звучит где-то в глубине повествования Виллардуэна. На первом же плане — воинственное вдохновение, трубные звуки, целая палитра эпических красок, особенно ярких в описании второй осады (когда, не добившись от своего клиента Алексея IV обещанной расплаты, крестоносцы решаются сами себя вознаградить в Константинополе). Висячие мосты, брошенные к стенам Константинополя, потоки греческого огня, великаны-варяги с их двуострыми огромными секирами, латинские воины, бесстрашно карабкающиеся на башни, тонущие в волнах Босфора, серебряная цепь, перегородившая залив и перерезанная стальными ножницами венецианской галеры, византийские дамы, следящие за битвой из окон дворцов, которые выходят на взморье, наконец, знамя св. Марка, водруженное на городской башне рукой слепого Дандоло... «Никогда, с тех пор, что стоит мир, не было совершено такого великого дела», — говорит Виллардуэн.

В этой войне подвиги благочестия отмечены хроникерами рядом с великими кощунствами. Латинские воины похитили чудотворную икону Богородицы, написанную, по преданию, св. Лукой, и водрузили ее на мачте передовой галеры, чтобы защититься от ударов. Ворвавшись наконец в город, они не щадили ничего. Тысячи произведений античного искусства исчезли с чудесных площадей Константинополя в день, когда вошли туда крестоносцы. Храмы были немилосердно разграблены. Богатая мебель, ювелирные изделия, алтари, убранные золотом и эмалью, драгоценные рукописи, ткани — все было вытащено, содрано, изломано, навалено кучами в местах, назначенных для сбора добычи. Духовные лица, предприняв охоту за реликвиями, растаскивали мощи из императорской капеллы и чудотворные сокровища из других церквей. При дележе бароны выковыривали драгоценные камни из серебряных гнезд в окладах икон, а металл оставляли воинам низших рангов. «Дворцы захватили, кому ка-

кой было угодно, и их еще довольно осталось». Бонифаций заявил права на Святую Софию, дворец Буколеон и патриарший дворец. Генрих Фландрский завладел Влахернским дворцом.

Дело разрушения совершено было с упоением. На очереди стояло устройство — из пышной, убранной золотом Византийской державы надлежало сковать стальную Латинскую империю. Вновь, как и сто лет назад, западный мир должен был показать свою живучесть и приспособляемость. То, что трудно было сделать на земле Сирии, где сначала руками евреев и финикиян, греков и римлян, а затем персов, арабов и турок история нагромодила столько культурных сокровищ и культурных развалин, — было еще труднее сотворить там, где более тысячелетия прожила непрерывной жизнью гордая власть империя, где глубоко укоренилась православная традиция. Венецианская олигархия и французское баронство были здесь почти равноправными конкурентами на власть и добычу, и она поделена была между ними со своеобразной справедливостью. Шесть французов и шесть венецианцев составили совет, который, устранив, в угоду Венеции, слишком сильного Бонифация, избрал «императором Романии» француза Балдуина Фландрского, а патриархом — венецианца Томазо Морозини.

Блестящий титул, о котором столько веков грезили на Западе, честь принять венец перед алтарем Св. Софии, облечься в хламиду, шитую орлами, и взойти на Константинов трон — должны были вознаградить фландрского герцога за незначительные размеры его императорского домена, начинавшегося от Филиппополя и останавливавшегося у Никеи, где сосредоточилась большая часть беглецов из Константинополя с одним из организаторов его обороны Феодором Ласкарем⁷². Сравнительно большая область досталась Бонифацию. Дандоло получил титул «деспота» и встал во главе длинного ряда венецианских территорий, захвативших почти все византийские порты. Возникли герцогства Афинское и Архипелага, княжество Морейское (или Ахейское), графство Кефалонийское и т. д., где обосновались французы. На древней почве Ахеи выросли донжоны французских замков, в ее классическое небо врезались стрелы и кружева готиче-

ских храмов. Площади городов огласили *chansons de geste*, а громаду Святой Софии — латинская молитва.

Перед Западной церковью открывались заманчивые перспективы: как писал папе Бонифаций, «императорский город, давний грозный противник Святой Римской Церкви, как и Святой земли, ныне посвятит свои силы на сокрушение их врагов». И папа резко меняет позицию. Теперь он утверждает, что «если бы до потери Восточной Земли держава Византийская принадлежала латинским народам, — христианскому миру не пришлось бы оплакивать утрату Иерусалима». С новым воодушевлением обращает он к крестоносному воинству обратить все силы для «поддержки возлюбленного сына нашего, Балдуина».

Но Латинская империя была подвержена той же болезни, что и Латинская Сирия, но только в еще большей степени. Вместо централизованного сильного государства западные бароны создали легко рассыпающуюся мозаику ленов, покрытых, но не связанных именем империи. Все попытки осуществить имперскую власть в отношении вассалов всякий раз кончались неудачей и были только лишними демонстрациями слабости. Номинальная власть над Малой Азией представлялась насмешкой, ввиду вечной угрозы Трапезундской⁷³ и Никейской империй, где утвердились претенденты изгнанных из Константинополя династий. Кроме того, безопасности Романии грозили куманы и очень агрессивное в эту эпоху царство Болгарское. Внутри она разрывалась спорами французов и венецианцев, которые никак не могли поделить места в церковной иерархии, и подтачивалась глухим, но упорным противостоянием греческого духовенства и греческого населения. «Уния» католицизма и православия осуществлялась только отчасти и с обеих сторон неискренно. Среди православных она потеряла своих немногочисленных сторонников, когда папский легат Пелагий решил действовать не убеждением, а силой. Взоры греков все чаще обращались к Никее и Трапезунду, а в душу папы, который имел своих информаторов, возвратилось недоверие к успеху константинопольского предприятия.

«...Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания». Этими словами Христа открыл в 1215 году Ин-

нокентий III Латеранский собор, намекая на возможность близкой своей смерти и на желанный исход в Святую землю. Таким образом, папство, памятуя, что Иерусалим так и остался в руках неверных, по-прежнему звало Запад на священный путь. Правда, самому Иннокентию III, умершему летом 1216 года, уже не суждено было «вкусить пасху». Бродившее по Европе и подогревавшееся из Рима крестоносное возбуждение в его понтификат вызвало к жизни только два похода детей, двинувшихся в 1212 году вместе с беспорядочными толпами присоединившихся к ним взрослых бродяг: из Франции они шли за пастушком Этьеном, из Германии за кельнским десятилетним визионером Николаем. Идея крестового похода детей была связана со «святостью» и «непорочностью» юных душ, которым будто бы не мог быть причинен вред оружием. Тщетно удерживала их от этого предприятия высшая светская власть, да и духовные власти были не в восторге, видя в нем какой-то надрыв, вырождение идеи священной войны. В то же время этот крестовый поход был поддержан орденом францисканцев.

Судьба обоих походов была печальна. Французская толпа, посаженная в Марселе на корабли, попала в шторм, и те, кто уцелел, затем были распроданы в рабство на египетских рынках; немецкий поход, претерпев ужасные лишения в пути через Альпы и потеряв множество участников, погибших от голода и чумы, с трудом добрался до итальянских гаваней и повернул обратно — домой вернулись немногие.

Настоящий же Пятый крестовый поход, организации которого отдал последние годы жизни Иннокентий III и к которому ему удалось склонить венгерского короля, австрийского и баварского герцогов, скандинавских и брабантских князей, в котором приняли энергичное участие короли Кипра и Иерусалима и рыцарские ордена, — осуществился только после его смерти. В нем доминировал германский элемент. Его организаторы никак не могли определить конечную цель, колеблясь между Сирией и Египтом, между Акрой и «Вавилоном» (Каиром). После неудачных действий в Сирии, отъезда домой венгерского короля Андраша II и смерти кипрского короля Гуго I решено было, под влиянием иерусалимского правителя Иоанна Бриеннского, сосредоточиться на Египте.

К этому времени к крестоносцам присоединился папский легат Пелагий, которому папа Гонорий III поручил взять на себя духовное руководство походом.

Христианам удалось стянуть в Нильскую дельту весьма значительные силы. Без больших проволок — главная заслуга в этом принадлежала тамплиерам — крестоносцы овладели Дамием и пошли к Каиру. Султан дважды предлагал им уступить Палестину и Иерусалим в обмен на Дамием, он даже обещал заново отстроить стены Иерусалима, разрушенные мусульманами, дабы крестоносцы, если возьмут город (в чем мусульмане уже не сомневались), не могли держать в нем оборону. Но крестоносцы — во второй раз по настоянию Пелагия — отказались от заключения мира и, рассчитывая на большее, двигались в глубь страны. Здесь, однако, их ждал неожиданный поворот военного счастья. Начался разлив Нила, и войско оказалось окружено водой. К тому же египтяне, куда лучше знакомые с местными условиями, совершили ночное нападение, приведшее к большим потерям среди крестоносцев. Положение с каждым днем ухудшалось, у крестоносцев кончались припасы, распространялись панические настроения. Иоанн Бриеннский вынужден был вступить в переговоры, но теперь уже на условиях султана. Спасение было куплено дорогой ценой: крестоносцам пришлось вернуть Дамием и покинуть Египет.

Пятый крестовый поход тщетно ждал себе на помощь Фридриха II Гогенштауфена. Когда-то, в порыве мистического одушевления, он принял обет крестоносца перед гробницей Карла Великого. Но ни Иннокентий III — бывший его воспитатель, ни Гонорий III, дававший ему неоднократные отсрочки, не дождались его выступления. Понадобились громы отлучений следующего папы Григория IX, чтобы двинуть его в путь. Выехав, наконец, в сентябре 1227 года, он еще раз вернулся, и лишь в июне следующего года мы видим его определенно на дороге в Палестину. Так начался Шестой крестовый поход — личный поход императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена.

Цели, которые Фридрих II преследовал в Святой земле, имели чисто мирскую основу. То была почти освобожденная от ее священного ореола идея эпохи Барбароссы: весь мир

принадлежит цезарю, — и, уж во всяком случае, ему принадлежит во всем ее объеме территория прежней Римской империи. Отсюда для Фридриха, сына Генриха VI и норманнской принцессы, вытекала власть как над Иерусалимом и Антиохией, так и над Константинополем и Кипром. И если свои притязания на Иерусалим он подкрепил браком с наследницей иерусалимской короны Изабеллой Бриеннской, то это был только лишний довод, облегчавший его политику на Востоке и борьбу с другими претендентами: десятилетним королем Кипра Генрихом I, его опекуном Филиппом Ибленским и матерью Алисой Шампанской. Верный своему терпимому отношению к исламу, Фридрих II начал свой крестовый поход с переговоров с египетским султаном аль-Камилем, предлагая ему обменять Палестину на вечное прекращение крестоносных войн и союз против турок Центральной Азии — так называемых «хорезмийцев». На том они и договорились — еще до того, как Фридрих отправился в путь.

Но договор этот выполнен не был, и тому было много причин. Во-первых, аль-Камиль при первом ослаблении хорезмийской опасности взял свои обещания обратно и стал предлагать христианам только Иерусалим, Вифлеем и Назарет, оговаривая свободное пребывание там мусульман и то, что христиане не станут укреплять иерусалимские стены. Фридрих же не мог выполнить свою часть условий, если бы даже и хотел. Из сил, сосредоточенных в Палестине, только Тевтонский орден с Германом фон Зальца во главе поддерживал его политику. Госпитальеры и тамплиеры, согласно повелению папы, отказывались выполнять пункт о «прекращении крестоносной войны». Ордена францисканцев и доминиканцев открыто проповедовали на площадях против «безбожного» императора, вступившего в союз с неверными. Папа Григорий IX отлучил Фридриха от церкви и наложил интердикт на Святую землю, где тот утвердился. Патриарх⁷⁴ отказывался войти в «оскверненный соглашательством» Иерусалим. Вступление в город и даже венчание самого Фридриха обставлено было атрибутами больше светского торжества, чем церковного таинства. Император сам возложил на себя корону в храме Святого Гроба и окружил

Гроб светскими рыцарями вместо каноников. На коронационный пир он пригласил мусульманских вождей... Торжество гибеллинской⁷⁵ политики на Востоке одевалось в формы, которые давали церкви повод говорить о наступавшем царстве Антихриста.

Сверх всего император оскорбил в Сирии христианских феодалов. В нарушение сложившихся традиций он совершенно игнорировал в важнейших вопросах восточной политики волю Haute Cour и, как хотел, распоряжался в Акре и на Кипре. Когда он отбыл в Европу, то оставил вместо себя наместника, который также не склонен был прислушиваться в местным баронам.

В результате все влиятельные элементы Латинского Востока были восстановлены против императорского правления, и даже примирение Фридриха с папой, происшедшее в 1230 году, не произвело на Палестину никакого впечатления. Здесь ждали только повода отделаться от императорского наместника, что в конце концов и произошло. В 1243 году иерусалимским королем с подачи папского престола был провозглашен юный Конрад, сына Изабеллы Бриеннской и Фридриха II, но регентство при нем досталось не его отцу, а было передано королю Кипра Ги Лузиньянскому.

Столь же резкое противодействие вызвали все попытки Фридриха вмешаться в дела Латинской Византии и его притязания на власть в ней. Ее судьбы должны были завершить свой роковой круг без участия римского императора. В лице первых своих государей — Балдуина, через год пропавшего без вести в схватке с валахами, и Генриха, продержавшегося одиннадцать лет, — Латинская Византия имела деятельных правителей. Но вся их энергия ушла на борьбу с центробежными силами в империи и с врагами на ее границах. Жизнь империи напоминала непрерывно задуваемое ветрами пламя. Далекая от того, чтобы быть опорой Латинской Сирии, она, напротив, оттягивала к себе силы и ополчения Европы. Перетекающие одно в другое правления Пьера де Куртене (внука Людовика Толстого), его жены Иоланты, их сына Роберта отмечены бесплодными усилиями укрепить власть, редкими подвигами мужества, частыми попытками сговоров и родственных союзов то с греками, то с болгарами. Лишь

семь лет правления Иоанна Бриеннского, иерусалимского короля и опекуна еще одного сына Пьера де Куртене и Иоланты — малолетнего Балдуина II, Латинская империя жила относительно спокойно.

Многолетнее царствование Балдуина (1237—1261) было долгой и бесславной ее агонией. Вечно нуждавшийся в деньгах и в военной силе, император провел бóльшую часть своей жизни в странствиях по европейским дворам, распродавая действительные и мнимые святыни своей земли, сеньории и титулы и даже, как гласит предание, заложив венецианцам собственного сына. В 1261 году Михаилу VII Палеологу не стоило большого труда вернуть Константинополь греческой власти, после чего правление латинян удержалось только в Ахее, Эпире и на островах.

Глава VI

Падение крестоносного энтузиазма

Многие причины мешали в XIII веке концентрации западных сил для борьбы с исламом. Но меньше других бросалась в глаза современникам та, которая была главной: мир за время между Первым и Четвертым походами сильно изменился. Это равным образом касалось тех, кто собирался под знаменем креста, так и тех, кто жил под знаком полумесяца. В Европе большая вода народного возбуждения, высоко поднявшаяся в весну крестоносного движения, широко разлилась и завертела на своих путях много новых колес, которые затем и увели эту воду на свою работу. Из мечты найти свою долю за синими волнами Средиземного моря, у подножия Ливанских гор, выросло желание искать ее дома, в повседневном труде и переустройстве жизни.

С Иерусалима христианам в первую минуту показалось, что все рухнуло в Латинской Сирии. Но когда утихли первые вопли отчаяния, когда улеглась пыль, поднятая катастрофой, то обнаружилось, что кое-что — и, может быть, главное — сохранилось. Почти ни один из торговых кварталов не был уничтожен, а временно опустевшее Средиземное море

вскоре снова заполняют караваны судов. Огромная держава, объединенная рукою Саладина, где теперь Сирия и Египет были подчинены одной власти, радушно открыла свои рынки вчерашним врагам.

В единстве власти было известное удобство для коммерческих сношений. Обороты возрастали, и в левантской⁷⁶ торговле наступал новый расцвет. Он охватывает не только Италию и юг Франции, которые и прежде участвовали в ней, но Рейн, Рону с Соной, пути, ведущие к Сене и дальше, к Фландрии, морю и Англии. Внимательнее начинает присматриваться к прежнему своему неприятелю христианский гость Сирии. Не только хлопок и сахар Палестины, перец и черное дерево Египта, самоцветные камни и пряности Индии ищет и ценит он у своего иноверного соседа. Он начинает разбираться в том культурном наследстве великого античного Востока, которого хранителем и передатчиком стал сарацин. Открывающийся мир не мог не ослепить его своими красками, не подчинить своему обаянию. Это обаяние неизбежно должно было постепенно смягчать остроту столкновения двух культур. И если уже суровый Ричард Львиное Сердце обменивался любезностями с Саладином, этим истинным джентльменом ислама, то еще естественнее, что в 1228 году Фридрих II Гогенштауфен, ученик сицилийских арабов, не желает понимать непримиримую позицию Григория IX. Все шире становится в западном обществе спрос на арабские географические карты, учебники алгебры и астрономии, все глубже проникаются европейцы красотой арабского зодчества.

Но конечно, утрата Иерусалима не могла быть пережита религиозным сознанием иначе, как страшная катастрофа. Было ли в XIII веке западное человечество, перед которым открывались такие широкие перспективы жизни, единодушно в этом сознании в такой же мере, как это было в момент первого взятия Иерусалима турками в 1095 году? Или даже таким, каким оно было перед падением его в 1187 году? След этой второй катастрофы остался в легенде о Иоахиме Флорском, основателе монастыря на суровых высотах калабрийских гор. Этот загадочный человек, имевший репутацию пророка, порой покидал свой монастырь и появлялся

в городах Сицилии. Здесь с ним будто бы виделся Ричард Львиное Сердце, и Иоахим сказал ему, что падение Иерусалима есть предвестие близкого конца мира, Саладин — предшественник Антихриста, который уже родился в Риме, и что Иннокентий III не будет иметь преемника. Предсказание это предвещало бурю, но в то же время и обновление — после неминуемого сокрушения Антихриста.

Может быть, это обновление как раз и заключалось в том, что, начав с ненависти к чужому миру, чужому религиозному сознанию, Европа кончила сближением и примирением с ним. Земной Иерусалим был утрачен. Тем большее напряжение было сообщено крестовому походу внутри Европы — ради завоевания духовного Иерусалима. Воинственная энергия Римской курии направлялась теперь не только на Палестину, и это вело к замутнению ясного и строгого образа крестоносной войны. «Мы одолели турок и язычников, но не можем одолеть еретиков и схизматиков», — писал когда-то Бозмунд Тарентский Урбану II, пытаясь подвигнуть его на войну внутри христианского мира. Урбан не откликнулся на этот призыв, но спустя век он стал фактической программой Иннокентия III. «Схизма и ересь» — таков был ныне объект, на который направляла ненависть католиков Римская курия. Новая концепция церковного врага была тем опаснее, что давала простор для весьма гибких и растяжимых толкований и незаметными путями сплеталась со сложной домашней политикой, с личной и политической выгодой, вызывала подозрительную настороженность по отношению к порывам свободной мысли, к самым тонким и благородным, едва начинавшим звучать тонам духовной жизни. «Крестовый поход» проповедовался всюду: в Пруссии против славян и латышей, в Испании против Альмохадов⁷⁷, в Константинополе во времена Латинской империи против греков, в Англии против Иоанна Безземельного. Самым разрушительным для европейской мирной культуры стал в 1209 году поход против еретиков-альбигойцев⁷⁸ Лангедока и Прованса. В результате Альбигойского крестового похода, вылившегося в целую серию военных кампаний, был, правда, сделан важный шаг к объединению Франции в единое государство, но произошло это ценой разрушения цветущей страны купцов и трубадуров.

В понтификат Иннокентия IV (1243—1254 годы) постановка вопроса о священной войне оказалась еще дальше от ее первоначального смысла. Не схизма и ересь вообще, но более всего Германская империя, как ее воплощение, и Гогенштауфен, как главный враг, указаны были Иннокентием главной целью крестоносного движения. Эта цель была поставлена не только рядом с Палестиной, но впереди нее. И это в то время, когда над Палестиной собирались тучи возникшего из глубин Азии монгольского нашествия. Под давлением монголов на Ближний Восток двинулись турки-хорезмийцы, об угрозе со стороны которых латиняне стали забывать, и по пути в Египет в 1244 году захватили Иерусалим.

В июне этого же года был созван собор, но не с целью решить, как помочь Святой земле, а ради проповеди войны с Фридрихом. Задачу свою папский престол видел в том, чтобы направить задуманный Людовиком IX Святым Седьмой крестовый против императора. Ради этого Римская курия не останавливалась ни перед чем и даже «ставила западни», по выражению хроникера, английским баронам, шедшим в Святую землю.

Однако сдвинуть Людовика Святого с избранного пути было непросто. Он — в силу своего характера и обстоятельств — воплотил в себе крестоносную честь в ее первоначальном понимании. В 1244 году король тяжело заболел и дал обет, если Господь сохранит ему жизнь, возложить на себя крест и отправиться в Палестину. Этот обет был исполнен. Вместе с королем приняли крест его братья и некоторые бароны Франции и Фландрии. Французская эскадра отплыла из Эг-Морта в конце лета 1248 года, но только через год бросила якорь в виду Дамьетты. По пути король задержался на Кипре, поджидая братьев и собирая провиант. Здесь к нему явились с подарками и просьбами посольства из ближних и дальних мест: из Константинополя, Армении и Сирии. Во время пребывания на острове король вел активные переговоры с другими христианскими правителями и монархами. О помощи короля просили Латинская империя, Антиохийское княжество и тамплиеры. Прибыли даже послы от «великого царя татар» — с предложением заключить союз против Египта. Этот союз обещал совершенно неожиданные и очень вы-

годные комбинации для европейской политики на Востоке. Король в ответ отправил монахов-проповедников в глубину Азии — одержимый проповедью христианства, он почувствовал перспективы, своим величием превосходившие все восточные проекты норманнских князей, имперские планы Гогенштауфенов, даже мечтания папства. Неведомый, безграничный Восток открывался не власти, но миссии христиан, и король задавался вопросом, «не может ли он привлечь в нашу веру» новые огромные народы. «Царю татар» он послал в подарок палатку-часовню, на стенках которой «изображено Благовещение и другие положения веры».

6 июня 1249 года французы захватили Дамиетту, не встретив почти никакого сопротивления со стороны войск султана. А затем... они воспроизвели все подвиги и все ошибки Пятого крестового похода. Под потоками греческого огня, то сядясь на корабли, то возвращаясь на берег, наводя дамбы в местах, которым грозил Нил, отряд крестоносцев под командованием брата короля Робера I д'Артуа дошел до Эль-Мансуры⁷⁹ и в феврале 1250 года погиб здесь до последнего человека. Когда об этом узнал король, «крупные слезы катились из его глаз...». Правда, в этот момент и сам король, как и бывшая при нем большая часть армии были недалеко от судьбы принца Роберта. Загадочная болезнь, проявлениями своими напоминавшая цингу, губила крестоносцев сотнями. Больной король нес испытания вместе с войском, отвергая все предложения покинуть его. Остатки войска еще можно было спасти, но вместо того, чтобы отойти к Дамиетте, французы направились к Эль-Мансуре и целый месяц безуспешно ее осаждали. Только в марте, когда крестоносцы уже были на грани истощения, Людовик стал отступать к Дамиетте, однако был настигнут арабами и разбит в сражении при Фарискуре. Крестоносная армия перестала существовать, а сам король оказался в плену.

У него потребовали в качестве выкупа четыреста тысяч солидов и возвращения Дамиетты. «Я готов отдать город за мое освобождение, а четыреста тысяч солидов за освобождение всех пленников», — ответил монарх. На этом и договорились с султаном Туран-шахом. Однако почти сразу вслед за этим султан в результате переворота был убит, и судьба пленников

вновь стала неопределенной. Шампанский сенешаль⁸⁰ Жуанвиль, сопровождавший короля в походе, вспоминал позднее: «Их было тридцать в нашей галере, с обнаженными мечами и датскими топорами. Я спросил Балдуина Ибленского, который понимал по-сарацински, что они говорят. И он сказал, что они собираются отрезать нам головы... Вокруг теснились люди, спешившие исповедаться у брата-тринитария... Но я не мог вспомнить ни одного греха...»

В конце концов королю все-таки была дана свобода в обмен на сдачу Дамьетты и выплату части оговоренной суммы, но большинство других пленников было задержано до уплаты всей контрибуции. Пока тронутая жалостью Европа, пока бароны и жена Людовика королева Маргарита собирали деньги и драгоценности на выкуп пленных, король оставался в Палестине.

Что скажет Франция, Шампань, что скажут люди?

.....

Страдальцев за Христа и государя

Предать на гибель был бы смертный грех, —

написал остававшийся при короле верный Жуанвиль.

Ведя переговоры с султаном и тем временем укрепляя замки Акры, Кесарии, Яффы и Сидона, он сделал немало для облегчения участи пленных и утверждения французского влияния на Востоке. Только смерть матери Бланки Кастильской в ноябре 1252 года заставила его возвратиться на родину. Впрочем, он смотрел на свое возвращение, как на временное, и не считал себя свободным от обета.

Перед всеми христианами земли и всеми христианами Востока, а не только перед теми, кого он в 1249 году привел к Дамiette, лежал на его совести долг. Он не мог не почувствовать его тяжести в 1267 году, когда мамлюкский⁸¹ султан Египта Бейбарс I овладел Арсуфом, Сафедом и Кесарией, прежде разрушив их стены. Яффа покорила Бейбарсу после двенадцатичасовой осады, Антиохия сдалась в три дня. После этого, кроме Триполи, Акры и Сидона, у христиан не осталось городов на сирийском побережье.

Римская курия сочла необходимым призвать христиан к новому походу. Но трудно представить себе атмосферу, ме-

нее благоприятную для его осуществления. Если со смертью Фридриха гибеллинская политика не находила ярких представителей в семье Гогенштауфенов, то она всецело была воспринята братом самого Людовика — сицилийским королем Карлом Анжуйским, которого папство прочило и в императоры. В 1261 году он заключил договор с Балдуином II, которым возложил на себя задачу восстановления Романии с перспективами наследства в ней, а в 1269 году претендентка на иерусалимскую корону Мария Антиохийская передала ему свои права на Палестину. Он, разумеется, собирался осуществить эти права, однако само по себе освобождение Святой земли интересовало Карла Анжуйского значительно меньше, чем новое завоевание Византии.

Людовик Святой воспротивился этому всей силой своего авторитета. И этого авторитета, как выяснилось, еще оказалось достаточно, чтобы был совершен еще один «путь за море». Надо признать, однако, что в большинстве населения Франции призыв к крестовому походу встретил равнодушие или прямое возмущение. Подготовка к походу сопровождалась зловещими предзнаменованиями. «Уснул я под утро, — рассказывает Жуанвиль, — и увидел во сне короля на коленях перед алтарем. Несколько прелатов надевали на него алую сорочку из реймской саржи». Духовник Жуанвиля разъяснил сон, как предсказание, «что завтра король примет крест». Алый цвет сорочки намекал на кровь, бедный материал на то, что поход будет иметь печальный исход. «Думаю, — продолжает Жуанвиль, — смертный грех взяли на себя те, кто советовал ему идти». Что удивительно, Жуанвиль — верный вассал короля и его биограф — счел возможным для себя отказаться от участия в походе: «Я останусь дома, чтобы устраивать и защищать свой собственный народ... Он беднеет и разоряется, пока мы странствуем за морем на службе у Бога и короля». Из этого мы можем заключить, как изменилась обстановка между Седьмым и Восьмым крестовыми походами.

Жуанвиль остался участвовать в устройении новой Франции. Людовик ушел на Восток, чтобы погибнуть за идею крестоносного подвига, в исполнение молитвы, за которой однажды застал его Жуанвиль: «Господи, исполни желание

моего сердца: утверди мир между христианами. Если же мне суждено умереть, дай мне умереть у великого подвига, в служении Тебе».

Желание сердца было исполнено только во второй его половине. В 1270 году Людовика IX, как и очень значительную часть его армии, унесла чума, разыгравшаяся на тунисском побережье, где высадились крестоносцы Восьмого похода. Карл Анжуйский после смерти короля немедленно переправил оставшуюся армию обратно в Европу. Поход, таким образом, как и предсказывал духовник Жуанвиля, имел печальный исход.

Некому было больше зажигать остывавший жар Европы, и христианской Сирии пришлось покориться своей судьбе. В 1291 году мусульманами была взята Акра — последний оплот христиан.

Глава VII

Эпилог крестовых походов

Название обещало читателю историю эпохи крестовых походов. И это название, и обещание могли вызвать вопрос, возможна ли такая история. Никто не сомневается, что можно говорить об истории папства, городов, монархов. Там речь идет о явлениях, которые жили непрерывной жизнью. Их сменяющиеся состояния и возникающие из этого факты мы соотносим с чем-то одним непрерывно длящимся, у чего меняются — если возможно такое сближение — сказуемые, определения, обстоятельства места и времени, но остается всегда подлежащее.

Так ли обстоит дело с крестовыми походами? С 1096 года, когда божьи воины впервые спустились в долину Дуная, чтобы искать пути в Обетованную землю, до 1270 года, когда корабли французского короля Людовика Святого покинули Эг-Морт и взяли путь на Тунис, прошло почти два века. В эти два века несколько раз большие массы людей приходили в движение и покидали Европу, чтобы — зачастую в большинстве своем — не дойти до Иерусалима: погибнуть или вернуться. Либо, достигнув Святого города, принести затем

домой славу или разочарование и засесть в своих шампанских и лотарингских углах с рассказами о «пути за море» — до нового поколения, которое, не обогащаясь ошибками отцов и достигнув их лет, пойдет по их следам.

Осязаемые результаты крестоносного движения незначительны. «Первый крестовый поход, — замечает французский историк Люшер⁸², — который взбудоражил всю Европу и заставил трепетать Азию, привел к основанию нескольких латинских колоний на сирийском побережье — результат ничтожный, если сопоставить его с огромностью усилий. Да и его-то достигли для того, чтобы вслед за тем немедленно потерять. Прежде, чем Иннокентий III стал папой, две мусульманские державы, Дамасская и Каирская, после долгой и фатальной для ислама вражды, слились и вновь отвоевали Иерусалим. Все надо было начинать сначала».

В перебоях крестоносного движения нет определенного закона. Установился обычай насчитывать восемь походов в два столетия крестоносной эпохи. В этом счете не приняты во внимание ни более мелкие промежуточные экспедиции, ни предприятия, которые еще некоторое время высылала Европа после Людовика Святого. Может быть, этот ряд в восемь больших движений соответствует чередованию поколений? Это предположение оправдывается очень отдаленно. От первого похода, с отправной его точкой в 1095 году, проходит до второго (1147 год) почти полвека. Второй от третьего (1189 год) отделяет более сорок лет. Затем, однако, не проходит и пятнадцати лет, как папству удастся вызвать новое выступление. Но Четвертый крестовый поход (1202 год) с первых же шагов отклонился от «священного пути» в Палестину к завоеванию Константинополя. Его состав, исключительно почти рыцарский и патрицианский, его настроения, ни в чем уже не напоминавшие восторгов крестоносной весны, показывают, что «время пошло на склон».

XIII век полон частых попыток, либо несчастливых, как походы детей, либо таких, где на бледном фоне угасшего энтузиазма масс тем назойливее бросается в глаза честолюбие светских и церковных интриганов и тем неприятнее поражает холодная дипломатия удачливых политиков. Средне-

вековой мир присутствует при невиданном зрелище, когда один вселенский глава его, император Священной Римской империи, почти без крови и усилий, путем сговора с «неверными», добывает, казалось бы, безнадежно потерянный и так некогда страстно желанный Иерусалим, а другой глава, римский папа, за это подвергает его анафеме; когда страна, где был распят Иисус Христос, оказывается под интердиктом его наместника на земле.

В дальнейшем, среди сплошного несчастья, каким были Седьмой и Восьмой походы, одна только фигура привлекает к себе внимание зрителя — сочувственное, но в этом сочувствии есть доля высокомерной жалости, — это фигура святого короля Франции, которого иные особенно рассудительные его современники называли ханжой, королем-святошей и «братцем Людовиком». На его лице, но, кажется, только на нем одном, еще сияет запоздалый свет воодушевления, которое двигало крестоносцев на Восток.

На самом крестоносном движении историки обычно ставят точку в 1291 году. Подобные даты никогда не бывают точными. Крестоносное движение породило множество учреждений, организовало многие силы, которые не могли исчезнуть немедленно ни с окончательной потерей Иерусалима, ни с потерей Акры, последнего оплота в Палестине. В Ахее и на островах еще сохранялись владения «Новой Франции». На Кипре, в Никосии, более двух веков (до 1489 года, когда остров захватили венецианцы, у которых, в свою очередь, в 1571 году его отняли турки) доживал царственный двор Иерусалима, с королями Лузиньянской династии во главе, с окружившей их группой баронов. Кажется, маятник времени остановился на Кипре. Посреди изменившегося мира живые обломки прошлого хранили тексты иерусалимских ассиз и свято берегли традиции Haute Cour, являя миру удивительный образец аристократической идиллии, который, точно музейную редкость, долго щадила история.

Долго держались в разных углах Европы и другие пережитки крестоносного движения. Существовали вызванные им к жизни рыцарские ордена; существовали в Риме канцелярии, ведавшие делами Святой земли. Жили еще честолобивые притязания церковных политиков и грезы церковных

мечтателей. Какова была судьба всех этих остатков, побегов погибшего основного ствола? Они присасывались к новой почве или тоже погибали — одни естественной смертью, другие насильственно. Из таких присосавшихся к новой почве и на ней огрубевших эпигонов священной войны особенно следует выделить северные ордена меченосцев и тевтонов. Прикрывшись плащом и крестом Божия воина, они принесли к Балтийскому морю инстинкты и аппетиты, весьма непохожие на мотивы первых ее героев.

Что касается погибших насильственной смертью, то наиболее тяжелое впечатление оставляет публичная казнь тамплиеров. Предлогом для нее выставят разные преступления и провинности ордена — прежде всего «ересь» и «магию». Но в тоне ораторов, которые будут витийствовать в подставных судах, чувствуется, что они сами не верили тому, что говорили. Орден тамплиеров — самый, может быть, воинственный и энергичный из орденов Палестины — был упразднен, потому что он перестал быть нужен. Вместе с тем своей силой и богатством он вызывал разнообразные вожделения — между прочим, и со стороны французского короля Филиппа IV. По его воле была издана в 1312 году папой Климентом V булла, положившая конец существованию тамплиеров, и сожжены на кострах главные их деятели во главе с магистром Жаком Моле.

Были и медленно умирающие. Это в особенности приходится сказать об ордене иоаннитов (госпитальеров). Менее неприятный для сильных мира, проявивший себя больше благотворительной деятельностью, нежели властными притязаниями, он вызывал к себе самое терпимое отношение. Но и его бросали из страны в страну, из Палестины в Кипр, из Кипра на Мальту, его территория все больше суживалась, пока он не умер от старческого бессилия, и его корона, поднесенная императору далекой северной державы, Павлу I, не очутилась в московской Оружейной палате.

В начале XIV века ясно, что самая сердцевина крестоносного ствола превратилась в труху, его стяг, переданный в руки германского воинства, утратил свой девиз, и романское рыцарство больше не возьмет его в руки. Однако на романском Западе не перестанут вести речи о крестовых походах.

Вьеннский собор 1311–1312 годов будет очень подробно обсуждать вопрос «О пути в Иерусалим». Еще появится немало прожектеров, которые станут придумывать «удобные средства» вернуть Иерусалим и обуздать турок. Проекты будут подаваться папе и французскому королю — тому самому Филиппу IV, который загубил тамплиеров. Коронованные и тонзурованные⁸³ особы, которым они подавались, читали их, размышляли, писали циркуляры, пока гром пушек на Косовом поле⁸⁴ не известил Европу, что турки не дождались крестоносных гостей и сами пожаловали в Европу. Семьдесят лет спустя они были уже у стен Константинополя.

Так идет по спадающей кривой история крестоносного движения. Сначала оно увлекает всех: крестьян и горожан, осторожных и восторженных, добропорядочных людей и преступников. Дальше в его фарватере остаются преимущественно воины и расчетливые армии купцов. На вершине одного из последних его всплесков — святой король Франции и в заключение — ворох бумажных проектов.

Общество, которое через каждые сорок лет, а потом и чаще выкидывало на берега Сирии и Африки большие волны, в промежутках между ними жило не одними интересами священной войны, и самые эти интересы часто рождались из других интересов. В этом смысле, собственно, кажется, нет истории крестовых походов, а есть история Западной Европы со всей полнотой ее огромного жизненного содержания.

С другой стороны, несомненно, что в крестоносном движении средневековой мир является в особом аспекте. Будучи производным от экономического и социального развития Средневековья, от политической его эволюции, крестоносное движение в то же время есть и нечто большее. «*Iter transmarinus*» — «Путь за море», «*Via Sacra*» — «Священная дорога», «*Gesta Dei*» — «Божий подвиг» — такие названия давали крестоносным хроникам их авторы. Мир в движении к высшей цели, радостная жертва, в которой сиянием высшего идеала озарена смерть, — такова была их концепция совершавшегося, где, несмотря на все его неприглядные стороны, они улавливали трепет стремящейся ввысь человеческой души. В глубокой основе крестоносного движения ими обнаруживается идеальный смысл: единение ради вели-

кого подвига, с которым стареющему миру является надежда обновления.

Так что не напрасно прошел некогда в мареве пустыни рыцарь бедный, молчаливый и простой... С ним, чистым своим воплощением, душа западного человечества узрела виденье, непостижное уму,

И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему...⁸⁵

Примечания

- ¹ В русской исторической литературе традиционно принято написание Генрих. Давая имя английского короля в форме «Анри», автор подчеркивает его принадлежность к французской культуре. Генрих II Плантагенет по прозвищу Короткий Плащ (1133—1189) — герцог Нормандии с 1150 года, граф Анжу, Мэна и Тура с 1151 года, первый король Англии из династии Плантагенетов с 1154 года.
- ² Геральд (Гиральд) Камбрезийский (Камбрийский) (ок. 1146 — ок. 1223) — средневековый британский историк и церковный писатель.
- ³ Бернард Клервоский (1091—1153) — французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, аббат монастыря Клерво с 1117 года. Вдохновитель крестовых походов в Европу.
- ⁴ Фома Кентерберийский (Томас Бекет; 1118—1170) — одна из ключевых фигур в английской истории XII века, первоначально канцлер Генриха II Плантагенета, с 1162 года архиепископ Кентерберийский. Вступил в конфликт с Генрихом II и был убит, возможно, по наущению короля.
- ⁵ Генрих III Младший (1155—1183) — номинальный король Англии в качестве соправителя с 1170 года; Ричард I Львиное Сердце; Жоффруа II (Жоффрей, Готфрид) (1158—1186) — герцог Бретани, по распространенной версии погиб на рыцарском турнире; Иоанн Безземельный (1167—1216) — король Англии с 1199 года.
- ⁶ Кларендонские конституции — законодательный документ, принятый Генрихом II в 1164 году в Кларендоне. Были призваны ограничить привилегии духовенства в Англии, уменьшить юрисдикцию церкви и снизить авторитет папы римского в Англии. Принятие Кларендонских конституций стало причиной начала конфликта между Генрихом II и английским духовенством во главе с Томасом Бекетом (Фомой Кентерберийским).

- ⁷ После полутора веков набегов норманнов на Северную Францию область Нижней Сены, будущая Нормандия, была уступлена их вождю Роллону в 911 году на вассальных правах. Вышедший отсюда в 1066 году для завоевания Англии Гильом был шестым потомком Роллона.
- ⁸ Имеются в виду Вильгельм Завоеватель (ок. 1027–1087) — герцог Нормандии с 1035 года под именем Вильгельм II и король Англии с 1066 года, а также его преемники Вильгельм II Рыжий (ок. 1056/1060—1100) — король с 1087 года и Генрих I (1068—1135) — король с 1100 года.
- ⁹ Так описал его автор так называемого «Итинерария Ричарда», содержащего сведения о Третьем крестовом походе (1189—1192). Тонкое и строгое лицо с кудрявой бородкой и высоким лбом, которое глядит на нас со статуи Ричарда в Руанском соборе, вряд ли можно считать портретом.
- ¹⁰ Имеется в виду Анна Комнина (1083—1153) — дочь императора Алексея I Комнина, одна из первых женщин-историков, автор «Алексиады» — важнейшего источника по истории Византии времен крестовых походов.
- ¹¹ Александр Картельери (1867—1955) — немецкий историк-медиевист.
- ¹² Сыновьями этих дочерей, большею частью хорошо вышедших замуж, были, в частности, граф Анри Шампанский, король Иерусалима в 1192—1197 годах, и Оттон IV Брауншвейгский, германский император в 1209—1215 годах.
- ¹³ В кафедральном соборе Сантьяго-де-Компостела в Испании, по легенде, захоронены останки апостола Иакова, что сделало город третьей, после Иерусалима и Рима, святыней католического мира и конечным пунктом паломнического маршрута, охватывавшего всю территорию Европы.
- ¹⁴ Имеются в виду двенадцать рыцарей из близкого окружения короля франков Карла I Великого (740-е — 814) во главе с героем французских эпических сказаний Роландом.
- ¹⁵ Карл Мартелл (686 или 688—741) — майордом франков с 717 года, вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье. Дед Карла Великого.
- ¹⁶ Поль Видаль де ла Блаш (1845—1918) — создатель французской географической школы, автор многих работ по исторической географии Франции.
- ¹⁷ Сохранилось 45 стихотворений (из них 18 с нотацией) Бернарда де Вантадура (Бернарта де Вентадорна; ок. 1125—1140 — ок. 1190—1200)).

¹⁸ С именем трубадура Жоффре Рюделя связана одна из самых популярных легенд о возвышенной любви. В жизнеописании трубадура рассказывается, что Рюдель полюбил графиню Годьерну Триполитанскую, которую, однако, никогда не видел, и сложил в ее честь много прекрасных стихов. Чтобы увидеть свою «далекую любовь», он отправился в 1146 году в качестве участника Второго крестового похода на Ближний Восток, но во время морского путешествия заболел и скончался в Триполи на руках графини. Она приказала похоронить его с почестями в соборе триполитанского ордена тамплиеров, а сама в тот же день постриглась в монахини. В то же время есть данные, что Рюдель умер значительно позже — около 1170 года.

¹⁹ Перевод В. Дынник.

²⁰ Речь идет о рыцаре Уильяме Маршале (ок. 1146—1219), одном из гарантов Великой хартии вольностей 1215 года, а после смерти в 1216 году Иоанна Безземельного — регенте Англии. Его жизнь описана в анонимной поэме «История Уильяма Маршала».

²¹ Гервазий Кентерберийский (ок. 1141 — ок. 1210) — английский хронист, автор нескольких сочинений.

²² Ричард Фиц-Нил (ум. 1198) — казначей Генриха II Плантагенета, автор трактата «Диалоги о казначействе» — уникального источника информации о королевских финансах и методах их сбора.

²³ Марк Анней Лукан (39—65) — римский эпический поэт.

²⁴ Сицилианская унция в Средние века была равна 30 граммам. Таким образом, Ричард I Львиное Сердце получил около 1,2 тонны золота.

²⁵ Ганелон — персонаж французского эпоса, приемный отец Роланда, своим предательством обрекший на гибель отряд во главе с Роландом.

²⁶ Бернгард фон Куглер (1837—1898) — немецкий историк, специалист по истории крестовых походов.

²⁷ Ассасины — название, под которым получили широкую известность в Средние века исмаилиты, под которыми подразумевают совокупность религиозных движений в шиитской ветви ислама. В период крестовых походов во многие европейские языки вошло слово «ассасин» в значении «наемный убийца».

²⁸ Артур I (1187—1203) — герцог Бретани с 1196 года, племянник Ричарда Львиное Сердце. Был, как традиционно считается, убит по приказу короля Иоанна Безземельного и даже, по одной версии, лично самим королем. Обвинять в смерти Артура I Филиппа II Августа нет оснований.

²⁹ Малик (араб.) — царь, правитель.

- ³⁰ Генрих Лев (1129—1195) — герцог Саксонии в 1142—1180 годах (под именем Генриха III) и Баварии в 1156—1180 годах (под именем Генриха XII). Был женат на Матильде, сестре короля Ричарда Львиное Сердце. Происходил из династии Вельфов, соперничавших с Гогенштауфенами, к которым принадлежал Генрих VI, как за титул императора Священной Римской империи, так и за престолы в различных европейских, прежде всего германских, государствах.
- ³¹ Марка — единица веса серебра или золота в средневековой Западной Европе, равная приблизительно 249 граммам.
- ³² В Средние века значение фунта в каждой стране было свое, а во Франции, например, оно различалось в каждом феодальном владении. В результате к началу XVIII века в Европе было более ста разных фунтов. Германский фунт во времена императора Генриха VI равнялся двум маркам и, следовательно, 496 граммам.
- ³³ Симоньяк — тот, кто занимается симонией — продажей и покупкой церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий, священных реликвий и т. д.
- ³⁴ По другим данным, рыцаря звали Пьер Базиль.
- ³⁵ Цитата из «Антигоны» Софокла.
- ³⁶ Жан Жуанвиль (1223—1317) — французский средневековый историк, биограф Людовика IX Святого, выходец из знатной шампанской семьи.
- ³⁷ Тацит. Германия, гл. 14.
- ³⁸ Цитата из драматической поэмы Байрона «Манфред» (пер. Д. Минаева).
- ³⁹ Элия Капитолина — римская колония, построенная в 135 году на месте разрушенного Иерусалима императором Адрианом после подавления Второго еврейского восстания.
- ⁴⁰ Имеется в виду так называемая «Вторая династия Флавиев», основанная императором Флавием Валерием Констанцием, более известным как Констанций I Хлор; правила в 324—363 годах. Чаще ее называют династией Константина по имени наиболее известного представителя Константина I Великого.
- ⁴¹ Дан и Вирсавия — города, неоднократно упоминаемые в Библии.
- ⁴² Мильные камни — дорожные знаки, которые римляне через определенные промежутки воздвигали на обочинах своих основных дорог. На мильных камнях, представлявших собой цилиндрические колонны высотой от 1,5 до 4 метров и диаметром от 50 до 80 сантиметров, указывалось расстояние до ближайшего населенного пункта.

- ⁴³ Григорий I Великий (ок. 540—604) — папа римский в 590—604 годах.
- ⁴⁴ Имеется в виду Акелдама (*арам.* «поле крови» или «село крови») — участок земли в Иерусалиме, купленный, согласно Новому Завету, на деньги, полученные Иудой от первосвященников за предательство Иисуса Христа.
- ⁴⁵ Иосафатова долина — здесь: Кедронская долина. Упоминается в Ветхом Завете; ее отождествление с Кедронской долиной иногда оспаривается.
- ⁴⁶ *Chansons de geste* (*фр.* «песни о деяниях») — жеста, жанр героического эпоса в средневековой литературе Франции. Самая известная жеста — «Песнь о Роланде».
- ⁴⁷ Катапан (*греч.* «тот, кто наверху», «верховный») — наместник, обладавший всей полнотой военной и гражданской власти во вверенном ему округе.
- ⁴⁸ Святая Четырдесятница — Великий пост. В официальном названии Великого поста, как на Западе, так и на Востоке, используется слово, указывающее на число 40. Так, по-церковнославянски он называется «Четырдесятница», по-латински «*quadragesima*».
- ⁴⁹ Из стихотворения Вяч. Иванова «Возрождение» (сб. «Кормчие звезды»).
- ⁵⁰ «Паломничество Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» — французская эпическая поэма XII века, одна из древнейших жест.
- ⁵¹ Ключинская конгрегация, Ключи — совокупность монастырей с центром в монастыре Ключи. Созданная в 931 году конгрегация быстро росла и к середине XI века вобрала в себя большую часть французских и бургундских монастырей, а затем перешагнула границы современной Франции; к середине XII века общее число монастырей, подчиненных Ключинской конгрегации, приблизилось к двум тысячам.
- ⁵² Мон-Сен-Мишель (*фр.* «гора святого Михаила») — небольшой скалистый остров на северо-западном побережье Франции. Первая церковь была построена здесь в 708 году, по легенде, по прямому указанию архангела Михаила. Монте-Гаргано — горный массив на полуострове Гаргано, вдающемся в Адриатическое море. Здесь в местечке Монте-Сант-Анджело находится святилище Михаила Архангела — старейшее в Западной Европе место паломничества к Архангелу Михаилу, известное с V века. В Средние века существовал паломнический путь от Мон-Сен-Мишель до Гаргано.

- ⁵³ Роберт Отвиль по прозвищу Гвискар (*старофр.* Хитрец) (1016—1085) — четвертый граф (с 1057 года) и первый герцог Апулии (с 1059 года) из дома Отвилей. Окончательно изгнал из Италии византийцев (1071 год), захватил княжество Салерно (1077 год) и тем самым завершил завоевание норманнами Южной Италии.
- ⁵⁴ Папа Григорий VII дважды отлучал от церкви императора Священной Римской империи Генриха IV, но если после первого случая Генрих IV покаялся, то после второго он объявил Григория VII низложенным и способствовал возведению на престол антипапы Климента III. В результате последовавших перипетий Григорий VII бежал к норманнам в Салерно, где в 1085 году умер.
- ⁵⁵ Эремит — отшельник, пустынник (*греч.*).
- ⁵⁶ Вальтер Голяк (Готье Нищий) — французский рыцарь, прозванный так за свою бедность, один из предводителей так называемого «крестьянского крестового похода», который, по сути, был начальным этапом Первого крестового похода. Армия простолюдинов во главе с Петром Пустынником и Вальтером Голяком была полностью разгромлена 21 октября 1096 года превосходящей по численности и хорошо вооруженной армией сельджукского султана Кылыч-Арслана I.
- ⁵⁷ Около XIII века Готфриду Бульонскому была сочинена фантастическая генеалогия, согласно которой его дедом был Элиас (в немецком варианте Лоэнгрин) — Рыцарь Лебеда, — один из семи близнецов, родившихся у короля и королевы, имена которых варьируются.
- ⁵⁸ Каролингский цикл — один из трех основных циклов жест, сгруппированный вокруг фигуры Карла Великого.
- ⁵⁹ Гастон Парис (1839—1903) — французский филолог, историк литературы.
- ⁶⁰ Готфрид Бульонский был единогласно провозглашен иерусалимским королем, но отказался короноваться в городе, где Христос был коронован терновым венцом. Вместо королевского титула он принял титул барона и «Защитника Гроба Господня».
- ⁶¹ Адольф Шаубе (1851—1934) — немецкий историк, экономист.
- ⁶² Фондако — в узком смысле купеческий склад. На Востоке итальянские фондако представляли собой целые колонии, соединявшие склады с поселением и больше похожие на хорошо укрепленные крепости.
- ⁶³ Гуммилак, шеллак — смолистое вещество красного цвета, выделяемое насекомыми-червецами, паразитирующими на некоторых тропических и субтропических деревьях в Индии и Юго-Восточной Азии. Используется для приготовления лаков.

- ⁶⁴ Древесина красного дерева (другие названия: цезальпиния ежовая, красный сандал, пау-бразил, пернамбуковое дерево) — так называемый «бразил» (*порт.* «жар», «раскаленные угли») — ценилась прежде всего как источник сырья для получения красителя тканей, позднее из нее стали изготавливать мебель и музыкальные инструменты. В Европе о ней узнали с началом крестовых походов. Позже, как считается, благодаря ей получила свое название Бразилии, поскольку, обнаружив красное дерево в Южной Америке, португальцы решили, что нашли место, откуда арабские торговцы брали бразил. В действительности арабы поставляли в Европу древесину другого растения — саппана, растущего в Индии и Юго-Восточной Азии и родственного виду, открытому в Южной Америке.
- ⁶⁵ Ассизы (*лат.* «заседания») — здесь: свод законов.
- ⁶⁶ Название происходит от *лат.* *hospitalis* — «гостеприимный».
- ⁶⁷ Туркополы (от *греч.* «сыны турков») — конные лучники из местных жителей, нанимавшиеся христианскими государствами Восточного Средиземноморья.
- ⁶⁸ Атабек — дословно: «отец-правитель» (*тюрк.*); воспитатель сельджукского султана, в случае воцарения малолетнего воспитанника становившийся регентом. В XII веке фактически вся держава Сельджукидов была поделена между атабеками.
- ⁶⁹ В 1195 году Исаак II Ангел был свергнут с престола своим братом Алексеем III, ослеплен и брошен в тюрьму. После освобождения в 1203 году он и его сын Алексей IV при поддержке крестоносцев заняли трон в качестве соправителей, но уже через полгода были низложены Алексеем V Дукой.
- ⁷⁰ Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150 — между 1212 и 1218) — крупный французский феодал, один из руководителей Четвертого крестового похода, автор хроники «Завоевание Константинополя».
- ⁷¹ По одной из версий, венецианский дож Энрико Дандоло (1107 или 1108–1205) был ослеплен в 1171 году во время посольской миссии в Византию по приказу императора Мануила Комнина.
- ⁷² В 1208 году Феодор Ласкарь стал императором Никейской империи, образовавшейся на территории Северо-Западной Анатолии в 1204 году после взятия Константинополя крестоносцами. Обосновавшиеся в Никее императоры видели свою цель в возвращении Константинополя и возрождении Византийской империи.
- ⁷³ Трапезундская империя — греческое государство, образовавшееся в 1204 году на анатолийском побережье Черного моря; в нем утвердилась династия Великих Комнинов, потомков византийского императора Андроника I Комнина.

- ⁷⁴ Имеется в виду католический архиепископ Иерусалима, которому после основания в 1099 году Иерусалимского королевства был присвоен титул «латинский патриарх Иерусалимский». До этого все христиане Святой земли были на попечении православного патриарха Иерусалимского.
- ⁷⁵ Гибеллины — политическая группировка XII—XIV веков, получившая имя от латинизированного названия одного из замков Штауфенов — Гаубелинг. В борьбе между папами и императорами Священной Римской империи гибеллины, к которым по большей части принадлежало дворянство и феодальная знать, всегда выступали на стороне светской власти.
- ⁷⁶ Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря.
- ⁷⁷ Альмохады — династия в Северной Африке и так называемой «Мусульманской Испании» в 1121—1269 годах.
- ⁷⁸ Термином «альбигойцы» во французской историографии XVII—XIX столетий обозначали еретическую христианскую секту катаров, которые исповедовали концепцию о двух равных принципах мироздания, добром и злом, причем материальный мир рассматривался как зло. Движением катаров особенно были затронуты Лангедок, Арагон, север Италии, некоторые земли Германии и Франции. Борьба с катарами долгое время была одним из главных мотивов политики римских пап.
- ⁷⁹ Эль-Мансура была основана братом Саладина Малик аль-Адилем в 1219 году. Свое название (*араб.* «победительница») город получил после победы арабов над крестоносцами в состоявшейся вблизи него главной битве Седьмого крестового похода.
- ⁸⁰ Сенешаль — в Европе одна из высших придворных должностей в X—XII веках. Первоначально в обязанности сенешалей входила организация пиров и придворных церемоний, а также управление слугами, но постепенно сенешальская служба стала самой главной службой короля, а сенешали сконцентрировали в своих руках весьма серьезную власть при дворе. Дабы избежать этого, с 1191 года решением Филиппа II Августа сенешали были превращены в чиновников, которые возглавляли на местах администрацию, вершили суд, ведали военными вопросами и управляли финансами.
- ⁸¹ Мамлюкский султанат в Египте образовался в 1250 году результате захвата власти в Каире мамлюками — военным сословием, которое пополнялось в основном обращенными в ислам юношами тюркского и кавказского происхождения.

- ⁸² Ашиль Люшер (1846—1908) — французский историк-медиевист, филолог.
- ⁸³ Имеются в виду католические монахи, носящие на голове тонзуру — выбритый кружок на макушке.
- ⁸⁴ Имеется в виду битва на Косовом поле, состоявшаяся 15 июня 1389 года между сербами и турками. О ее исходе имеются противоречивые мнения, но очевидно, что она открыла путь для проникновения мусульман на юго-восток Европы.
- ⁸⁵ Из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...».

Содержание

Крестом и мечом.

Приключения Ричарда I Львиное Сердце

Предисловие	7
Глава I. Викинг во французской культуре	8
Глава II. Борьба за владения во Франции	20
Глава III. Через Средиземное море.	32
Глава IV. Победы и поражения в Палестине.	49
Глава V. Дело латинских завоевателей на Востоке	63
Глава VI. Личная трагедия Ричарда Львиное Сердце	74
Глава VII. Ричард в истории и песне	87

Эпоха крестовых походов.

Запад в крестоносном движении

Глава I. Подготовка крестоносного движения	103
Глава II. Первый крестовый поход	120
Глава III. Движение на Средиземном море.	133
Глава IV. Латинская Сирия	142
Глава V. Поворот в судьбе Палестины. Латинская империя. . .	156
Глава VI. Падение крестоносного энтузиазма	176
Глава VII. Эпилог крестовых походов	184

<i>Примечания</i>	<i>190</i>
-----------------------------	------------

- Д55 **Добиаш-Рождественская О.**
Эпоха крестовых походов и ее герои / Ольга Добиаш-Рождественская. — М. : Ломоносовъ. — 2017. — 208 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-405-3

«Как случилось, что такие массы вняли голосу Божию, покинули жен, родных, имения?» — задавался вопросом Фульхерий Шартрский, участник и хроникер Первого крестового похода. И в самом деле, что заставляло тысячи и тысячи людей покидать родные места и с оружием в руках идти в невероятные заморские паломничества, из которых многим вернуться было не суждено? Кто они были, вожди и рядовые участники крестовых походов, несшие с собой не только любовь к Богу, но также смерть и разрушение, — безумные фанатики, алчущие обогащения авантюристы, воины, с чистыми помыслами исполняющие свой долг, или обычные люди, попавшие в круговорот религиозного воодушевления? И как возникла впервые и почему повторилась не раз волна крестоносного энтузиазма, поднимавшая в дорогу целые народы, — и вообще, что это было? На эти вопросы дает ответ книга Ольги Добиаш-Рождественской.

Ольга Добиаш-Рождественская (1874—1939) — выдающийся историк-медиевист, первая женщина — член-корреспондент отечественной Академии наук.

УДК 94(569.4)034
ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Ольга Добиаш-Рождественская

Эпоха крестовых походов и ее герои

Редактор В. Бройде
Верстка А. Петрова
Корректор Н. Пущина

Подписано в печать 04.05.2017.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано:
Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80

Ольга Добиаш-
Рождественская
Эпоха
крестовых
походов
и ее герои

«Как случилось, что такие массы вняли голосу Божию, покинули жен, родных, имущества?» — задавался вопросом Фульхерий Шартрский, участник и хроникер Первого крестового похода. И в самом деле, что заставляло тысячи и тысячи людей покидать родные места и с оружием в руках идти в невероятные заморские паломничества, из которых многим вернуться было не суждено? Кто они были, вожди и рядовые участники крестовых походов, несшие с собой не только любовь к Богу, но также смерть и разрушение, — безумные фанатики, алчущие обогащения авантюристы, воины, с чистыми помыслами исполняющие свой долг, или обычные люди, попавшие в круговорот религиозного воодушевления? И как возникла впервые и почему повторилась не раз волна крестоносного энтузиазма, поднимавшая в дорогу целые народы, — и вообще, что это было? На эти вопросы дает ответ книга Ольги Добиаш-Рождественской.

Ольга Добиаш-Рождественская (1874—1939) — выдающийся историк-медиевист, первая женщина — член-корреспондент отечественной Академии наук.

ISBN 978-5-91678-405-3

9 785916 784053